

ИСТОРИЯ ВЛАСТИ
ОТ ПЕТРА I
ДО НИКОЛАЯ II

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИИ
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

П. А. СТОЛЫПИН

Государственные деятели России глазами современников

Сборник

П. А. Столыпин

ИЦ «Пушкинского фонда»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Сборник

П. А. Столыпин / Сборник — ИЦ «Пушкинского фонда»,
2018 — (Государственные деятели России глазами современников)

ISBN 978-5-99007582-9-2

Петр Аркадьевич Столыпин – одна из наиболее ярких и трагических фигур российской политической истории. Предлагаемая читателю книга, состоящая из воспоминаний как восторженных почитателей и сподвижников Столыпина – А. И. Гучкова, С. Е. Крыжановского, А. П. Извольского и других, так и его непримиримых оппонентов – С. Ю. Витте, П. Н. Милюкова, – дает представление не только о самом премьер-министре и реформаторе, но и о роковой для России эпохе русской Смуты 1905–1907 гг., когда империя оказалась на краю гибели и Столыпин был призван ее спасти. История взаимоотношений Столыпина с первым российским парламентом (Государственной думой) и обществом – это драма решительного реформатора, получившего власть в ситуации тяжелого кризиса. И в этом особая актуальность книги. Том воспоминаний читается как исторический роман со стремительным напряженным сюжетом, выразительными персонажами, столкновением идей и человеческих страстей. Многие воспоминания взяты как из архивов, так и из труднодоступных для широкого читателя изданий. Составитель настоящего издания, а также автор обширного предисловия и подробных комментариев – историк и журналист И. Л. Архипов, перу которого принадлежит множество работ, посвященных проблемам социально-политической истории России конца XIX – первой трети XX в.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-99007582-9-2

© Сборник, 2018

© ИЦ «Пушкинского фонда», 2018

Содержание

И. Л. Архипов	7
Орел, змея, подкова	11
Губернаторские уроки	15
Новое лицо власти	20
Политический выход	24
«Премьер-джентльмен»	29
Реформаторская премьера	33
Либеральный арсенал	37
Слово и дело власти	40
Ключевая ставка	46
Реформаторское «чистилище»	51
«Стабильность» или реакционный триумф?	57
Расплата за миф	62
Примечания	65
П. А. Столыпин	68
М. П. фон Бок (Столыпина)	69
Часть первая	69
Часть вторая	72
А. А. Столыпин	84
Из писем П. А. Столыпина к супруге О. Б. Столыпиной	85
В. И. Гурко	96
Первое министерство И. Л. Горемыкина и Государственная дума первого созыва (23 апреля – 9 июня 1906 г.)	96
Министерство Столыпина. Вторая и Третья Государственные думы (9 июня 1906 г. – 11 сентября 1911 г.)	100
Конец ознакомительного фрагмента.	109

И. Л. Архипов
Петр Аркадьевич Столыпин

- © Архипов И. Л., составление, вступительная статья, комментарии, 2017
- © Бок (Столыпина) М. П. (наследники), 2017
- © Гирс А. Ф. (наследники), 2017
- © Маклаков В. А. (наследники), 2017
- © Тыркова-Вильямс А. В. (наследники), 2017
- © Обласов В. Ю., оформление серии, 2017
- © ООО «ИЦ Пушкинского фонда», 2017 Издательство «Пушкинского фонда» ®

И. Л. Архипов

Реформатор между революцией и реакцией

Политическая судьба П. А. Столыпина и связанных с его именем реформ драматична и парадоксальна. Столыпин оказался на вершине власти в сложнейший исторический момент, в условиях острого противостояния власти и общества, непрекращающихся революционных выступлений и начинающихся преобразований, «предначертанных» идеологией Манифеста 17 октября 1905 года.

Получив приглашение в Царское Село на высочайшую аудиенцию 25 апреля 1906 года, саратовский губернатор П. А. Столыпин не ожидал, скорее всего, столь стремительных изменений в своей карьере и тем более не настраивался на роль «великого реформатора». Николай II предложил ему занять кресло министра внутренних дел в новом составе правительства, которое спешно формировалось под председательством И. Л. Горемыкина к запланированному на 27 апреля созыву Государственной думы. Почтенный представитель консервативной высшей бюрократии И. Л. Горемыкин был назначен вместо отправленного в отставку графа С. Ю. Витте, автора Манифеста 17 октября 1905 года, доставлявшего царю массу неудобств масштабностью своей фигуры, наличием собственных взглядов и попытками продолжать либеральные преобразования. А Петру Аркадьевичу предстояло заменить многоопытного полицейского деятеля П. Н. Дурново, раздражавшего общественное мнение как «усмиритель революции» и символ крайней реакции. 44-летний Столыпин, служивший преимущественно в провинции, не имел еще ни громкой известности, ни одиозной репутации. Он казался государю вполне подходящим кандидатом в новых условиях, когда «исторической власти» впервые придется сосуществовать с народным представительством. Вопрос о проведении каких-либо реформ не поднимался.

Николай II воспринимал Столыпина, судя по всему, просто как энергичного, решительного чиновника-администратора, хорошо знакомого со всем, что происходило в стране. Петр Аркадьевич импонировал и личным мужеством. Назначая Столыпина главой Министерства внутренних дел, а спустя всего два с половиной месяца – председателем Совета министров, царь не догадывался об имеющемся у него потенциале политического лидера и яркого публичного политика с амбициями крупного государственного деятеля. В противном случае, конечно, на одной из ключевых должностей в структуре государственной власти оказался бы персонаж совсем другого склада. Благоприятно, как залог будущей покладистости министра, мог воспринять Николай II и продемонстрированную Столыпиным нерешительность: мол, он не уверен, что опыта работы в провинции будет достаточно в такое тревожное время, и, возможно, сначала было бы лучше поработать товарищем (заместителем) министра. «В конце беседы я сказал государю, что умоляю избавить меня от ужаса нового положения», – сообщал Петр Аркадьевич в письме супруге. Вынужденный подчиниться приказанию, Столыпин не испытывал ни особой гордости от столь ответственного назначения, ни «воли к власти»: «Вчера судьба моя решилась! Я министр внутренних дел в стране окровавленной, потрясенной, представляющей из себя шестую часть шара, и это в одну из самых трудных исторических минут, повторяющихся раз в тысячу лет. Человеческих сил тут мало, нужна глубокая вера в Бога, крепкая надежда на то, что Он поддержит, вразумит меня. Господи, помоги мне... я надеюсь пробыть министром 3–4 месяца. Выдержать продолжающийся шок, поставить в какую-нибудь возможность работу с народными представителями и этим оказать услугу Родине». Приходилось забыть о том, что еще совсем недавно губернатор Столыпин, не скрывая своего ощущения сильнейшей усталости

сти, только и мечтал: «Лишь бы пережить это время и уйти в отставку, довольно я послужил, больше требовать с одного человека нельзя...»¹.

Принципиальные политические уступки, вырванные у Николая II буквально под угрозой потери власти, в дни массовой всероссийской стачки, подразумевали переход от неограниченного самодержавия к «обновленному строю»: конституционной монархии с выборным народным представительством, обладающим законодательными полномочиями. Традиционные для России запоздалость и половинчатость реформ усугублялись дефицитом доверия к власти, сохраняющимся почти во всех общественных кругах, и недовольством самых многочисленных и активных социальных слоев населения. И Столыпин, быстро освоившийся в столичных придворных сферах и среди бюрократической элиты, преодолев самоощущение провинциала, заняв ключевые позиции премьер-министра и одновременно главы Министерства внутренних дел, попытался ответить на вызовы и общественные запросы – предложив политику модернизации в сочетании с «успокоением».

Столыпиним была сформирована системная программа либеральных реформ, не имевшая, по сути, аналогов в российской истории XIX – начала XX века по своей комплексности, не говоря уже о реальных шансах на воплощение (естественно, при определенных обстоятельствах). Историческая заслуга Столыпина состояла в том, что он аккумулировал в программе важнейшие элементы преобразований, потребность в которых давно назрела (роль «генератора» реформаторских мероприятий признавалась за ним отнюдь не всеми современниками). А главное – взяв на себя ответственность, искренне и энергично, особенно в первые годы, стремился продвигать осуществление этой программы. Помимо аграрной реформы (разумеется, одной из основополагающих и значимых в социально-экономическом отношении) программа предусматривала целый ряд преобразований, нацеленных на развитие институтов гражданского общества и укрепление принципов правового государства в повседневной практике носителей власти. Важное место занимали реформы местного управления и самоуправления, призванные оздоровить и одновременно упрочить «вертикаль власти», развитие земств, изменение судебной системы, преобразование силовых структур, формирование системы социальной защиты трудящихся слоев населения и т. д.

Примечательно, что Столыпин своим политико-психологическим обликом и стилем поведения сразу заявил о себе как о государственном деятеле нового типа, а не просто очередном представителе «сановной бюрократии». Неординарный масштаб фигуры становился еще более очевиден благодаря качествам блестящего публичного политика, которые раскрылись с первых же выступлений в Государственной думе. Убежденный в необходимости серьезных шагов по дальнейшему «обновлению России», первоначально он хотел наладить сотрудничество с умеренными либералами и привлечь в правительство популярных общественных деятелей. Столыпин воспринимался обществом как «конституционалист», хотя и предпочитал пользоваться формулировкой «представительный строй». Премьер отдавал себе отчет, что понятие «конституции» и после 17 октября 1905 года остается для Николая II категорически неприемлемым – и политически, и психологически, в силу так и неизменившегося мировосприятия «неограниченного самодержца». П. Б. Струве, один из ведущих идеологов российского либерализма, редактор журнала «Русская мысль», оценивая критически «позднего» Столыпина, признавал: в своей деятельности премьер-министр испытывал потребность в элементах конституционной системы власти, которые являлись и условием его самореализации как государственного деятеля. «Он хорошо понимает, что откровенное восстановление самодержавия в том смысле, в каком оно отменено манифестом 17 октября, т. е. в смысле неограниченной власти монарха, было бы в своих последствиях катастрофически губительно для русского госу-

¹ Здесь и далее знаком * обозначены подстрочные примечания, арабской цифрой – примечания к вступительной статье (см. с 73–76), а также комментарии, расположенные в конце настоящего издания.

дарства, – отмечал Струве. – <...> Перед нами любопытный случай: чувствами и традициями Столыпин совсем не связан с конституцией и к ней не привязан, но весь масштаб его личности делает конституционную жизнь страны безусловно необходимой для полного проявления этой личности. Таким образом, не только по соображениям государственно-рассудочным Столыпин держится за конституционную *форму*; он и непосредственно ею дорожит как эстетически... необходимой рамкой для его личности»².

Роковая коллизия сопутствовала пятилетнему пребыванию Столыпина у власти. Наиболее плодотворным, с точки зрения успешного проведения реформ «сверху», оказался самый сложный период. Это время с июля 1906 года, когда одновременно с роспуском 1-й Думы Столыпин занял пост премьер-министра, и до созыва 2-й Думы в феврале 1907 года. По всей стране продолжались еще революционные волнения, а власть сталкивалась с ожесточенным противодействием оппозиции – от либералов-кадетов до социал-демократов и «трудовиков» на левом фланге. Используя инструмент «чрезвычайно-указного» законодательства, предусмотренного статьей 87 Основных законов, утвержденных 23 апреля 1906 года, Столыпин добился одобрения царем, в частности, ключевых решений по аграрной реформе, отмены правовых ограничений для крестьян, дополнительных послаблений в сфере вероисповедания. Однако по мере ослабления революционной угрозы для правящего режима и наступления «стабильности» не только притуплялась потребность в преобразованиях, но и стремительно возрастало сопротивление последующим реформаторским шагам.

Противодействие исходило от всех главных «центров влияния», которые предопределяли характер и эффективность реформаторской деятельности правительства Столыпина. Это и лично Николай II, императрица, члены императорской семьи, и «придворная камарилья» – ближайшее окружение царя, традиционно консервативное и чуткое к его настроениям, и так называемое «объединенное дворянство» – боровшиеся за сохранение своего политического и экономического влияния крупные помещики и землевладельцы. Давление со стороны правоконсервативных и откровенно реакционных сил, включая пользующихся симпатией Николая II «черносотенцев» различных оттенков, ослабляло позиции Столыпина и его способность добиваться проведения преобразований. Более того, в правящих верхах, на фоне прогрессирующего самоуспокоения и уходящего страха перед революцией, снижалась потребность в самом Столыпине, который являлся не просто номинальным главой правительства, а стремился объединять его деятельность на основе программы реформ. А. И. Гучков, лидер партии октябристов, которая длительное время была в Думе основной опорой для курса Столыпина, утверждал, что влияние этих сил стало одним из главных факторов неудачи реформ. «Как это ни странно, но человек, которого в общественных кругах привыкли считать врагом общественности и реакционером, представлялся в глазах тогдашних реакционных кругов самым опасным революционером, – отмечал Гучков. – Считалось, что со всеми другими так называемыми революционными силами легко справиться (и даже чем они левее, тем лучше) в силу неосуществимости тех мечтаний и лозунгов, которые они преследовали, но когда человек стоит на почве реальной политики, это считалось наиболее опасным. Поэтому и борьба в этих кругах велась не с радикальными течениями, а главным образом с целью свергнуть Столыпина, а с ним вместе и тот минимум либеральных реформ, которые он олицетворял собою... Убить его политически удалось, так как влияния на ход государственных дел его лишили совершенно, а через некоторое время устранили его и физически»³.

Столыпин пытался лавировать, понимая, в каких условиях приходится действовать и насколько влиятельные силы оказывают сопротивление реформам. Премьер был вынужден идти на уступки, в ряде ситуаций – весьма существенные, сдавая принципиальные позиции. Однако проблема была не в Столыпине, не он являлся инициатором «отката» в преобразовательной активности, хотя общественное мнение и возлагало на него в значительной степени ответственность за изменение курса. Промедление с реформами (за исключением аграрной) в

контексте очевидного подавления революции начиная с 1908–1909 годов все чаще ставилось в вину Столыпину. К тому же знаменитая формула «сначала успокоение, а затем реформы» ассоциировалась во многом именно с его позицией. Наблюдался отказ, в той или иной форме, или непоследовательность при осуществлении важнейших реформ, которые способствовали бы комплексному разрешению социально-политических проблем в стране. Либеральные преобразования, развивающие принципы конституционализма и правового государства, заложенные в Манифесте 17 октября, подменялись воинствующим национализмом, демонстративными великодержавными «жестами» (особенно в отношении Финляндии), показной заботой об укреплении военной мощи, вызывающей защитой таких одиозных методов полицейского государства, как политическая провокация в стиле «азефовщины». Лозунг «Великой России» все больше наполнялся совсем иным политическим содержанием, чем подразумевала программа либеральных по своей сути реформ, выдвинутая Столыпиным в 1906–1907 годах.

Впрочем, похоже, в последний период и сам Петр Аркадьевич осознавал провал политики реформ. Пребывая в крайне подавленном состоянии, особенно после «конституционного кризиса» в марте 1911 года, он ощущал в складывающихся властно-политических реалиях свою обреченность как государственного деятеля. Утратив реальную поддержку Николая II, он при этом окончательно лишился и поддержки умеренных либералов-октябристов. Символично и то, что Столыпин, хорошо понимая специфику политического режима, который так и не удалось вовремя реформировать в либеральном ключе, незадолго до гибели говорил с провидческой безнадежностью: «Меня убьют, и убьют чины охраны».

Орел, змея, подкова

Петр Аркадьевич Столыпин происходил из древнего дворянского рода, известного с XVI столетия и обладавшего обширными связями с другими знатными семействами, знаменитыми фигурами военной и сановной элиты. Столыпины, судя по родословной, как отмечают исследователи, не относились к числу наиболее именитых и знатных родов, это были служилые дворяне. В течение XVIII века они вошли в верхние слои дворянской элиты, и с начала XIX столетия представители семейства стали достигать высоких позиций на гражданской и военной службе. Самые известные линии рода ведут начало от Алексея Емельяновича Столыпина (1744–1810), пензенского губернского предводителя дворянства, у которого было пятеро сыновей и пятеро дочерей.

Один из сыновей, Дмитрий Алексеевич Столыпин (1785–1826), дед будущего реформатора, закончивший службу генерал-адъютантом и состоявший при особе императора, участвовал в Отечественной войне 1812 года, в том числе в Аустерлицком сражении, затем служил на юге. Он был в хороших отношениях с П. И. Пестелем, и есть сведения, что декабристы предполагали включить Дмитрия Алексеевича в состав временного правления. Его брат, Аркадий Алексеевич Столыпин (1778–1825), женатый на дочери адмирала Н. С. Мордвинова, – друг и сподвижник реформатора М. М. Сперанского, сенатор и обер-прокурор одного из департаментов Сената. Сыновья А. А. Столыпина – гвардейские офицеры Алексей Аркадьевич (1816–1858) и Дмитрий Аркадьевич (1818–1893) были близкими друзьями М. Ю. Лермонтова. Алексей Аркадьевич как секундант участвовал в его роковой дуэли. Примечательно, что братья Столыпина являлись родственниками Лермонтова по женской линии. Их тетя, Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожденная Столыпина), приходилась бабушкой Михаилу Юрьевичу, она и воспитывала будущего поэта (и знаменитое имение Тарханы принадлежало Столыпинам). Дмитрий Аркадьевич, уехав за границу после выхода в отставку с военной службы, увлекся философией О. Конта, написал ряд сочинений по философии права. Возвратившись на родину, популяризировал устройство крестьянских хуторов на землях, арендованных у помещиков, противопоставляя эту систему общинному землевладению, этой теме посвящено несколько его книг.

Фамильный герб Столыпиных – своеобразное отражение истории дворянского рода, служившего верой и правдой российским царям и защищавшего интересы государства. На щите изображен одноглавый орел – геральдический символ власти, господства и при этом великодушия и прозорливости. Правой лапой орел сжимает задушенную змею, что символизирует наказанное зло, а в левой держит серебряную подкову с золотым крестом – знак грядущего счастья. Щит, увенчанный дворянским шлемом и короной, удерживают два единорога, а под ним девиз: «Deo spes mea»².

Будущий председатель Совета министров родился 2 апреля 1862 года в Дрездене (впоследствии почитатели не всегда хотели вспоминать об этом, а на установленном в Киеве памятнике даже указывалось, что Петр Аркадьевич появился на свет якобы в Москве). В это время в Германии, у своих родственников, гостила его мать – Наталья Михайловна, урожденная Горчакова, племянница знаменитого канцлера А. М. Горчакова. У его брата – наместника Польши князя М. Д. Горчакова – служил адъютантом Аркадий Дмитриевич Столыпин (1822–1898). В браке с Натальей Михайловной (у него это был второй брак) родились сыновья Петр, Михаил, Александр и дочь Мария. Начав в 16 лет службу в конной артиллерии, Аркадий Дмитриевич сделал блестящую военную карьеру, получил звание генерал-лейтенанта и в последние годы заведовал дворцовой частью в Москве, то есть был комендантом Кремля. Биография отца П.

² «Бог – надежда моя» (лат.).

А. Столыпина весьма насыщенная. Он участвовал в Крымской войне, защищая Севастополь, состоял флигель-адъютантом Александра II, командовал корпусом в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, а после ее окончания был генерал-губернатором Восточной Румелии и Адрианопольского санджака. А. Д. Столыпин являлся также наказным атаманом Уральского казачьего войска, занимал различные должности в военном министерстве. Познакомившись во время Крымской войны с молодым офицером и будущим писателем Львом Толстым, он дружил с ним до конца жизни. Аркадий Дмитриевич, выходявший несколько раз в отставку, был человеком увлекающимся и разносторонним – сочинял музыку, играл на скрипке, пробовал себя в качестве скульптора, интересовался богословием, историей, искусством, написал книгу «История России для народного и солдатского чтения»⁴.

Петр Столыпин до 12 лет получал домашнее образование. Воспитанием занималась английская гувернантка, учителя французского и немецкого, благодаря чему он впоследствии свободно владел тремя иностранными языками. Детство прошло в основном в имении Колноберже, в Ковенской (Каунасской) губернии. Это небольшое имение в Литве досталось А. Д. Столыпину в счет карточного долга, и оно настолько понравилось всем членам семьи, что они перенесли сюда обстановку из своих родовых великорусских поместий. Между тем Столыпиным принадлежали владения в Саратовской, Пензенской, Нижегородской, Казанской, Московской губерниях, было еще одно имение в Ковенской губернии (добираться до него приходилось через Пруссию из-за отсутствия железной дороги). В зимний период семья проживала в Колноберже, а летом проводила значительное время в Швейцарии. Собственный дом был у Столыпиных и в Вильно – здесь Петр с братом Александром учились в гимназии. Но завершали обучение они в Орловской мужской гимназии – семья переехала в Орел, где размещался 9-й армейский корпус, которым А. Д. Столыпин командовал после Русско-турецкой войны.

Выбор естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, на который Петр был зачислен в августе 1881 года, был нетипичен для юноши из аристократической семьи. Более ожидаемым было бы обучение в расчете на военную, государственную или дипломатическую службу. Однако помехой для военной карьеры стало заболевание правой руки, действовавшей плохо, – ее приходилось поддерживать, а когда Петр писал, то подкладывал левую руку, помогавшую водить пером по бумаге. Причина недуга достоверно не известна – современники говорили о некоем несчастном случае в юности, о травме, в результате чего рука начала «сохнуть». Распространена была и романтическая версия: будто бы Петр получил ранение в руку, стреляясь с князем И. Н. Шаховским, убившим на дуэли его старшего брата Михаила. Документальных подтверждений подобного дуэльного эпизода нет, но трагическая гибель в сентябре 1882 года старшего брата отразилась и на личной жизни Петра Аркадьевича. Михаил был обручен с Ольгой Борисовной Нейдгардт, приходившейся правнучкой легендарному полководцу А. В. Суворову, и перед смертью он просил брата о ней позаботиться и даже благословил их брак. Петр Столыпин женился на Ольге, когда ему еще не исполнилось двадцати двух лет, – столь ранние браки тогда были редкостью, особенно для студентов («Смотри, женатый», – с интересом указывали на него товарищи по университету). Супружеская жизнь Петра Аркадьевича и Ольги Борисовны оказалась счастливой: у них родились пять дочерей – Мария, Наталья, Елена, Ольга, Александра, а в 1903 году появился на свет и сын Аркадий.

Столыпин успешно окончил университет в 1885 году, получив степень кандидата физико-математического факультета. Судя по всему, его привлекала широта образования, которое давалось на этом факультете, – он изучал математику, физику, химию, анатомию, зоологию, ботанику, геологию, агрономию и т. д. Дипломная работа, написанная на последнем курсе, была посвящена экономико-статистическим вопросам разведения табака на юге России. «Восьмидесятник» по своему менталитету, сохранявший консервативность мировоззрения и симпатизирующий идеям славянофилов, он с увлечением изучал естественные науки (нужные

и для последующей хозяйственной деятельности как помещика). Столыпин был равнодушен к студенческому «нигилизму» – видимо, уже тогда у него вызывали отторжение оппозиционные настроения и радикализм интеллигенции. Естественно, проблем с полицией у него не возникало, напротив, Петр был зачислен на службу в Министерство внутренних дел еще в 1884 году, до окончания университета (подобное случалось нечасто!). Возможно, сказалась забота о своем зяте Б. А. Нейдгардта, почетного опекуна Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии Федоровны.

Впрочем, вскоре после окончания университета Столыпин подал прошение о переводе в Министерство государственных имуществ – в департамент земледелия и сельской промышленности. Служба, начатая со скромной должности помощника столоначальника, проходила в статистическом отделе. Доступ к огромному объему статистических материалов, характеризующих развитие экономики и особенно процессы становления «аграрного капитализма», был полезен для формирования экономических воззрений и в будущем подходов к проведению аграрной реформы. Столыпин участвовал в составлении библиографического указателя литературы по развитию сельского хозяйства, изданного в 1887 году, изучал труды ведущих экономистов по аграрному вопросу. Свидетельство положительных оценок работы Столыпина: за участие в продолжающейся земельной реформе он был награжден знаком отличия «За поземельное устройство бывших государственных крестьян». В 1888 году Петр Аркадьевич получил звание камер-юнкера и оказался включен в статусный «Адрес-календарь»⁵.

В 1889 году Столыпин, по собственной инициативе вновь переведенный в Министерство внутренних дел, был назначен ковенским уездным предводителем дворянства (в девяти губерниях Западного края, в бывших польских губерниях, предводители дворянства не избирались). Сменив столицу на провинцию, Петр Аркадьевич возвратился в Ковенскую губернию уже со своей семьей.

В течение десяти лет Столыпин – предводитель дворянства Ковенского уезда. В 1899 году Петр Аркадьевич был назначен губернским предводителем дворянства, заняв во властной иерархии Ковенской губернии вторую по значимости – после губернатора – должность. Семья ежегодно около пяти месяцев жила в городе Ковно, переселяясь после Пасхи в Колноберже. Поэтому летом Столыпин постоянно курсировал между Ковно и имением, где проводил половину недели. На землях Западного края предводитель дворянства помимо обычных представительских функций должен был проявлять и способности дипломата, смягчая по возможности противоречия между русскими властями и польской шляхтой. И Столыпину, усердно и добросовестно исполнявшему обязанности предводителя, судя по всему, это удалось. Как вспоминала Мария, старшая дочь Столыпина, отец, не ограничиваясь лишь своими непосредственными обязанностями предводителя, стремился создавать в губернии «что-нибудь новое».

«Любимым его детищем было Сельскохозяйственное общество, на устройство которого он положил много времени и сил и работа которого вполне оправдала его надежды, – отмечала М. П. Бок (Столыпина). – Был при нем склад сельскохозяйственных орудий, устройство которого особенно увлекало папá. Молодой, энергичный и деятельный мой отец рьяно принялся за работу с первого же дня своей службы и до последнего дня... Кроме Сельскохозяйственного общества и склада, по его почину был построен в Ковне Народный дом, и много времени он проводил там, следя за устройством ночлежного отделения, чайной, за правильной постановкой чтения для рабочих и народа вообще; за устройством представлений и народных балов. Мои родители всегда ездили на эти представления, и помню, с каким энтузиазмом они рассказывали о первом представлении кинематографа, об этих „удивительных движущихся картинах“... Но вообще, вечера, когда родители уезжали из дому, были редки. Кроме посещения нескольких представлений за зиму в Народном доме, они изредка бывали в городском театре, но почти исключительно на гастролях проезжавших через Ковну знаменитостей. Ковна лежала по дороге из Петербурга в Берлин, и случалось, что ездившие в турне артисты оставались на

один-два дня у нас, и тогда, конечно, маленький ковенский театр бывал битком набит публикой»⁶.

Тем не менее в этот период, особенно до назначения губернским предводителем дворянства, основным делом Петра Аркадьевича было занятие собственным хозяйством – прежде всего в Колонобережье и примыкавших к нему фольварках Петровском и Ольгино. Увлеченный этим делом, он смог превратить имение в образцовое хозяйство с многопольным севооборотом и развитым животноводством. К началу XX столетия в руках семейства Столыпиных, с учетом полученных наследств, покупок и продаж имущества, было 7450 десятин земли в различных губерниях, что обеспечивало Петру Аркадьевичу заметное место в среде поместного дворянства⁷.

Столыпин занимался в ковенский период и самообразованием. Изучал современную литературу по праву, экономике, финансам, уделяя внимание западноевропейскому опыту и его применению в российских реалиях. Эти знания находили отражение в докладах и записках, которые Столыпин готовил как председатель Ковенского общества сельского хозяйства и представлял в Министерство внутренних дел. Так, в составленной в 1901–1902 годах «Записке о рабочем страховании» поднималась совершенно новая для России тема социального страхования именно сельскохозяйственных рабочих. Проанализировав законодательство и опыт европейских стран, Петр Аркадьевич считал необходимым и в России развивать страхование для сельскохозяйственных рабочих, улучшая тем самым условия труда и жизни. Обращение к этому вопросу диктовалось отнюдь не теоретическим интересом, а вполне практическими соображениями, актуальными для Ковенской губернии. Местных помещиков сильно беспокоило, что сельскохозяйственные рабочие – батраки и поденщики, недовольные условиями найма, – массово уходят на заработки в Германию. Считая бесполезной и вредной борьбу с трудовой миграцией путем запретов (хотя за это высказывались многие крупные ковенские землевладельцы), Столыпин полагал, что важнее улучшать положение рабочих, в том числе с помощью социального страхования⁸.

Губернаторские уроки

В мае 1902 года достаточно неожиданно Столыпин оказался назначен гродненским губернатором. Петр Аркадьевич, вместе с семьей отдохавший и лечившийся на курорте в Германии, был срочно вызван в Петербург новым министром внутренних дел В. К. Плеве. Премьер Д. С. Сипягина, убитого 2 апреля эсером-террористом в Мариинском дворце, взял курс на выдвижение в губернаторы дворян, хорошо знавших местную жизнь. Одним из первых таких решений стало назначение Столыпина губернатором Гродненской губернии, соседней с Ковенской. Плеве учитывал и наличие у Столыпина опыта работы чиновником в Петербурге, и службу уездным и губернским предводителем дворянства в течение 13 лет. Министр мог оценить инициативность Столыпина, не желающего быть «статистом», умение выстраивать диалог с различными общественными группами, вдумчивость и самостоятельность суждений в докладах и записках, выдержанных при этом в умеренно консервативном стиле. Например, в записке по поводу проекта Министерства внутренних дел о введении земства в западных губерниях Петр Аркадьевич заявлял о недопустимости земских выборов, которые могут привести к обострению борьбы между русским и польским населением и создать «нездоровую атмосферу». В то же время, высказываясь против идеи назначения земских гласных губернатором, он предлагал формировать их состав примерно по той же схеме, как избираются присяжные заседатели для окружных судов, что обеспечит «умный подбор» кандидатов, утверждаемых представительными межведомственными уездными комиссиями, а затем – министром внутренних дел.

Благодаря соседству Гродненской и Ковенской губерний в укладе жизни семьи Столыпина, ставшего самым молодым губернатором в России, больших изменений не произошло. Семейство с восторгом восприняло переезд в огромный старинный замок последнего польского короля Станислава Понятовского, отведенный под резиденцию губернатора (рассказывали, что предшествующий губернатор катался по дворцу на велосипеде!). Показательный штрих к портрету П. А. Столыпина: по воспоминаниям дочери, несмотря на увлеченность новой работой, она не совсем его удовлетворяла из-за отсутствия «полной самостоятельности». «Гродненская губерния с Ковенской и Виленской составляли одно генерал-губернаторство, и, таким образом, губернаторы этих губерний подчинялись генерал-губернатору виленскому. Хотя в то время и был таковым крайне мягкий администратор и очень хороший человек князь Святополк-Мирский, работа моего отца под начальством которого ни одним трением не омрачилась, все же она не была совершенно самостоятельной, что претило характеру папá», – отмечала М. П. Бок⁹.

Примечательно, что еще в 1903 году, будучи гродненским губернатором, Столыпин публично обозначил основные контуры грядущей аграрной реформы и ряд сопутствующих ей мероприятий. На заседаниях губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности (они были созданы во всех губерниях по указанию из Петербурга, в рамках соответствующего Особого совещания), Столыпин проявил себя как государственный деятель, которого всерьез волнуют перспективы аграрной сферы. Причем взгляд на эти вопросы был довольно широким – отнюдь не с узкословных, помещичьих позиций. Среди первоочередных проблем и задач, требующих решения, Петр Аркадьевич обозначил устранение чересполосицы крестьянских земель и расселение крестьян на хутора. Подчеркивалась важность агрономической помощи, предоставления мелиоративного кредита и, в целом, развития мелкого кредита, кооперации, дорожного строительства. Особенно необходимо было, по его мнению, развитие народного образования, пропаганда сельскохозяйственных знаний, создание сельскохозяйственных школ, расширение существующих мужских училищ и даже организация женских школ. Столыпин горячо возражал одному из помещиков, который ратовал за доступ-

ность образования лишь для «обеспеченных классов»: мол, помещикам нужна только рабочая сила, повышение же образовательного уровня рабочего люда будет подталкивать их к «государственному перевороту, социальной революции и анархии». «Бояться грамоты и просвещения, бояться света нельзя. Образование народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведет его к анархии, – утверждал Петр Аркадьевич. – Общее образование в Германии должно служить идеалом для многих культурных стран. И между тем нет более спокойной и лояльной страны, как Германия». Либерализм суждений Столыпина о необходимых преобразованиях дополнялся принципиальным подходом, который будет характерен на протяжении всей последующей реформаторской деятельности. Власть должна «сверху», по собственной инициативе, проводить мероприятия по улучшению условий жизни для крестьянского населения, не дожидаясь, пока оно осознает необходимость этого «при подъеме умственного развития»¹⁰.

Вскоре, через десять месяцев после назначения в Гродно, Столыпин получил возможность работы более самостоятельной и ответственной и в гораздо более сложных условиях. Министр внутренних дел Плеве, пригласив Петра Аркадьевича в феврале 1903 года в Петербург, сообщил о решении назначить его губернатором в Саратов. Безусловно, это было знаком особого доверия. Саратовская губерния – более крупная по площади, с пестрым по национальному составу населением – считалась в политическом отношении «красной», как и все Поволжье. Двумя годами ранее Столыпин продал свое родовое поместье, находившееся в Вольском уезде Саратовской губернии, чтобы даже изредка не ездить в столь отдаленные края. Просьбу о возможности продолжить службу в Гродно, поближе к Колноберже и другим поместьям родственников, Плеве категорически отверг: «Меня ваши личные и семейные обстоятельства не интересуют, и они не могут быть приняты во внимание, я считаю вас подходящим для такой трудной губернии и ожидаю от вас каких-либо деловых соображений, но не взвешивания семейных интересов». Столыпин был вынужден подчиниться, тем более что решение Плеве, одобренное, несомненно, Николаем II, диктовалось высокой оценкой его способностей.

Саратовская губерния считалась одной из наиболее проблемных в России: высокая общественная активность, в том числе благодаря традиционно левому составу земства, взаимодействие с которым складывалось у Столыпина нелегко; постоянно растущий градус оппозиционности, особенно с осени 1904 года, в атмосфере «весны Святополк-Мирского» и начавшейся «банкетной компании»; волнения и забастовки десятков тысяч рабочих и грузчиков в волжских портах и бесконечные крестьянские выступления с весны 1904 года, которые вскоре стали переходить в погромы и поджоги помещичьих усадеб... В 1905 году в губернии было зафиксировано 854 крестьянских выступления; как докладывал Столыпин в Министерство внутренних дел, к концу года было разгромлено 261 имение. В 1906 году, когда революционное движение в целом по стране пошло на спад, в Саратовской губернии по-прежнему отмечалось множество беспорядков – пятьсот тридцать пять в течение года. Было сожжено в итоге более трети помещичьих имений. По этому показателю губерния, как в дальнейшем пытались ставить в вину Столыпину его противники «справа», превосходила большинство губерний. Тем не менее в правящих кругах в Петербурге работа Столыпина оценивалась положительно. Николай II (в 1904 году он дважды удостоивал губернатора Столыпина аудиенциями) следил за положением дел, и за достигнутые успехи в «успокоении» губернии Петр Аркадьевич получил в декабре 1905 года высочайшую благодарность.

У Столыпина, действовавшего в сложнейшей обстановке (общественно-политической, революционно-криминальной, психологической и т. д.), формировался стиль политического лидера, который будет в дальнейшем отличать его среди высокопоставленных чиновников. Накапливался опыт и проявлялись психологические качества, способствовавшие превращению в масштабную фигуру государственного деятеля и публичного политика.

Петр Аркадьевич обнаружил умение произносить эффектные речи перед аудиториями различного состава и по-разному настроенных. Увлекающие своим пафосом и искренностью,

не перегруженные казенными клише, выступления Столыпина были не просто эмоциональными, но и просчитанными – с точки зрения политической конъюнктуры. Сильное впечатление произвела одна из первых речей, произнесенная в начале 1904 года в Саратове на многолюдном обеде в честь отправляющегося на фронт отряда Красного Креста. Войну с Японией, в которую ввязалась Россия, по распространенному мнению вследствие авантюрных замыслов «безобразовской шайки», Столыпин в частных разговорах, в кругу семьи, оценивал без энтузиазма: «Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях? Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом». Поэтому тем более неожиданной стала вдохновенная речь перед «саратовским обществом». «Я вдруг почувствовала, что что-то капает мне на руку, и тогда лишь я заметила, что я плачу: смотрю вокруг себя – у всех слезы на глазах, – вспоминала М. П. Бок. – ... Многие уже громко рыдают. Забыто, что не за русскую землю дерется русский солдат, что далеки от наших домов поля, где многим суждено найти смерть и куда спешат им на помощь и поддержку те, кого мы сегодня провожаем, и лишь ярко сияет одна вечная правда о том, что каждый сын России обязан по зову своего царя встать на защиту Родины от всякого посягательства на величие и честь ее...» Удивленной супруге Столыпин отвечал: «Мне самому кажется, что сказал я неплохо. Не понимаю, как это вышло: я ведь всегда считал себя косноязычным и не решался произносить больших речей»¹¹.

Губернатор Столыпин, приступив к исполнению обязанностей, сразу начал методичные объезды всех уездов – это было полезно и для знакомства с положением дел, и для «взбадривания» местного начальства. Чувствовал он и острейшую психологическую востребованность у населения, особенно у крестьян, которые зачастую вообще никогда не видели «вживую» губернатора или хотя бы его чиновников. А с ростом напряженности, достигшей апогея к осени 1905 года, увеличивалась интенсивность и количество многодневных командировок Столыпина – речь шла о посещении десятков населенных пунктов!¹²

Столыпин постоянно оказывался «на передовой», в самых беспокойных уездах, являлся на митинги рабочих, буквально въезжал на лошади в волнующиеся толпы – подчас один и без оружия. Внезапные появления губернатора, демонстрировавшего уверенность, спокойствие, достоинство, контрастировали с пугливым поведением других представителей власти. Нередко те спешили укрыться от возбужденной толпы в надежных зданиях (вплоть до тюрем, домов архиепископов и т. д.), уехать из города или, напротив, не пытаясь вступить в диалог, начинали угрожать собиравшимся на митинг людям. «Речи его были кратки, сильны и понятны самому простому рабочему и крестьянину, и действовали они на разгоряченные умы отрезвляюще, – вспоминала дочь Столыпина. – ... Я помню, как он писал мамá после одной из опасных поездок в центр смуты, Балашов: „Теперь я узнал, что значит истерический клубок в горле, сжимающий его и мешающий говорить, и понял, какая воля требуется, чтобы при этом не дать дрогнуть ни одному мускулу лица, не поднять голоса выше желательного диапазона“... Папа понимал, что в это тревожное время ему надо одному приезжать к народу, который он любил и уважал. Надо говорить с ним без посредников, что тогда только народ, почувствовав искренность его слов, поймет его и поверит ему... Достигал результатов отец без громких фраз, угроз и криков, а больше всего обаянием своей личности: в глазах его, во всей его фигуре ярко выражалась глубокая вера в правоту своей точки зрения, идеалов и идеи, которой он служил»¹³.

Хорошо ощущая психологию толпы, Петр Аркадьевич мог манипулировать ее настроением, достигая чуть ли не гипнотических эффектов. Огромная толпа могла опуститься на колени после первых же слов губернатора, а затем расходилась по домам; случалось, что прямо на митинг вызывали священника с хоругвями, требуя отслужить молебен. Столыпин умело пользовался, к примеру, таким приемом (по сути, профессиональной «технологией» манипулирования): в окружении озлобленной толпы он мог вдруг властно предложить кому-то из наиболее агрессивных вожаков: «Подержи мою шинель!»; «Поддай мне пальто!» – и они под-

чинялись на глазах окружающих. Впрочем, губернатор не избежал и нескольких покушений. В Саратове из окна здания была брошена бомба, убившая несколько человек рядом со Столыпиным, направлявшимся в сторону митингующих. В одной из деревень в Петра Аркадьевича стреляли («Сегодня озорники стреляли в меня из-за кустов», – написал он в записке жене).

Волнения встречали со стороны Столыпина жесткое противодействие. Когда «увещевания» не помогали, то для наведения порядка и во избежание новых жертв он прибегал к помощи войск. Например, в деревнях арестовывались зачинщики выступлений, а в село на постой ставился отряд солдат или казаков. «Дела идут плохо. Сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, почти раздетыми помещиками. На такое громадное пространство губернии войск мало, и они прибывают медленно. Пугачевщина!» – оценивал ситуацию Столыпин в письме жене уже после издания Манифеста 17 октября¹⁴. Летом и осенью 1905 года по мере нарастания революционной волны Столыпин обращался к военному командованию с просьбами направить в губернию дополнительные силы. Так, в Саратов был откомандирован для расследования беспорядков и принятия мер по их прекращению генерал-адъютант В. В. Сахаров (в прошлом военный министр). Он расположился в доме губернатора, где проживал и Столыпин. И именно здесь 22 ноября Сахаров был застрелен пришедшей под видом «просительницы» террористкой – членом летучего отряда эсеровской боевой организации А. А. Биценко. Петр Аркадьевич, предупрежденный каким-то образом о готовящемся покушении, проинформировал об этом жандармского офицера, но получил самоуверенный ответ: «Позвольте нам знать лучше, чего хотят эти люди...» (Весьма знаковая ситуация, как окажется в будущем – в историческом контексте трагичных взаимоотношений Столыпина с «охраной»!)

Столыпина оппозиционная общественность обвиняла в лояльности и даже в сотрудничестве с самоорганизующимися крайне правыми, тем не менее он решительно пресекал и черносотенные погромы, и выступления «левых» толп. Когда после объявления Манифеста 17 октября начались черносотенные погромы (во многих губерниях, а не только в Саратовской), Столыпин, возвратившись из отпуска, сразу распорядился прекратить погром, продолжавшийся в Саратове уже два дня. Войскам было приказано открыть огонь: 3 погромщика были убиты и 18 ранено. В то же время 16 декабря 1905 года в Саратове с помощью войск был жестоко разогнан революционный митинг (погибло 8 человек). Спустя два дня полиция решительно арестовала членов саратовского Совета рабочих депутатов, действия которого дестабилизировали ситуацию.

В 1904–1905 годах, на фоне растущей революционной стихии и особенно крестьянских выступлений в Саратовской губернии, Столыпин еще более убеждался в необходимости срочного решения аграрной проблемы. Во всеподданнейших отчетах Николаю II он отмечал, что сохранение общины негативно влияет на уклад сельской жизни (это убеждение, возникшее во время работы в западных губерниях, подтверждали и наблюдения в Саратовской губернии). Петр Аркадьевич, высказываясь за принятие мер по переходу крестьян к единоличной собственности, предлагал незамедлительно позволить инициативным крестьянам закреплять за собой наделные земли. Следует также использовать для предоставления крестьянам государственные земли и земли Крестьянского банка. Это необходимо, чтобы «наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный, зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли»¹⁵. Столыпин, энергично подавляя революционные выступления, воспринимал это как предпосылку к дальнейшим преобразованиям: «...я свой долг исполню и сохраню порядок и спокойствие, которых властно требует общество для проведения реформ»¹⁶.

В Саратове у Столыпина появился и опыт составления политических воззваний к населению, публиковавшихся в губернской печати, – они были призваны тоже способствовать восстановлению порядка. Например, 22 января 1906 года появилось обращение «К сельскому насе-

лению» с призывом не верить агитаторам социалистических и революционных организаций, предлагавших захватывать частные земли, выбирать крестьянские комитеты, не платить налогов и сборов и т. д. Угрожая, что власти будут «поступать как с бунтовщиками» с теми, кто последовал призывам к «произволу и насилию», «вступил на путь грабежа», Столыпин апеллировал к предстоящему созыву Государственной думы. Губернатор, озабоченный «успокоением», пытался внушать идею, что только Дума «может заявить царю о всех народных нуждах и указать способы их удовлетворения: только это связывающее царя с народом учреждение даст настоящий ответ на все запросы и нужды народа, а не самозванные опекуны народа»¹⁷. Петр Аркадьевич тогда не догадывался, видимо, об утопичности этих надежд на умиротворяющее влияние первого народного представительства, с которым ему придется соприкоснуться уже в новой ответственной роли...

Новое лицо власти

Назначение Столыпина министром внутренних дел в правительство под председательством И. Л. Горемыкина, состоявшееся 26 апреля 1906 года, накануне созыва Государственной думы, было неожиданным. Современники, а затем и историки затруднялись с объяснением стремительного выдвижения на один из ключевых постов в системе власти Российской империи не очень известного 44-летнего чиновника-губернатора, ставшего самым молодым руководителем Министерства внутренних дел, а вскоре возглавившего Совет министров. Петр Аркадьевич не относился к традиционному кругу высшей столичной бюрократии – в последние 17 лет вся его служба происходила в провинции. Не наблюдалось явных «протекций» и особо влиятельных покровителей при дворе. Да и сам Столыпин не рвался поменять службу в Саратовской губернии, в сложной и по-прежнему беспокойной ситуации, на какую-либо должность в Петербурге. Так, весной 1905 года он отказался от предложения министра финансов В. Н. Коковцова стать управляющим Крестьянским поземельным банком. А в конце октября 1905 года, когда в ходе переговоров С. Ю. Витте с видными либеральными деятелями о вступлении в правительство появились слухи, что Столыпин рассматривается среди кандидатов в министры внутренних дел (как альтернатива неприемлемому для общественности П. Н. Дурново), он успокаивал супругу: «Не верь газетной утке, что мне предложили пост министра внут<ен>них> дел. Слава богу, ничего не предлагали, и я думаю о том, как бы с честью уйти, потушив с Божьей помощью пожар»¹⁸.

Очевидно, что назначение Столыпина главой Министерства внутренних дел было, главным образом, личным решением Николая II. Он знал Петра Аркадьевича, позитивно оценивал его губернаторскую работу, позволившую продемонстрировать качества энергичного администратора – решительного при наведении порядка и одновременно способного к диалогу с различными общественными кругами. Возможно, принималось в расчет и то, что Столыпин не принадлежал ни к каким группировкам в придворном окружении государя и не был чьим-либо «ставленником». Впрочем, на выбор царя не могли не влиять мнения людей, которых он ценил. Например, И. Л. Горемыкина, о чем свидетельствует письмо Николая II матери, императрице Марии Федоровне: «Я тебе не могу сказать, как я его (Столыпина. – И. А.) полюбил и уважаю. Старый Горемыкин дал мне добрый совет, указавши только на него! И за то спасибо ему»¹⁹. Он мог прислушаться и к суждениям дворцового коменданта Д. Ф. Трепова, который в январе – октябре 1905 года был товарищем министра внутренних дел с почти «диктаторскими» полномочиями и пользовался колоссальным доверием царя. Возможно, какую-то роль сыграли и родственные связи со Столыпинными представителей семейства Оболенских – управляющего кабинетом его величества князя Н. Д. Оболенского («Коти», как его называли близкие) и князя А. Д. Оболенского, обер-прокурора Синода. Последующее же назначение его премьер-министром предопределил, в первую очередь, сам Столыпин – выделяясь с лучшей стороны на фоне других членов правительства, и особенно Горемыкина.

Выбор 66-летнего Горемыкина на пост главы правительства в столь ответственный момент, накануне открытия Думы, вызвал недоумение и в общественных кругах, и в среде бюрократии. Иван Логгинович, не скрывавший неприятия любых идей «обновления России», отличался не только безнадежной консервативностью взглядов. Он как руководитель славился «олимпийским спокойствием» – пассивностью, безразличием к происходящему. Было понятно, что подобная фигура мало подходит для того, чтобы наладить диалог с народным представительством и достичь соглашения хотя бы с умеренной либеральной оппозицией. Однако Николай II исходил совсем из других критериев: ему хотелось, чтобы новый премьер, в отличие от С. Ю. Витте, был лично предан и полностью управляем. «Для меня главное то, что Горемыкин не пойдет за моей спиной ни на какие соглашения и уступки во вред моей власти,

и я могу ему вполне доверять, что не будет приготовлено каких-либо сюрпризов, и я не буду поставлен перед совершившимся фактом», – пояснял царь свое решение В. Н. Коковцову.

В итоге подтвердились опасения, откровенно высказанные Николаю II министром финансов, считавшим персону Горемыкина мало пригодной в нынешних условиях: «Личность Ивана Логгиновича, его величайшее безразличие ко всему, отсутствие всякой гибкости и прямое нежелание сблизиться с представителями новых элементов в нашей государственной жизни – все это не только не поможет сближению с ними, но послужит скорее лозунгом для усиления оппозиционного настроения»²⁰.

Новый состав правительства во главе с Горемыкиным произвел крайне негативное впечатление на общественность, еще больше подрывая доверие к власти и повышая критичный, конфронтационный настрой оппозиции. Ситуацию усугубляли и такие знаковые шаги «исторической власти», как поспешное утверждение 23 апреля Основных законов Российской империи, внесение в Думу вместо ожидаемых законопроектов, обеспечивающих проведение важнейших реформ в духе Манифеста 17 октября, лишь предложения о кредите на строительство оранжереи и прачечной в Юрьевском университете. Как отмечал И. В. Гессен, один из лидеров кадетов, редактор газеты «Речь» и журнала «Право», действия власти омрачали «радостное бодрое настроение» по случаю созыва Думы: «...министерство Витте – Дурново хотя и уволено, как того требовало общество, но на его место подобрано было другое из заведомых реакционеров, под председательством едва ли не самого яркого бюрократа Горемыкина, принципиального противника Манифеста 17 Октября»²¹.

Фигура Горемыкина, дискредитируя правительство, усиливала раздражение и бескомпромиссный стиль поведения оппозиции. Лидер кадетов П. Н. Милюков за несколько дней до созыва Думы предрекал в газете «Речь»: «Роль „пустого места“, по-видимому, предназначается г. Горемыкину. Судьба этого политического деятеля очень оригинальна. Ему как-то удалось, при полной политической бесцветности, создать себе некоторую репутацию – по контрасту... И вот опять г. Горемыкину придется, кажется, занять чужое место, не благодаря собственным достоинствам, а благодаря чужим недостаткам...» Новым же министрам П. А. Столыпину и И. Г. Щегловитову, считавшимися более либеральными, предстоит быть «корректными исполнителями некорректных поручений»²². Символичным, порождающим ассоциации с отживающей свой век самодержавной «бюрократией» оказывался даже внешний облик Горемыкина, по соседству с которым выигрышно выделялся Столыпин. «Впереди, с краю, маленький сутулый старичок Горемыкин с невыразительным лицом и с длинными белыми бакенбардами – совершенный Фирс из „Вишневого сада“, рядом с ним – красивый и изящный Столыпин...» – вспоминал о присутствовавших в Таврическом дворце министрах депутат 1-й Думы кадет В. А. Оболенский²³.

Столыпина в разнородном по составу правительстве сразу причислили к министрам-«либералам», считавшим себя сторонниками конституции и «правового порядка». Подобным образом воспринимались также министр финансов В. Н. Коковцов, министр иностранных дел А. П. Извольский, министр юстиции И. Г. Щегловитов (еще недавно близкий к среде либеральных правоведов и общественных деятелей). Либеральность представлений Петра Аркадьевича отмечал и товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский, оставшийся одним из ключевых сотрудников и при новом главе ведомства: «В Петербург Столыпин приехал без всякой программы, в настроении, приближавшемся к октябризму»²⁴.

И действительно, Петр Аркадьевич тогда был убежден в необходимости перехода к «представительному строю», «правовому порядку» и проведению соответствующих реформ – ради спасения монархии и будущей «Великой России». Возврат верховной власти на позиции до Манифеста 17 октября, то есть отказ от сделанного исторического шага – превращения неограниченного самодержавия в конституционную монархию, представлялся Столы-

пину неприемлемым. «В понимании Столыпина переход самодержавия к „конституционному строю“ был направлен не против монарха, – характеризовал политический менталитет нового министра В. А. Маклаков, видный кадет, адвокат, депутат Думы всех четырех созывов. – Конституция для него была средством спасти то обаяние монархии, которое сам монарх убивал, пытаясь нести на своих слабых плечах непосильную для них тяжесть и обнажая те скрытые силы, которые за его спиной им самим управляли. „Конституционные“ министры могли бы оправдание его политики перед обществом взять на себя, сражаться со своими критиками равным оружием, защищаться от нападков не полицейскими мерами, а убеждением и публично сказанным словом. Для такого служения государству у Столыпина было более данных, чем у Витте; как политический оратор он был исключительной силы... Приняв конституцию, Столыпин хотел стать у нас проводником „правового порядка“... Правовой порядок для него означал не „объем“ прав человека, а их определенность и огражденность от нарушения... В неопределенности и незащищенности личных прав была одна из причин хронического раздражения и неудовольствия всего населения, превращавшего общество из опоры и сотрудника государственной власти в объект полицейских воздействий. Правовой порядок был поэтому для Столыпина не порождением „свободолюбия“, а потребностью самой здоровой, недеспотической „государственной власти“»²⁵.

Столыпин поначалу всерьез рассчитывал на сотрудничество с левой, почти в полном составе оппозиционной Думой. Понимая в широком смысле свою роль как руководителя внутренней политики, он проявил себя энергичным сторонником соглашения с либеральной оппозицией – вплоть до включения их представителей в состав кабинета и создания «коалиционного» правительства. Петр Аркадьевич в 1906 году, как свидетельствовал В. Н. Коковцов, был поборником «идеи полной готовности правительства идти навстречу новым течениям, если только они не находятся в непримиримом несогласии с только что дарованными России основными законами и обеспеченными ими прерогативами верховной власти»²⁶. Примечательно, что и к решению о необходимости роспуска 1-й Думы Столыпин придет позже многих других сановников – лишь убедившись окончательно в неудаче переговоров с общественными деятелями...

Открытый конфликт между властью и Думой разразился 13 мая, когда в Таврическом дворце с правительственной декларацией выступил Горемыкин. Декларация, прочитанная тихо и монотонно, с безразличным видом, вызвала почти единодушное негодование («Цусима нашей бюрократии»; «Исторический день», – объявляли итог думских речей газеты). Особое возмущение вызвали указания Горемыкина, что большинство нуждающихся в разрешении вопросов, обозначенных в думском адресе (это был ответ на тронную речь Николая II при открытии Думы 27 апреля), – вторжение в компетенцию правительства и государя. Огромный резонанс вызвало заранее запланированное выступление одного из лидеров партии кадетов, известного правоведа и общественного деятеля В. Д. Набокова. Под гром аплодисментов он завершил свою небольшую речь с эффектной политической риторикой финальным аккордом: «Раз нам говорят, что правительство является не исполнителем требований народного представительства, а их критиком и отрицателем, то с точки зрения принципа народного представительства мы можем сказать одно: исполнительная власть да покорится власти законодательной»²⁷. В принятой резолюции – «формуле перехода к очередным делам» – объявлялось «полное недоверие к безответственному перед народным представительством министерству», которое должно немедленно выйти в отставку и быть заменено «министерством, пользующимся доверием Государственной думы».

Впрочем, и после 13 мая Столыпин не исключал возможности установить с Думой более или менее конструктивные отношения. Он считал целесообразным попытаться договориться с наиболее умеренной частью оппозиции и найти какие-то альтернативные решения, прежде

чем безоговорочно пойти на роспуск представительства. Хотя в правительстве уже возобладало мнение, что совместная работа с Думой невозможна и пока стоит занять выжидательную позицию в расчете на решение Николая II. Подобная пассивность отвечала стилю Горемыкина. В свою очередь, Петр Аркадьевич склонен был действовать политическими методами, заявляя о себе как о публичном политике.

Политический выход

Символическим оказался политический дебют Столыпина в Думе 8 июня 1906 года. Первое выступление было ответом на депутатский запрос князя С. Д. Урусова, в недавнем прошлом товарища министра внутренних дел, о незаконных провокаторских действиях жандармских офицеров и сотрудников Департамента полиции. В контексте будущей трагической судьбы самого Столыпина, смертельно раненного 1 сентября 1911 года агентом-провокатором, обсуждение имело особый, многозначительный смысл. Речь шла о глубинной сущности «обновленного государственного строя» и трансформации политического режима, о том, действительно ли после Манифеста 17 октября 1905 года Россия превратилась в конституционное государство, в основе которого «правовой порядок», признание ценности гражданских свобод и прав личности, появление инструментов юридической и административной ответственности представителей власти. При этом затрагивался «деликатный», но традиционно болезненный для России вопрос о соотношении структур официальной власти с их полномочиями, предусмотренными действующими законами (в том числе Основными законами – по сути, «октроированной» царем конституцией!) и сохраняющими влияние, как считалось, всевозможными «темными силами». Под последними подразумевалась и «придворная камарилья», и «охранка» – остающаяся вне сферы общественного контроля система политической полиции, и, в целом, «безответственная бюрократия». Депутатский запрос содержал факты провокаторских действий чинов полиции и «охранки» – вмешательство в политическую борьбу на стороне крайне реакционных, черносотенных сил, подстрекательство к столкновениям и погромам и т. д. Среди конкретных примеров – организация в Департаменте полиции нелегальной типографии, где печатались распространявшиеся затем «погромные воззвания».

Формально Столыпин мог и не отвечать на запрос, поскольку указанные злоупотребления относились к более раннему периоду (до декабря 1905 года включительно), то есть до его назначения министром внутренних дел, тем не менее он решил прийти и выступить в Думе. Глава Министерства внутренних дел заявлял с необычной для высокопоставленного чиновника прямоотой о желании лично разобраться с фактами произвола и беззакония во вверенном ему ведомстве, включая Департамент полиции: «...недомолвок не допускаю и полуправды не признаю». Рассказав о выявленных нарушениях и последовавших санкциях, Столыпин обозначил принципиальную позицию: «Для министра внутренних дел, однако, несомненно, что отдельные чины корпуса жандармов позволяли себе, действуя вполне самостоятельно, вмешиваться в политическую агитацию и в политическую борьбу, что было своевременно остановлено. Эти действия неправильны, и министерство обязывается принимать самые энергичные меры к тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторения их не будет»²⁸.

Министр надеялся, видимо, что, обличив пороки прошлой деятельности Министерства внутренних дел и списав их на издержки смутного времени, сможет все-таки установить некие «правила игры», позволяющие работать с Думой. Уверенный в правоте, он пытался донести до депутатов, что видит свой долг в обеспечении порядка, спокойствия и защите жизни граждан от любого насилия, несмотря на несовершенство законов, изменение которых – задача законодательной власти: «Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым». Столыпин, выступая перед Думой – одной из трех составляющих законодательной ветви власти (наряду с царем и Государственным советом), – вел себя подчеркнуто «конституционно»: «Согласно понятию здравого правосознания, мне надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России (*шум, свистки*)... Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не

вправе, изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы (*шум, крики: отставка!*)»²⁹.

Дискуссия в этот «исторический день» затронула и гораздо более глубокий, на фоне обычной политической риторики, уровень проблемы. Урусов видел корень зла в сохраняющемся вмешательстве в дела управления страной «темных сил». Теперь они подрывают доверие верховной власти к Государственной думе – условие конструктивного сотрудничества и «залог мирного развития нашей государственной жизни». Влияние на судьбы страны оказывают, таким образом, люди, которые «по воспитанию – вахмистры и городовые, а по убеждениям – погромщики». За этим политическим образом явно узнавалась фигура фаворита государя, дворцового коменданта генерала Д. Ф. Трепова (символизирующего «темные силы» и зачастую чрезмерно демонизируемого). Урусов, хорошо знакомый с порядками в системе Министерства внутренних дел и политической «охранки» и вообще со спецификой внутреннего управления в Российской империи, по сути, предупреждал Столыпина, еще не очень опытного в столичной большой политике. «Я могу утверждать... что никакое министерство, будь оно даже взято из состава Государственной думы, не сможет обеспечить порядок и спокойствие, пока какие-то неизвестные нам люди или темные силы, стоящие за недостижимой оградой, будут иметь возможность грубыми руками хвататься за отдельные части государственного механизма и изодрать свое политическое невежество опытами над живыми людьми, производя какие-то политические вивисекции», – заявлял с думской трибуны Сергей Дмитриевич. Пытаясь объяснить, почему не исполняются требования Министерства внутренних дел и губернаторов о предупреждении погромов, Урусов утверждал: «Главные вдохновители находятся, очевидно, вне сферы воздействия министра внутренних дел...»³⁰

На фоне «сенсационных» заявлений Урусова Петру Аркадьевичу не удалось убедить депутатов и публику в беспочвенности предположений о «двоевластии» и «теневых влияниях». Хотя он и пытался с демонстративной самоуверенностью утверждать: «Я должен сказать, что по приказанию государя я, вступив в управление Министерством внутренних дел, получил всю полноту власти и на мне лежит вся тяжесть ответственности. Если бы были призраки, которые бы мешали мне, то эти призраки были бы разрушены, но этих призраков я не знаю»³¹.

Печать более или менее лояльно описывала первое появление в Думе Столыпина.

«Г. Столыпин слушал речь Урусова с глубоким смущением, – отмечал репортер „Биржевых ведомостей“. – Его последняя реплика, которую он произнес с дрожащим от волнения голосом, свидетельствовала, что он сознал всю неотразимость поставленного Урусовым вопроса. Нужно отдать ему справедливость. Он произвел на собравшихся впечатление честного и корректного человека. Вместо ссылок на свое бессилие, он гордо взял ответственность на себя:

– Если бы призраки существовали, я бы или уничтожил их, или ушел в отставку.

И тон его речи, и искренность последних заявлений не оставляли сомнений, что этот человек, безусловно способный во имя порядка „закономерно“ двинуть пулеметы, органически чужд этой трусливой и в то же время зверской политике варфоломеевых дней и ночей... Чувствуется, что министр внутренне проникнут сознанием правоты народного представительства и не относится к нему с обычным для наших сановников легкомысленным презрением... Из всеми сегодня признанной порядочности г. Столыпина необходимо сделать вывод: министерство должно будет уйти или... разогнать Думу»³².

Но общественное мнение все равно было на стороне Урусова, выступление которого сразу окрестили «исторической речью»: «Нет, не речь, а отходная бюрократии, окончательно дискредитированной в глазах цивилизованного мира... картина, переносщая нас в мрачные Средние века, когда в Италии или Испании людей, почему-то неугодных правительству, убивали среди белого дня. <...> Погромная организация должна быть уничтожена во имя досто-

инства России, которой чуждо всякое человеконенавистничество. Это позорное пятно должно быть смыто. И, слава богу, у нас есть Государственная дума, благодаря которой получилась возможность безбоязненно открыть гнойник государственного организма», – с пафосом вещал журналист³³.

«Столыпин первой формации, не тот, каким его впоследствии сделали», как отмечал В. А. Маклаков уже в эмиграции, мужественно обличал в Думе прошлые порядки и пытался добиться примирения власти и либеральной общественности, необходимого обеим сторонам для дальнейшего проведения разноплановых реформ. Но Дума и партия кадетов, задававшая стиль поведения народного представительства, не осознали, что Столыпин фактически обращался за поддержкой своей политики – в том числе чтобы увереннее противостоять давлению со стороны реакционного «правого Ахеронта» и «темных сил». Либеральная общественность упустила (в 1906–1907 годах) шанс на соглашение с властью – в лице лучших представителей либеральной бюрократии, ответом Столыпину было бескомпромиссное «В отставку!». «„Темные силы“ не только убили Столыпина, они погубили Россию, – резюмировал Маклаков. – Урусов был прав: с ними не справились»³⁴.

Столыпин, получая донесения и телеграммы губернаторов с информацией о том, что выступления в Думе оказывают революционизирующее влияние на настроения в провинции, понимал, что правительство должно действовать и нельзя далее чего-то выжидать. В частности, нужно попытаться добиться соглашения с либеральной оппозицией, сформировав ради этого «коалиционное» правительство с участием ее представителей. «Он видел неудачный состав министерства, к которому сам принадлежал, – свидетельствовал В. Н. Коковцов. – Он разделял мнение многих о том, что привлечение людей иного состава в аппарат центрального правительства может отчасти удовлетворить общественное мнение и примирить его с правительством. Он считал, что среди выдающихся представителей нашей «общественной интеллигенции» нет недостатка в людях, готовых пойти на страданный путь служения родине в рядах правительства и способных отрешиться от своей партийной политической окраски и кружковской организации, и он честно и охотно готов был протянуть руку и звал их на путь совместной работы. Но передать всю власть в руки одних оппозиционных элементов, в особенности в пору ясно выраженного стремления их захватить власть, а затем идти к несомненному государственному перевороту и коренной ломке только что изданных основных законов – не могло никогда входить в его голову, и не с такой целью вел он переговоры с общественными деятелями»³⁵.

Под знаком переговоров прошла вторая половина июня 1906 года. Инициатором переговоров в лагере либеральной бюрократии был министр иностранных дел А. П. Извольский. Во время аудиенции у Николая II он передал докладную записку, составленную по инициативе «кружка» единомышленников депутатом Думы Н. Н. Львовым (саратовским земским деятелем, хорошо знакомым со Столыпиным).

Львов обосновывал – как альтернативу роспуску Думы – создание «коалиционного министерства». Именно такое правительство, включающее сторонников реформ из среды правящей элиты и умеренных либеральных деятелей (причем не только депутатов), должно стать инициатором реформ. В качестве возможного премьера виделся председатель Думы кадет С. А. Муромцев, а руководителем Министерства внутренних дел (наряду с тем же Муромцевым) мог быть и Столыпин. Считалось необходимым включение в правительство известного и авторитетного либерала-земца Д. Н. Шипова. Целесообразно и участие П. Н. Милюкова, лидера и идеолога партии кадетов, знаковой популярной фигуры, влиятельной в либеральных кругах, особенно на левом фланге («несмотря на все недостатки – громадное честолюбие и склонность к интригам, – это человек ясного ума и политического понимания»). Николай II, благожелательно выслушав Извольского и ознакомившись с запиской, спустя несколько дней уполномочил его на переговоры с упомянутыми деятелями. При этом царь, выступив, по сути, гаран-

том серьезности переговоров, в отдельной записке предписал и Столыпину включиться в эту работу³⁶.

Столыпин встречался, в числе прочих, и с Милюковым: тайное свидание, устроенное при содействии Извольского, состоялось поздним вечером 26 июня на даче премьера на Аптекарском острове. Выяснилось, что Столыпин готов искать компромисса с либеральной оппозицией лишь в рамках создания «коалиционного» кабинета. Милюков же заявлял о готовности сформировать «кадетское министерство», участие в котором самого Петра Аркадьевича «безусловно, исключено» (хотя Извольский и может быть включен). Курьезность ситуации состояла в том, что Милюков был уверен на тот момент, что в действительности государь уже принял решение о создании «кадетского министерства», и с этих позиций весьма категорически и высокомерно вел разговор со Столыпиным. Между тем неудачный результат встречи (хоть позиция Столыпина открывала реальную возможность достичь компромисса на платформе «коалиционного» правительства) оказался предreshен, по большому счету, недоразумением. И виной тому стала неопределенность и противоречивость стратегии верховной власти, в том числе из-за различных влияний на Николая II со стороны придворного окружения.

Залогом уверенности Милюкова было то, что этот спасительный для власти рецепт предложен считавшимся всеильным дворцовым комендантом Д. Ф. Треповым по итогам переговоров... с самим Милюковым (проходившими в ресторане «Кюба»). Трепов, действуя тоже с повеления Николая II, предпринял «глубокую разведку в неприятельском лагере». В итоге создалось впечатление, что тайные переговоры с Милюковым (в секрете от него велись переговоры и с другими видными либералами) оказались успешными, и Павел Николаевич «соглашался» на формирование «кадетского» правительства (с участием таких известных либеральных фигур, как С. А. Муромцев, И. И. Петрункевич, В. Д. Набоков, Н. Н. Львов, Д. Н. Шипов и др.). Милюков, удивленный сначала политической метаморфозой Трепова, был абсолютно уверен в реалистичности проекта: «Как он говорил мне на свидании, когда дом горит, приходится прыгать и из пятого этажа, – вспоминал Милюков. – Этот „дилетант“ был, очевидно, дальновиднее официальных политиков»³⁷. «Он (Трепов. – И. А.) был свободнее многих других от рутины и не боялся новых путей. Преданность же его государю была так установлена, что он мог позволить себе то, на что другие бы не посмели решиться»³⁸. В то же время, как это ни парадоксально, министр внутренних дел, считавшийся, по идее, ответственным за разрешение внутривластного кризиса, не был извещен об этом «параллельном» импульсе к поиску соглашения с либеральной оппозицией, исходившем от царя. Впрочем, злая ирония истории заключалась в том, что Милюков, встречаясь со Столыпиным, не знал и не догадывался, что к тому моменту «в сферах» уже отказались от предлагавшейся Треповым комбинации с созданием «кадетского министерства»: Николай II прислушался к другим аргументам людей из своего окружения, включая Коковцова. А предлагавшийся Столыпину «формат» сотрудничества лидер кадетов самоуверенно отверг...

Столыпин, однако, не отказался совсем от идеи «коалиционного кабинета». Глава Министерства внутренних дел попытался сделать ставку на более правых либералов, и в первую очередь на Д. Н. Шипова. У Петра Аркадьевича появился собственный, довольно циничный замысел – образовать правительство с участием популярных деятелей, первым шагом которого станет роспуск Думы и проведение новых выборов. Встреча с Шиповым, приехавшим в Петербург на заседание Государственного совета и не подозревавшего о подобных замыслах, состоялась накануне аудиенции у Николая II, назначенной на 28 июня. «Подыгрывать» Столыпину в этой интриге Шипов категорически отказался. Несмотря на свое недовольство радикальным поведением Думы, Дмитрий Николаевич считал, что ответственность в большей мере лежит на правительстве и «роспуск Думы в настоящее время представляется <...> актом несправед-

ливым и даже с политической точки зрения преступным». В любом случае не с роспуска Думы следует начинать деятельность обновленному правительству с участием либералов!³⁹

Очередная смена политического вектора у Николая II – под впечатлением беседы с Шиповым – стала сюрпризом для Столыпина. Шипов предложил возвратиться к плану создания «кадетского министерства», доказывая необходимость примирения с имеющейся Думой и «честного» осуществления Манифеста 17 октября. Но на этот раз кабинет из состава думского большинства предлагалось сформировать во главе с Муромцевым, «человеком высокоморального настроения», который «пользуется общепризнанным авторитетом», а не с Милюковым (он «слишком самодержавен»). И, как показалось Шипову, царь воспринял эти соображения благосклонно⁴⁰.

Однако и этот вариант политического соглашения власти и оппозиции вновь был сорван «закулисными» усилиями различных лиц. Серьезный вклад, похоже, внес теперь и Столыпин, не скрывавший раздражения от схемы, предложенной Шиповым (с перспективой появления на посту премьера Муромцева или какой-то другой либеральной фигуры). Кроме того, повод к форсированию роспуска Думы дали Столыпину и сами парламентарии. Глава Министерства внутренних дел был возмущен подготовленным по инициативе трудовиков обращением к населению по аграрному вопросу. Воззвание представляло собой популистский и не очень корректный ответ на «Правительственное сообщение», в котором не только резонно указывалось на недопустимость отчуждения частной земельной собственности, но и обозначался план преобразований и конкретных шагов по решению аграрного вопроса. Программа мероприятий по аграрной реформе имела для Столыпина принципиальное значение с момента назначения министром внутренних дел и в течение всего пятилетия на вершине власти. Обостренно воспринимая все, что касалось этой проблематики, Петр Аркадьевич не был готов примириться с мыслью, что депутаты Думы – «левой», нацеленной в своем большинстве на изъятие частной земли (в разных вариантах) и передачу ее крестьянам, – могут вторгнуться в правительственные планы.

Члены кабинета, собравшиеся на квартире Горемыкина вечером в пятницу 7 июля, дождались его возвращения с известием: царь подписал указ о роспуске Думы и одновременно Столыпин назначается председателем Совета министров. Петр Аркадьевич, рассказывая об аудиенции у Николая II, к которому был внезапно приглашен в середине дня, говорил, что назначение премьером застигло его врасплох и он пытался отказаться, ссылаясь «на свою недостаточную опытность, на свое полное незнание Петербурга и его закулисных влияний». Тем не менее Столыпин к этому времени уже не был прежним «провинциалом», как сразу после назначения министром внутренних дел. И ранее в доверительных беседах, как отмечал Коковцов, Петр Аркадьевич упоминал, «что ему не раз уже дано понять, что, вероятно, Горемыкин останется весьма недолго и ему, Столыпину, не миновать быть его преемником». Судя по всему, глава Министерства внутренних дел разделял негативные оценки фигуры Горемыкина, распространенные и в правящих кругах: «...личность Горемыкина как председателя Совета министров встречает решительно везде самое недвусмысленное осуждение. Ему никто не верит, ибо все знают его величайший индифферентизм и даже цинизм, его угодливость всякому заявлению государя и не скрываемое им самим отношение к его власти как непререкаемому для него закону, устраняющему самое право его, как первого министра, в чем бы то ни было противоречить его воле»⁴¹. В вероятной интриге против Горемыкина Столыпин мог рассчитывать на поддержку не только ряда влиятельных представителей «просвещенной бюрократии», но и великих князей (в частности, Николая Михайловича) и, что особенно важно, министра двора В. Б. Фредерикса, пользовавшегося у царя огромным доверием.

«Премьер-джентльмен»

Роспуск Думы, который, как всерьез опасались в правящих верхах, может вызвать новый виток революционных волнений, был исполнен Столыпиным «технологично» и безболезненно – и в управленческом, и в политическом смысле. Властная элита, не сумев найти конструктивный выход из политического конфликта с оппозицией, господствующей в Таврическом дворце, тем не менее при роспуске этой Думы действовала формально с соблюдением законов и внешних признаков «конституционности».

Столыпин, продумывая до мелочей «спецоперацию», накануне публикации указа о роспуске, намеченной на воскресенье 9 июля, сообщил по телефону председателю Думы С. А. Муромцеву о своем намерении выступить в понедельник. Таким образом он рассчитывал усыпить бдительность лидеров оппозиции на фоне и так циркулирующих слухов о возможном разгоне представительства. Исходя из этих же соображений, Петр Аркадьевич попросил Коковцова не отказываться в субботу от привычного отъезда в деревню, на что обращают внимание репортеры.

Грамотно был проведен роспуск народного представительства и с точки зрения полицейских методов, позволивших избежать беспорядков в столице. Таврический дворец, оцепленный полицией ранним утром в воскресенье, оказался просто закрыт для депутатов. Между тем в воображении многих народных избранников, психологически готовившихся, по мере усиления конфликта с властью, к вероятному разгону, складывались более героические и эффектные сценарии – вплоть до отказа покинуть зал заседания и осады здания войсками. Неожиданным оказался «замок на дверях», помешавший устроить в Таврическом дворце яркое политическое зрелище. «Жизнь ввела только поправку, на вид незначительную, но оказавшуюся роковой по своим последствиям. Мы ошиблись в одном – мы были уверены, что указ о роспуске объявят нам непременно в самой Думе», – с сожалением вспоминал один из лидеров кадетов М. М. Винавер. Но самым сильным шоком стала массовая пассивность населения после известия о роспуске, хотя, как внушали себе оппозиционные политики, люди сразу устремятся на защиту парламента: «Сонливые пешеходы, сонливые лошади, сонливое солнце. Безлюдье – никакой жизни, никакого признака движения. Кричать хотелось от ужаса и боли... Мы сидели в Петербурге; не только столица – вся страна уже знала о роспуске. И ни откуда живого отклика: народ хранил гробовое молчание»⁴².

Предусмотрительным шагом, затрудняющим превращение бывших депутатов в «мучеников», стало решение Столыпина не препятствовать их массовому отъезду в Выборг, где парламентарии приняли знаменитое воззвание, а затем – возвращению в столицу. «Приехав в Петербург, мы крайне удивились, даже отчасти огорчились тому, что нас не арестовали, – признавал кадет В. А. Оболенский. – Со стороны правительства это было весьма мудро: оно показало этим, что мы ему не страшны, и тем еще больше подчеркнуло наше бессилие в борьбе с ним»⁴³. Выдвинутые позже обвинения против подписавших Выборгское воззвание оформили с соблюдением юридических тонкостей, процессуально корректно был организован и открытый судебный процесс. Символические – по несколько месяцев – сроки заключения в тюрьме, полученные всеми экс-депутатами, имели лишь одно, но очень важное последствие – лишение права участвовать в дальнейшем в любых выборах. Подобная мелочная мстительность власти внесет свой вклад в накапливание политико-психологической напряженности в обществе – не только на следующих витках политического процесса, в «столыпинскую эпоху», но и позднее...

Начало «эры Столыпина» – 8 июля 1906 года, с подписанием указов о роспуске Думы и назначением председателем Совета министров, – не напоминало триумфальное восхождение на властный олимп. В обстановке сохраняющейся революционной нестабильности и острой политической конфронтации, при всеобщем недоверии к власти фигура нового премьер-мини-

стра воспринималась неоднозначно и настороженно. «Вера наша без дел со стороны гр. Витте оказалась мертва, но и дела П. А. Столыпина не будут ли мертвы без нашей веры?» – задавала риторические вопросы либеральная печать. Перспективы деятельности правительства представлялись пессимистично. «Каковы же могут быть у страны при торжестве воззрений г. Столыпина надежды на будущее, если и впредь, невзирая на политический смысл народа, Думу будут распускать всякий раз, как в ней найдутся „нежелательные“, „опасные элементы“»⁴⁴.

В Высочайшем манифесте о роспуске Думы, написанном в основном Столыпиным, подчеркивались две идеи: борьба с революционным насилием и проведение реформ на пути совместной работы с народным представительством. Эта политическая стратегия в упрощенном виде зачастую и самим Столыпиным представлялась формулой, ставшей легендарной: «Сначала успокоение, затем реформы». Тем не менее именно Столыпин добился включения в Манифест принципиального тезиса, который отсутствовал в предложенном Николаем II «конспекте»: «Распуская нынешний состав Государственной думы, Мы подтверждаем вместе с тем неизменное намерение Наше сохранить в силе самый закон об учреждении этого установления». Был обозначен и ключевой конституционный принцип, касавшийся законодательных функций Думы, совместно с которой необходимо осуществлять преобразования: «Мы будем ждать от нового состава Государственной думы осуществления ожиданий наших и внесения в законодательство страны соответствия с потребностями обновленной России». Сообщал Манифест, хоть и в довольно патриархальной стилистике, и об особом внимании государя к решению крестьянского вопроса: «... все дальнейшие заботы мои, как отца о своих детях, будут направлены к справедливому обеспечению крестьян землею».

Отчасти подобием атрибута «конституционности» могла показаться замена состава правительства, объявленная вместе с роспуском Думы. При этом уход Горемыкина, откровенно враждебного конституции, был усилен, по личному требованию Столыпина, увольнением наиболее реакционных деятелей – главноуправляющего землеустройством и земледелием А. С. Стишинского и обер-прокурора Синода А. А. Ширинского-Шихматова. Впрочем, на общем политико-психологическом фоне этот «реверанс» в сторону общественного мнения мог показаться совсем незначительным. Были предупреждены о возможных отставках также государственный контролер П. Х. Шванебах и министр юстиции И. Г. Щегловитов – их портфели Столыпин предполагал отдать представителям общественности, но, как оказалось, необходимости в этом не возникло...

Политически знаковой неудачей оказалась для Столыпина попытка в очередной раз привлечь в правительство либеральных деятелей. Возобновленные после роспуска Думы переговоры показали, что даже умеренные либералы склонны дистанцироваться от власти, несмотря на относительно лояльное отношение к Столыпину лично.

Встретившись 15 июля с приглашенными из Москвы Д. Н. Шиповым и кн. Г. Е. Львовым (будущим премьером и главой Министерства внутренних дел в первом и втором составе Временного правительства в марте – июле 1917 года), Петр Аркадьевич убедился в их категорическом неприятии факта роспуска Думы. Настрой Шипова и его единомышленников оставался неутешительным: «Была утеряна последняя надежда на возможность осознания единения государственной власти с обществом, на честное осуществление свобод, дарованных Манифестом 17 октября, и на мирный переход к обещанному стране новому государственному строю». Отказываясь от участия в «коалиционном» правительстве, Шипов и Львов выставили теперь требование, чтобы семь из тринадцати министров (помимо премьер-министра) были «призваны из общества» и «сплочены единством политической программы». Но при этом, как они дополнительно подчеркивали в письме Столыпину, резюмируя итоги переговоров, «главою кабинета должны быть Вы, ибо назначение нового главы явилось бы в настоящее время колебанием авторитета власти». Новое правительство обязано обратиться к стране с четким сообщением о поставленных кабинетом задачах и важнейших готовящихся законопроек-

тах: «Реформаторство правительства должно носить на себе печать смелости и ею импонировать обществу. Поэтому мы считаем единственно правильной политикой настоящего времени открытое выступление правительства навстречу свободе и социальным реформам, и всякая отсрочка в этом отношении представляется нам губительной...»⁴⁵.

В ходе переговоров А. И. Гучкова и Н. Н. Львова с царем также подтвердилось, что для Николая II категорически неприемлема принципиальная установка либералов о необходимости вступления в правительство «целой группы лиц с какой-то программой». Царь специально подчеркивал это в письме Столыпину⁴⁶. Но премьер и сам откровенно предупреждал Гучкова и Львова перед приемом у государя 20 июля: мол, в России не может быть речи о парламентском режиме, и только от воли монарха зависит ограничение власти. Впоследствии Гучков вспоминал: «Он (Столыпин. – И. А.) очень желал, чувствовал необходимость ввести в бюрократическую среду новые элементы и не только дорожил личностью Львова и моей, но самым принципом чего-то нового. Он чувствовал, что это произведет впечатление. Мы, однако, сказали ему то, что говорили Витте: мы готовы идти, но только при двух условиях – программа, которая должна была бы связать правительство и характеризовать новый его состав в глазах общественного мнения, и затем мы настаивали на значительном расширении состава людей со стороны». Но Столыпин, соглашаясь пригласить большее количество популярных в обществе фигур (включая выдающегося юриста А. Ф. Кони, который был бы принят «с восторгом»), не горел желанием вырабатывать общую правительственную программу, «которая, может быть, связала бы это правительство более практически». Он был готов говорить подробно только об аграрной программе (достаточно приемлемой, на взгляд Гучкова). «Насколько Столыпин хотел введения новых элементов, настолько государь перестал этим дорожить», – отмечал он после встречи с Николаем II⁴⁷.

Наблюдение Гучкова показательное, особенно в контексте дальнейшей половинчатости и непоследовательности реформ, которые удавалось проводить. Александр Иванович был поражен «полным спокойствием и благодушием государя», «не вполне сознательным отношением к тому, что творится», тем, что он «не отдавал себе отчета во всей серьезности положения». Складывалось впечатление, что у Николая II и его окружения уже начинало крепнуть «какое-то ощущение спокойствия, безопасности», того, что «революционная волна не так грозна и можно без новшеств обойтись». Вердикт Гучкова оказался неутешителен: «Я сказал Столыпину: „Если спасать Россию, самого государя, ее надо спасать помимо его, надо не считаться с этими отдельными проявлениями его желания, надо настоять“. Самое тяжелое впечатление [оставило то], что у него было полное спокойствие»⁴⁸.

Николай II, в свою очередь, считал, что именно он принял решение и отказался включать в правительство общественных деятелей, – на основе впечатлений от бесед. «Нечего падать духом», – призывал царь, сообщая Столыпину о результатах часовых встреч с Н. Н. Львовым и А. И. Гучковым: «Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т. е. государственного управления, в особенности Львов. Поэтому приходится отказаться от старания привлечь их в совет министров». Надо искать ближе»⁴⁹. А в письме матери после встреч с Гучковым, Львовым, а также выборным членом Государственного совета Ф. Д. Самаринным (кандидатом на пост обер-прокурора Синода) Николай II с облегчением отмечал: «У них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужною скромностью и боязнью скомпрометироваться. Придется и без них обойтись»⁵⁰.

Провал с приглашением в правительство видных либералов связывался в печати, в частности, с отсутствием у Столыпина в первые недели премьерства развернутой программы. «Во всяком случае, конечно, ни один истинно общественный деятель не согласился принять формулу, которую до сих пор поддерживал в своих выступлениях г. Столыпин: „прежде успокоение, потом – перемены“. Эта лукавая игра словами... находится в прямом противоречии

с честным прямодушием, которого вправе требовать общество от каждого из деятелей»⁵¹. Журналисты с сарказмом писали после неудачи переговоров с Гучковым и Львовым: «Министерство г. Столыпина во всяком случае исполнено большой решимости – взять на свои плечи гигантскую теорему о спасении России без общественных деятелей»⁵². Правительство, сформированное в итоге из представителей бюрократии, иронически объявляли «кабинетом джентльменов», а самого Столыпина – «премьер-джентльменом». «Никогда еще Россия не имела такого молодого и красивого министерства, как нынешнее, дополненное вчера тремя – не касаясь их политических и общественных взглядов – чрезвычайно приятными в личных отношениях и корректно-изящными людьми. С премьером П. А. Столыпиным, В. Н. Коковцовым и И. Г. Щегловитовым образовалась бы настоящая ложа „министров-джентльменов“ в Государственной думе, если бы последняя существовала бы и не была распущена П. А. Столыпиным. К тому же все шесть умеют говорить, и прения в Думе представляли бы значительный, так сказать, даже литературный интерес, если бы только Дума не была распущена»⁵³.

Естественно, длительная, семимесячная отсрочка выборов во 2-ю Думу негативно влияла на авторитет власти и популярность Столыпина. Надеялись дождаться нормализации политической обстановки в стране, спада революционного радикализма и, как следствие, того, что выборы дадут более подходящий для конструктивной работы состав депутатов. Впрочем, некоторый оптимизм внушало то, что в Манифесте сразу указывалась точная дата созыва Думы – 20 февраля 1907 года; это позволяло рассчитывать на выполнение властью взятого обязательства. Знаком «конституционной» корректности Столыпина было и решение отложить до открытия Государственной думы созыв также и верхней палаты – Государственного совета.

Примечательна установка премьера максимально эффективно использовать период «междумия» для подготовки законопроектов, чтобы не повторять скандально-сатирический опыт правительства Горемыкина. В. И. Гурко вспоминал: «Первые слова, сказанные им мне после своего назначения главою правительства, были: „Перед нами до собрания следующей Государственной думы 180 дней. Мы должны их использовать вволю, дабы предстать перед этой Думой с рядом уже осуществленных преобразований, свидетельствующих об искреннем желании правительства сделать все от него зависящее для устранения из существующего порядка всего не соответствующего духу времени“»⁵⁴. И действительно, Столыпин обеспечил 2-ю Думу массой материалов для содержательной работы. В. А. Маклаков вспоминал, что депутаты столкнулись с избытком законопроектов: «В первый же день их было внесено 65; в другие дни бывало и больше; так, 31 марта было 150»⁵⁵.

Реформаторская премьера

Программу реформ, как часть более широкой программы действий правительства, Столыпин представлял несколько раз. Коррективы вносились в зависимости от текущей политико-психологической конъюнктуры, от ситуации в стране, расклада сил в правящих верхах и, в целом, установок власти. Отличалась и общая политическая стилистика поведения власти, и в первую очередь Столыпина, олицетворявшего реформаторский курс.

24 августа 1906 года правительство опубликовало программную декларацию с обширным перечнем планируемых законодательных мер. Анонсируемые реформы охватывали, по сути, все сферы – от решения аграрного вопроса до обеспечения «гражданского равноправия и свободы вероисповедания», реформ местного управления, суда, средней и высшей школы, введения рабочего страхования и т. д. Подробный и обстоятельный вариант программы будет представлен Столыпинным депутатам 2-й Думы 6 марта 1907 года. Но тогда общественное внимание оказалось сконцентрировано в первую очередь на репрессивной части декларации. «Долгом государства» объявлялось решительное подавление революционного экстремизма, необходимость «остановить поднявшуюся кверху волну дикого произвола, стремящегося сделать господами положения всеуничтожающие противообщественные элементы». «Правительство не колеблясь противопоставит насилию силу», – предупреждалось в декларации.

Программа правительства воспринималась прежде всего сквозь призму впечатлений от введения 19 августа в чрезвычайно-указном порядке по статье 87 Основных законов (позволявшей утверждать законы в перерывах между сессиями законодательных учреждений), положения о военно-полевых судах. Этот инструмент «скорострельной», «пулеметной» юстиции предусматривал изъятие дел гражданских лиц из ведения обычных судебных инстанций, если преступные деяния были «настолько очевидные, что нет надобности в их расследовании». Дела надлежало рассматривать в течение 48 часов, и 24 часа отводилось на приведение в исполнение приговора. Инициатором столь жесткой меры был не Столыпин, а лично Николай II, потребовавший незамедлительного учреждения военно-полевых судов. Но в обществе введение «скорорешительных» судов, вызывавших почти единодушное неприятие, расценивалось как ответ власти на взрыв дачи премьер-министра на Аптекарском острове, устроенный эсерами-максималистами 12 августа (погибли 27 человек, 32 человека были ранены, в том числе дети Столыпина – дочь Наталья и сын Аркадий).

Столыпин между тем не только не собирался использовать действия террористов для приостановки или отказа от курса реформ, но даже беспокоился, что случившееся может сыграть на руку правоконсервативным и реакционным кругам, настроенным против любых преобразований. Сохраняя удивительное самообладание после взрыва, когда еще не были увезены тела погибших, Петр Аркадьевич заявлял о необходимости решительно продолжать реформы. «В крошечной уборной, выходящей в сад, стоит Столыпин и, скинув верхнее платье, старается отмыть облившие его чернила, – вспоминал В. И. Гурко. – По одну его сторону стоит Коковцов, по другую – я. Мокрый, со струящейся с него водой, Столыпин, несколько возбужденный, с жаром говорит: „Это не должно изменить нашей политики; мы должны продолжать осуществлять реформы; в них спасение России“. И это не была поза. Столыпин в эту пору, в первом пылу государственного творчества, был действительно всецело предан мысли о реформах России и думал лишь о них»⁵⁶. В аналогичном духе высказывался Столыпин, вскоре после теракта, и на заседании Совета министров. Показателен и включенный в декларацию от 24 августа тезис о недопустимости «приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолой, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо». Это был явный сигнал, обращенный к крайне правым, в ответ на требования «некоторых общественных групп».

Характерны политические установки Столыпина в первый период премьерства – с лета 1906 по весну 1907 года, свидетельствующие, что в это время он воспринимал назревшие преобразования как эффективное средство для укрепления государства, не менее важное, чем применение силы. «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада, – отмечал Столыпин в одной из записок. – Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления... Это было бы и роковой ошибкой – там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия – признание бессилия правящей власти»⁵⁷.

Столыпин был настроен на энергичное осуществление первоочередных реформаторских мероприятий, уверенно взяв инициативу в свои руки. Приоритетные законопроекты премьер не собирался откладывать до созыва Думы (осознавая, что они могут встретить сопротивление, даже если Дума окажется менее левой), а проводил на основании статьи 87 Основных законов – указами государя. Подобный стиль реформ «сверху» был максимально эффективен в складывавшихся условиях. Немаловажно и то, что благодаря личной поддержке Николая II (в это время Петр Аркадьевич пользовался наибольшим расположением царя) инструмент чрезвычайного законодательства позволял успешно обходить и сопротивление со стороны консервативных сил.

Как известно, центральным элементом программы Столыпина была аграрная реформа, нацеленная на превращение крестьян в полноправных хозяев обрабатываемой земли, освобождение от диктата деревенской общины, уравнивание в гражданских правах с другими категориями подданных, получение возможности расширять обрабатываемые земельные участки и т. д. Поэтому, естественно, в первую очередь были приняты на основе указов государя по статье 87 приоритетные акты в рамках земельной реформы.

Таким путем оказался утвержден базовый документ, запускающий в полном объеме аграрную реформу, – указ от 9 ноября 1906 года, имеющий не очень эффектное название «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»⁵⁸. Указ обеспечивал право свободного выхода крестьян из общины и «укрепления» земельного надела в частную собственность. Указ являлся логичным продолжением Манифеста от 3 ноября 1905 года (отменяя выкупные платежи с 1 января 1907 года, он освобождал землю крестьян от обременений), создавая механизм превращения земли в личную собственность и возможность ее вовлечения в оборот. Ранее был принят указ от 27 августа «О предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения», определявший порядок передачи части казенных земель Крестьянскому банку для продажи крестьянам⁵⁹. Для образования земельных участков, предлагаемых переселенцам, указом от 19 сентября 1906 года в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия передавались кабинетские земли в Алтайском округе⁶⁰. Предпринимались и важные шаги, стимулирующие приобретение крестьянами земли в банке. 14 октября 1906 года последовал указ, снижающий размер платежей заемщиков Крестьянского банка начиная со второго полугодия 1906 года, при этом средства, недополучаемые банком в результате такого «облегчения», должны были компенсироваться из бюджета. А указом от 15 ноября 1906 года Крестьянскому банку разрешалась выдача ссуд под залог наделных земель для расширения и улучшения крестьянского землевладения⁶¹.

Ряд подготовленных Советом министров законопроектов, обеспечивающих гражданские права населения, был введен в действие тоже по статье 87. Принципиальное значение имел указ от 5 октября 1906 года «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывате-

лей и лиц других бывших податных сословий». Многомиллионное крестьянство уравнивалось в правах с другими сословиями, окончательно отменялись разные архаические ограничения и дискриминационные меры (круговая порука, подушная подать, ограничения свободы передвижения и выбора места жительства и др.)⁶².

Был принят и один из важнейших законов, входивших в пакет конфессиональных законопроектов (они разрабатывались в развитие положений указа от 17 апреля 1905 года о свободе вероисповеданий и Манифеста 17 октября 1905 года). Николай II утвердил 17 октября 1906 года проект «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов». По статье 87 были проведены и приняты Советом министров 31 января 1907 года Временные правила для узаконения браков, заключенных лицами неправославных исповеданий⁶³.

Современники, причастные к «властным коридорам», видели, что значительная часть реформаторской программы Столыпина, особенно по решению аграрного вопроса, опиралась на имеющиеся уже правительственные наработки. С. Е. Крыжановский, категорично подчеркивая, что «в области идей Столыпин не был творцом, да и не имел надобности им быть», отмечал: «Совокупность устроительных мер, которые Столыпин провел осенью 1906 года в порядке ст. 87 Основных государственных законов, представляла собою не что иное, как политическую программу князя П. Д. Святополк-Мирского, изложенную во Всеподданнейшем докладе от 24 ноября 1904 года, которую у него вырвал из рук граф С. Ю. Витте, осуществивший часть ее в укороченном виде, в форме указов 12 декабря того же года... В частности, предусмотренное программой Святополк-Мирского упразднение общины и обращение крестьян в частных собственников – так называемый впоследствии закон Столыпина – был получен им в готовом виде из рук В. И. Гурки (имеется ввиду товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко. – И. А.). Многие другое – законопроекты об устройстве старообрядческих общин, об обществах и союзах, проект переустройства губернского и уездного управления и полиции – Столыпин нашел на своем письменном столе в день вступления в управление Министерства внутренних дел»⁶⁴.

Впрочем, активное использование проектов, подготовленных ранее коллегами, характеризует Столыпина скорее с положительной стороны. Главным была «политическая воля» – энергия, с которой премьер-министр взялся за систематизацию разрозненных законопроектов и форсированную подготовку новых документов, ориентируясь на системные представления о программе реформ и деятельности правительства. Об этом свидетельствуют и выступления Столыпина с правительственными декларациями.

Примечательно, что на первом этапе деятельности премьер, проявляя инициативность, был готов энергично продвигать прогрессивные проекты преобразований, проявляя настойчивость в общении с Николаем II. Например, в декабре 1906 года Столыпин попытался добиться, чтобы царь утвердил постановление правительства об отмене ограничений прав евреев и членов их семей. Предлагалось снять некоторые ограничения при выборе места проживания, возможности заниматься определенными видами деятельности, отменить запреты на аренду и приобретение недвижимости в городах, включение в правление акционерных обществ, имеющих земельные активы и др.⁶⁵ Но государь, «несмотря на самые убедительные доводы», отказался утверждать журнал Совета министров с соответствующим решением. Весьма характерна мотивация царя, не приводившего при этом никаких рациональных аргументов, несмотря на актуальность и остроту этих вопросов, важных для миллионов людей: «...внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, вы тоже верите, что „сердце царевое в руцех Божиих“. Да будет так».

Столыпин не сдавался, пытаясь склонить Николая II к положительному решению. Повторяя в письме от 10 декабря 1906 года часть аргументов, он ссылался на «начала гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября» и указывал на необходимость «успокоить неревOLUTIONционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений». Напоминал он и о том, что разработанный правительством проект – это исполнение обещания, включенного с одобрения царя в декларацию от 24 августа 1906 года («коренное решение еврейского вопроса является делом народной совести и будет разрешен Думой, до созыва которой будут отменены не оправдываемые обстоятельства времени наиболее стеснительные ограничения»). Столыпин предупреждал об опасных для авторитета верховной власти последствиях отказа, поскольку в печать уже попали сведения о проекте, принятом правительством и ожидающем утверждения государем. Петр Аркадьевич предлагал, чтобы царь хотя бы принял резолюцию, что, «не встречая по существу возражений», ввиду сложности вопрос следует провести «общим законодательным порядком», а не по статье 87, как планировал премьер. Таким образом, появлялась бы отсрочка до созыва 2-й Думы, но это не выглядело бы явным отказом царя; не подрывалось бы и доверие к правительству («в настоящее время вам, государь, нужно правительство сильное»)⁶⁶. Николай II ограничился совсем лаконичной резолюцией, без каких-либо оценок и конкретных обещаний: «Внести на рассмотрение Государственной думы», и впредь к этому вопросу уже не возвращались...⁶⁷

Либеральный арсенал

План реформ наиболее подробно был изложен Столыпиным 6 марта 1907 года, в первом выступлении перед депутатами 2-й Думы. Это была одна из его наиболее ярких, четко выстроенных и содержательных речей.

Интересно, что премьер сразу подчеркнул: формирование новой системы законов будет иметь единую идейную основу – «общую руководящую мысль, которую правительство будет проводить во всей своей последующей деятельности». Он отметил при этом сложность задачи, стоящей перед правительством «в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения». Избегая использовать понятия «конституционный» или «либеральный», Столыпин обозначал ключевой принцип, определяющий подход правительства: «Мысль эта – создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в *государство правовое*, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, то есть не будут прочно установлены».

Правительство обязуется выработать в первую очередь комплекс законодательных норм, которые позволят реализовать права граждан, «возвещенные» Манифестом 17 октября. «Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством», – обращал внимание Столыпин. С оговоркой о Православной Церкви, исторически являющейся «господствующей», премьер заявлял о намерении обеспечить принципы веротерпимости и свободы совести, делающие возможным свободный переход из одного вероисповедания в другое, «беспрепятственное богомоление», «образование религиозных общин», «сооружение молитвенных зданий» и т. д.

Говоря о законодательных гарантиях неприкосновенности личности, Столыпин обещал «обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обуславливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законности ареста, последовавшего по распоряжению полиции». Обещано было упразднить административную высылку «в определенные места», а «исключительные положения», вводимые в случае войны или народных волнений, сократить с трех до одного.

«На новых началах» будет перестроена «местная жизнь». Премьер декларировал реформу управления (на губернском, уездном и участковом уровне) с эволюцией в сторону децентрализации и расширения прерогатив самоуправления на всех уровнях. Анонсировалось создание и мелкой земской единицы – «бессловной, самоуправляющейся волости»: «волость будет самой мелкой административно-общественной единицей, с которой будут иметь дело частные лица». Реформируя систему земского и городского самоуправления, правительство предлагает законопроект, перестраивающий систему земского представительства на принципе налогового ценза. Столыпин пояснял, что правительство расширяет таким путем «круг лиц, принимающих участие в земской жизни, но обеспечивая одновременно участие в ней культурного класса землевладельцев, компетенция же органов самоуправления увеличивается передачею им целого ряда новых обязанностей, а отношение к ним администрации заключается в надзоре за законностью их действий».

Административная реформа предусматривает объединение на местах многочисленных учреждений в однотипные губернские, уездные и участковые органы. Результатом реформы станет в том числе упразднение должностей земских начальников, обычно особенно консер-

вативных и непопулярных у населения. Столыпин обращал внимание и на планы реформирования полиции: «Полицию предполагается преобразовать в смысле объединения полиции жандармской и общей, причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству политических дознаний, которые будут переданы власти следственной». Депутатам будет предложен на рассмотрение и новый полицейский устав, который «должен заменить устаревший устав о предупреждении и пресечении преступлений и точно установить сферу действий полицейской власти».

Совершенствование судебной системы – обязательное условие для движения к правому государству. В рамках общей реформы управления «с отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению». Столыпин анонсировал разработанный Министерством юстиции законопроект о преобразовании местного суда: он предусматривает сосредоточение «судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений».

Знаковый характер имело заявление премьера о «незыблемости основных начал судебных уставов Александра Второго» и намерении продолжить развитие системы правосудия – обеспечить доступ адвокатов к участию в предварительном следствии, ввести институт условного осуждения и условного досрочного освобождения и т. д. Примечательно утверждение, что «в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона», будет внесен законопроект об уголовной и гражданской ответственности служащих. Как подчеркивал премьер, это будет закон, который «действительно» обеспечит «применение начала уголовной и имущественной ответственности служащих за их проступки», ограждая при этом их деятельность «от обвинений явно неосновательных».

Указание Столыпина на необходимость решения рабочего вопроса особенно показательно, учитывая левую, социалистическую ориентацию большей части думского большинства. Важнейшая задача власти – «положительное и широкое содействие... благосостоянию рабочих и стремление к исправлению недостатков в их положении». Премьер стремился обозначить и отвечающий духу «обновленного строя» взгляд на «рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения». Следовательно, «реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности». Решению рабочего вопроса будет способствовать уменьшение административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, государственное попечение о нетрудоспособных рабочих путем страхования от болезней, увечий, инвалидности. Ситуация с охраной труда улучшится благодаря пересмотру норм труда малолетних рабочих и подростков, запрету для них и для женщин ночных и подземных работ...

О планируемых мероприятиях в сфере народного просвещения Столыпин говорил как о непереносимом условии «поднятия экономического благосостояния населения». Приоритетом объявлялась «коренная» школьная реформа на всех ступенях образования – иначе «наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения». Ближайшая задача правительства и общества – обеспечение «общедоступности, а впоследствии и обязательности начального образования для всего населения империи». В области средней школы предусматривалось создание разнообразных типов учебных профессиональных заведений, дающих общий минимум образования. А в реформе высшей школы следует развивать начала, положенные в основу преобразований, предполагаемых указом от 27 августа 1905 года (он предоставлял университетам широкую автономию)⁶⁸.

Разумеется, в общем выступлении о планах преобразований Столыпин подчеркивал приоритетность аграрной реформы. Он говорил о проведенных по статье 87 «законах об устройстве быта крестьян» как незамедлительных, обосновывая их принятие невозможностью «отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли царя и настойчиво повторявшихся просьб крестьян, изнемогающих от земельной неурядицы». Видимо, не желая раздражать и без того негативно настроенное к власти оппозиционное большинство Думы, премьер деликатно указывал: правительство рассчитывает, что принимаемые меры будут способствовать успокоению крестьянской массы. Как отмечал Столыпин, «на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам законный выход в их нужде». Петр Аркадьевич обращал внимание на принятые уже решения о предоставлении крестьянам государственных, а также удельных и кабинетных земель «на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние», в том числе скорректировав устав Крестьянского банка. Потребность в спешном проведении землеустроительных мероприятий, создании условий для «облегчения разверстания чересполосицы, выделения домохозяевам отрубных участков» и т. д. делает необходимым переустройство землеустроительных комиссий, чтобы «теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала».

Что же касается ключевого закона – о выходе из общины, – который вызывал наибольшую критику со стороны не только левых, но и либералов, прежде всего кадетов, то Столыпин обращал внимание на его «ненасильственный» и прогрессивный характер. «Устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда», – уверял Столыпин.

К содержательному рассмотрению реформаторских законопроектов 2-я Дума фактически так и не приступила. Выступление Столыпина вызвало резкое, почти единодушное неприятие. Вынужденный в ответ на многочисленные нападки в этот день еще раз подняться на трибуну, премьер обратился к депутатам уже в другом тоне – корректном, преисполненном достоинства, но и весьма жестком: «Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут волею монарха нет ни судей, ни обвиняемых и что эти скамьи – не скамьи подсудимых, это место правительства». Подчеркнув, что правительство «будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений», премьер пообещал, что будет вестись безжалостная борьба с нападками, подстрекающими к революционным выступлениям: «Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: „Руки вверх“. На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: „Не запугаете“»⁶⁹.

Слово и дело власти

Столыпин предстал в Думе эффектным публичным политиком, ярким оратором, выступающим с запоминающимися речами – впечатляющими своей уверенностью, искренностью, образностью выражений, тотчас превращающихся в «крылатые». Всем стало очевидно, что теперь во главе правительства находится масштабная, можно сказать, харизматичная фигура государственного деятеля, способного достойно представлять официальную власть.

Депутаты сразу почувствовали, что перед ними «не угасающий старый Горемыкин, а человек полный сил, волевой, твердый», – вспоминала впечатления от появления Столыпина в Таврическом дворце А. В. Тыркова-Вильямс, журналистка и активный деятель партии кадетов. «Высокий, статный, с красивым, мужественным лицом, это был барин по осанке и по манерам и интонациям. Дума сразу насторожилась. В первый раз из министерской ложи на думскую трибуну поднялся министр, который не уступал в умении выражать свои мысли думским ораторам. Столыпин был прирожденный оратор. Его речи волновали. В них была твердость. В них звучало стойкое понимание прав и обязанностей власти. С Думой говорил уже не чиновник, а государственный человек. Крупность Столыпина раздражала оппозицию. Горький где-то сказал, что приятно видеть своих врагов уродами. Оппозиция точно обиделась, что царь назначил премьером человека, которого ни в каком отношении нельзя было назвать уродом. Резкие ответы депутатов на речи Столыпина часто принимали личный характер... В сущности, во Второй думе только он был настоящим паладином власти»⁷⁰.

Петр Аркадьевич проявил себя как политик и государственный деятель принципиально нового стиля – отвечающий современным реалиям, понимающий важность игры по правилам публичной политики и, главное, обладающий необходимым для этого потенциалом. «В лице его впервые предстал пред обществом вместо привычного типа министра-бюрократа, плывущего по течению в погоне за собственным благополучием, какими их рисовала молва, новый героический образ вождя,двигающего жизнь и увлекающего ее за собой, – реконструировал политико-психологический портрет Столыпина С. Е. Крыжановский, вдумчивый наблюдатель и непосредственный участник политической жизни. – ...Высокий рост, несомненное и всем очевидное мужество, умение держаться на людях, красно говорить, пустить крылатое слово – все это, в связи с ореолом победителя революции, довершало впечатление и влекло к нему сердца». Столыпин обладал артистичностью, не свойственной высокопоставленным сановникам, хотя среди них были и очень решительные, мужественные деятели. «Но ни один из них не умел, подобно Столыпину, облекать свои действия той дымкой идеализма и самоотречения, которая так неотразимо действует на сердца и покоряет их, – отмечал Крыжановский. – И кривая русская усмешка, с которой встречалось прежде всякое действие правительства, невольно стала уступать уважению, почтению и даже восхищению. Драматический темперамент Петра Аркадьевича захватывал восторженные души, чем, быть может, и объясняется обилие женских поклонниц его ораторских талантов. Слушать его ходили в Думу, как в театр, а актер он был превосходный... Короткое дыхание – следствие воспаления легких – и спазм, прерывавший речь, производили впечатление бурного прилива чувств и сдерживаемой силы, а искривление правой руки – следствие операции костяного мозга, повредившей нерв, – придавало основание слухам о том, что он был ранен на романтической дуэли»⁷¹.

Образ Столыпина воспринимался с неподдельным интересом (зачастую и с восхищением, плохо скрывавшимся политическими оппонентами), ему сопутствовали и различные легенды, преимущественно «героические». Например, И. И. Толстой, бывший министр народного просвещения в правительстве С. Ю. Витте, записывал отзывы одного из близких к премьеру людей: «Столыпин, по его (Н. Д. Оболенского. – И. А.) мнению, являет собой редчайший тип, сумевший, с одной стороны, импонировать Думе, а с другой – нисколько не боящийся

государя и имеющий возможность говорить с ним совершенно прямо. С жизнью он, в известном смысле, покончил, так как совершенно приготовился к смерти, которой ему угрожают: даже исповедался и причастился»⁷².

Столыпин хотел сотрудничества со 2-й Думой, понимая при этом, что она оказалась более левой, чем ее предшественница (несмотря на активное использование административного ресурса в ходе выборов). Поэтому первоначально он стремился формировать в восприятии Николая II более или менее позитивный образ Думы, пытался поддерживать ее «авторитет», сглаживая самые острые, конфликтные моменты. Тактически Столыпин надеялся наладить минимальное взаимодействие с лидерами оппозиционного большинства. Главное – получить от Думы осуждение в какой-либо форме революционного террора и хотя бы нейтральное, без агрессивного публичного противодействия, отношение к правительственной аграрной реформе.

Так, докладывая царю 20 февраля, что открытие Думы «прошло благополучно», премьер обращал внимание: приветственная речь кадета Ф. А. Головина, избранного председателем Думы, «была прилична». Отмечал, что после передачи «привета» от имени Николая II, правые вставали и было провозглашено «в честь вашего величества „ура“, подхваченное всею правою стороною; левые не вставали, но не решились на какую-либо контр-манifestацию». Выступив с декларацией, Столыпин подчеркивал как позитивное обстоятельство, что Дума приняла лишь «простой переход к очередным делам», и в общем давал условно-оптимистичную оценку: «Настроение Думы сильно разнится от прошлогоднего, и за все время заседания не раздалось ни одного крика и ни одного свистка». Сетуюя, что председатель Думы не останавливает крайне резкие речи левых ораторов, Столыпин предлагает царю во время приема Головина 9 апреля лично высказать ему неудовольствие: «Я уверен, что твердое слово вашего величества Головину будет первым грозным предостережением против революционирования народа с думской кафедры». Стремясь настроить Думу на конструктивный лад, в том числе используя влияние царя, премьер подразумевал, что разгон представительства может оказаться сейчас выгоднее не столько власти, сколько самим левым: «Дума „гниет на корню“, и многие левые, видя это, желали бы роспуска теперь, чтобы создать легенду, что Дума создала бы чудеса, да правительство убоилось этого и все расстроило». Николай II, последовав совету, «отчитывался»: «Разговор с Головиным сегодня прошел успешно. Я ему высказал все, что имел на душе и в мыслях, – не резко. Он старался выгораживать себя довольно слабо. Настроен оптимистично, думая, что Госуд<арственная> дума после Пасхи заработает!»⁷³ После скандального эпизода с выступлением на закрытом заседании 16 апреля социал-демократа А. Г. Зурабова, которое было воспринято как «оскорбление доблестной русской армии», премьер сделал все возможное, чтобы «ликвидировать» инцидент, и министры вновь могли посещать заседания Думы. При этом еще раньше, чтобы дополнительно не раздражать депутатов, отказался вносить в Думу закон о военно-полевых судах, который, таким образом, в апреле 1907 года утратил силу⁷⁴.

Перелом в установках Столыпина, потерявшего надежду на возможность работы со 2-й Думой, произошел, видимо, после бурного обсуждения 10 мая, посвященного аграрному вопросу. Премьер готов был даже признать «в виде исключения» возможность принципа принудительного отчуждения частной земли, тем не менее он окончательно убедился в категорическом неприятии правительственной аграрной реформы не только трудовиками и социал-демократами, но и кадетами. Программную речь «об устройстве быта крестьян и о праве собственности» Столыпин завершил словами, ставшими сразу знаменитыми. «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа, – отмечал Столыпин, апеллируя к своему прежнему опыту. – Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных госу-

дарствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия! (*Аплодисменты справа.*)⁷⁵. Кроме того, уже было запущено с использованием приемов полицейской провокации «разоблачение» некоего «государственного заговора» с участием депутатов социал-демократической фракции, якобы планировавших восстание в воинских частях. 1 июня премьер потребовал от Думы отстранить от работы 55 социал-демократов и лишить шестнадцати из них депутатской неприкосновенности, а задержку с «выдачей» использовал как предлог для роспуска Думы (царь торопил – «пора треснуть»!). На этот раз, в отличие от ситуации с роспуском 1-й Думы, власти уже не опасались каких-то волнений и массовых протестов...

3 июня 1907 года был издан Манифест о роспуске 2-й Думы, и одновременно царь утвердил новое Положение о выборах – существенно измененный избирательный закон. Столыпин был главным идеологом и организатором такого способа «разрубить» политическую проблему. Власти невозможно работать с левой оппозиционной Думой, при этом нет никаких шансов получить лояльную нижнюю палату, если сохранить действующий выборный закон.

«Государственный переворот» – подобная оценка сближала и оппозиционеров, и высокопоставленных представителей бюрократии. Власть нарушала Манифест 17 октября 1905 года и Основные законы, согласно которым ни один закон не может быть принят без утверждения Государственной думы. Более того, в статье 87 Основных законов особо оговаривалась невозможность издания в обход Государственной думы и Государственного совета законов, изменяющих избирательную систему. Общественное мнение не приняло аргумент, приведенный в Манифесте о роспуске Думы: мол, поскольку ее состав Николай II признал неудовлетворительным, то и право изменять избирательный закон принадлежит не ей, а государю («только власти, даровавшей первый избирательный закон»).

Издание Манифеста о роспуске Думы с прилагаемым новым избирательным законом находилось в «формальном противоречии с Основными законами» и содержало «бесчисленное количество недостатков с точки зрения теоретической», – признавал С. Е. Крыжановский. Указывая на отсутствие, по сути, альтернативы нарушению Основных законов, он обосновывал политическую целесообразность предпринятых шагов и выпуск Манифеста как «учредительного акта», исходящего от верховной власти. «Производить новые выборы на прежних основаниях значило ввергать страну лишней раз в лихорадку без всякой надежды получить Думу, способную к производительной работе, – пояснял логику Крыжановский. – И Первая, и Вторая думы приоткрыли картину народных настроений, которой не представляли себе ни правители, исходившие из понятий, завещанных официальным славянофильством, ни даже общество, исходившее из представлений народнических... Оставалось одно – прикрыть отдушину, закупорить ее в надежде, что огонь притухнет и даст время принять меры к подсечению его корней и к укреплению правительственного аппарата. Вырвать Государственную думу из рук революционеров, слить ее с историческими учреждениями, вдвинуть в систему государственного управления – вот такая задача ставилась перед верховной властью и правительством». И кстати, Столыпин, лично составлявший Манифест 3 июня, очень гордился получившимся документом. После его смерти в письменном столе был обнаружен черновик этого акта в особом конверте, с надписью: «Моему сыну»⁷⁶.

«Третьеиюньский переворот», нацеленный на появление в Думе проправительственного, «работоспособного» большинства, кардинально изменял соотношение представителей от различных социальных групп. Новый закон, превращая Думу «крестьянскую» в «господскую», перераспределял квоты выборщиков в пользу имущих слоев – землевладельцев и буржуазии. Это стало ключевым инструментом «настройки» состава Думы, учитывая, что система выборов была в своей основе многоступенчатой. Так, число выборщиков в крестьянской курии сокра-

щалося на 45 %, в рабочей курии – на 46 %, а в землевладельческой увеличивалось почти на 33 %! В губернских избирательных собраниях прочное большинство получали землевладельцы, которые являлись самым консервативным элементом. Ощутимое влияние на социально-политический «портрет» народного представительства оказывало и сокращение количества городов, где проводятся прямые выборы, – с двадцати шести до пяти. При этом городских избирателей, составлявших ранее единую курию, разделяли на две: к первой курии относились домовладельцы, купцы и т. д., а ко второй – «средний класс», уплачивающий квартирный налог. Соответственно, городская интеллигенция, политически наиболее активная, вытеснялась во вторую курию, где голос избирателя весил в 7,6 раза меньше. Наконец, были полностью лишены представительства в Думе 10 областей и губерний азиатской части России, значительно сокращались депутатские квоты для польских губерний и Кавказа⁷⁷.

Фракционный состав 3-й Думы, выбранной по новому закону (и с многочисленными злоупотреблениями со стороны властей «административным ресурсом», включая бесчисленные псевдоюридические «разъяснения»), подтвердил арифметические расчеты авторов «избирательной реформы». Правительство могло опираться в Думе на большинство, причем в двух политических конфигурациях – это позволяло Столыпину эффективнее манипулировать позицией депутатов, в зависимости от конъюнктурных особенностей рассматриваемых вопросов. Основу большинства составляла самая многочисленная фракция «партии власти» – октябристов (154 депутата к открытию первой сессии Думы 1 ноября 1907 года). Но в Думе, состоящей из 442 депутатов, октябристам требовалось объединяться либо с умеренно правыми и националистами, либо с находившимися левее более радикальными либералами – кадетами и прогрессистами. Крайние течения – ни ультраправые, ни социал-демократы и трудовики – не могли играть самостоятельной роли. Таким образом, Столыпин получал инструмент проведения своей политики – и «репрессивной», для окончательного подавления революционной смуты, и реформаторской, опираясь на центристское большинство – с право-националистической комплектацией или с более либеральной...

Знаковым свидетельством новых политических реалий «третьеиюньской системы» стало первое же выступление Столыпина в Думе с правительственной декларацией 16 ноября 1907 года. Изменилась стилистика в целом политической жизни, другим стал и стиль публичного поведения представителей власти – прежде всего, перед депутатами лояльной и, как считалось поначалу, вполне управляемой 3-й Думы.

Речь Столыпина перед «работоспособной» Думой отличалась от предыдущих программных выступлений. Более строгим, сдержанным, высокомерным стал общий тон обращения к депутатам. Подчеркнутая лаконичность и тезисность изложения были особенно заметны при упоминании реформ. Столыпин уже не утруждал себя перечислением всех либеральных по своей сути преобразований, о которых ранее подробно вещал депутатам оппозиционной 2-й Думы. Напротив, стилистику речи определяла категоричность заявлений с «репрессивными» угрозами, напыщенный пафос «государственной» и откровенно националистической, «почвеннической» риторики. Язык выступления Столыпина отражал уверенность, которую хотелось ощущать власти в новейшей политико-психологической реальности, и решимость в проведении своего курса.

Основной акцент делался теперь на актуальность задач «наведения порядка» и «успокоения» вместо программы реформ. «Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайне левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противообщественные преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение (*оглушительные рукоплескания центра и справа; возгласы „браво“*), – сразу начал излагать принципиальные подходы правительства Столыпин, выйдя на трибуну. – Противопоставить этому явлению можно только силу. (*Возгласы „браво“ и рукоплескания в центре и справа.*) Какие-либо послабления в этой области правительство сочло

бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты. По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени – этим путем пойдет оно и впредь»⁷⁸.

Шокирующее впечатление произвел финал речи «конституционалиста» и «либерала» Столыпина. Премьер объявлял, что «обновленный строй» (не упоминая ни Манифеста 17 октября, ни его конституционного содержания) всецело зависит от «монаршей воли». Несмотря на «чрезвычайные трудности», верховная власть, как пояснял Столыпин, «дорожит самыми основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы высочайше дарованного ей представительного строя». Но, как недвусмысленно и с необычайным пафосом возвещал премьер, определяющую роль в России играла и будет играть исключительно верховная власть: «Проявление царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая самодержавная власть (*бурные рукоплескания и возгласы справа „браво“*)... историческая самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, признана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды. (*Бурные рукоплескания и возгласы „браво“ в центре и справа.*)»⁷⁹.

«Не только текст этой декларации и бурные ликования справа, но и ничем не вызванный резкий тон, которым Столыпин ее прочел, произвели ошеломляющее впечатление, – вспоминал В. А. Маклаков. – Это был явный реванш правых. Они победили Думу, да и Столыпина, а он явился перед Думой как бы другим человеком. Оппозиция негодовала или злорадствовала. Она-де это предвидела. Октябристы были смущены и не знали, как на это им реагировать. Был объявлен перерыв заседания»⁸⁰.

Репутация Столыпина (точнее, ее ухудшение) в глазах либеральной общественности была прочно связана с бросающимся в глаза сдвигом вправо в позиции власти. Это ставило под сомнение готовность правительства к проведению наряду с аграрной реформой и других преобразований – демократического характера, созвучных идеям формирования правового государства и гражданского общества, которые ранее декларировал Столыпин.

Вместе с ослаблением «боевого настроения страны» и появлением лояльной Думы становилось все более заметным стремление власти к отказу от обещавшихся либеральных реформ. «Заявления правительства освобождались от украшавшего их налета либерализма, а список возвещаемых реформ все сокращался и сокращался, – определил тенденцию известный кадетский публицист А. С. Изгоев. – В декларации 6 марта 1907 года, прочитанной перед **Второй** „революционной“ думой, П. А. Столыпин говорил о совместной деятельности *правительства* с народным представительством; членам благонамеренной **Третьей** думы он уже говорил о „совместной работе *вашей* с правительством“. Этот тон менял, конечно, всю музыку деклараций. Но и помимо тона множество реформ, возвещенных Второй думе, исчезли из правительственной программы, когда правительству пришлось выступить перед Третьей». В частности, «процесс исчезновения и линяния реформ» затронул такие декларировавшиеся Столыпиным преобразования, как обеспечение ненаказуемости экономических стачек, школьная реформа, гражданская и уголовная ответственность должностных лиц, упразднение земских начальников, свобода совести, неприкосновенность жилища⁸¹.

Неизбежное следствие конструирования Думы на основе «третьиюньского закона» – ее бессилие, неспособность влиять на проведение заявленных ранее властью реформ. 3 июня 1907 года стало переломным моментом в политике правительства. Например, И. И. Толстой безрадостную оценку итогов уже первой думской сессии связывал с принципиальным подходом власти к взаимодействию с депутатским корпусом: «У нас пока правительство и официозы его, с „Новым временем“ во главе, держатся того принципа, что не исполнительная власть

должна заслужить доверие „народного представительства“, а, напротив, это представительство под страхом разгона и наказаний (*à la Perse*) должно стараться заслужить доверие правительства. 3-я Дума это поняла и по мере сил старалась заслужить доверие правительства и присных его, а не страны, которая пока играет второстепенную роль. Ни утверждения свобод, обещанных актом 17 октября, ни регулирования отношений сословий и классов, ни утверждения в стране более выносимых порядков и обуздания произвола 3-я Государственная дума за 8 месяцев не коснулась»⁸².

Ключевая ставка

Системная важность аграрной реформы, которую Столыпин с самого начала объявлял первостепенной, обуславливалась соображениями и экономического, и политического характера. С успехом задуманных мероприятий связывалось появление в России широкого слоя мелких земельных собственников – стабильной социальной опоры государства. Если будет предоставлена «возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению», как постоянно повторял Петр Аркадьевич, то это «заложит основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание».

«Вопрос землеустройства» Столыпин объявлял «коренной мыслью», «руководящей идеей» правительства, выступая с декларацией перед 3-й Думой. Соответствующие установки теперь формулировались особенно категорично: «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как следствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности (*рукоплекания центра и справа*), реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования – вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы. (*Рукоплекания в центре и справа.*)»⁸³.

Примечательно, что в реалиях «третьеиюньской системы» Столыпин не только настойчиво подчеркивал приоритетность реформы, поднимающей «благополучие основного земледельческого класса государства». Премьер прямо ставил в зависимость от ее успеха большинство других либеральных преобразований – в сфере государственного управления и местного самоуправления, развития судебной системы, обеспечения гражданских прав и неприкосновенности личности, свободы совести, развития просвещения. Отвечая на речь В. А. Маклакова, критиковавшего выступление Столыпина за перекосящий в сторону репрессивных и полицейских мер в ущерб проведению реформ, глава правительства делал упор на идею: необходимо еще создать условия, при которых население сможет «в действительности воспользоваться дарованными ему благами». При этом подразумевалось, что в первую очередь следует «поднять» до такой возможности многомиллионное крестьянское население. А главной предпосылкой является экономическая, материальная составляющая, то есть превращение крестьян в полноправных собственников земли.

«Пока крестьянин беден, пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы (*рукоплекания в центре и справа*), – провозглашал Столыпин. – Для того чтобы воспользоваться этими благами, ведь нужна известная, хотя бы самая малая доля состоятельности. Мне, господа, вспомнились слова нашего великого писателя Достоевского, что «деньги – это чеканная свобода»... Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшение его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретенных в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земской единицы; он, трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток. Вот тогда, тогда только писаная свобода превратится и претворится в свободу настоящую, которая, конечно, слагается из гражданских вольностей и чувства государственности и патриотизма. (*Рукоплекания в центре и справа. Возгласы „браво!“*)»⁸⁴.

Ключевую роль в «пакете» аграрных преобразований играл указ 9 ноября 1906 года о свободном выходе из общины. Столыпин и проправительственное большинство 3-й Думы не

спешили запускать обсуждение указа, вступившего в действие сразу после издания, рассчитывая, что реформа станет уже абсолютно необратимой. Законопроект, к обсуждению которого приступили лишь в октябре 1908 года, был принят с не очень существенными поправками, получил одобрение Государственного совета (один из немногих реформаторских актов, благополучно прошедших «фильтр» верхней палаты!) и утвержден государем 14 июня 1910 года.

Закон (а сначала указ) устанавливал, что каждый домохозяин, владеющий наделом на общинном праве, может потребовать «укрепления» в личную собственность полагающейся ему земли. Желающие стать владельцами земли получали ряд «бонусов», которые по замыслу властей дополнительно стимулируют выход из общины и формирование столь значимого для судеб России слоя мелких земельных собственников. Так, «укрепляться» должен был надел, который находился в пользовании со времени последнего передела, причем независимо от того, как изменилось с тех пор количество человек в семье. Это было привлекательно для семей, ожидавших уменьшения своих наделов при следующем переделе. Выходившие из общины могли также оставить за собой излишки земли, превышавшие норму, – плата за эту землю устанавливалась льготной (по выкупной цене 1861 года, которая была существенно ниже текущих цен). А если передела земли в общине не происходило свыше 24 лет, то «укрепить» в личную собственность можно было всю землю, находившуюся в пользовании, без какой-либо доплаты. Особенно важно, что покидающий общину был вправе потребовать выделения «отруба» – отдельного участка взамен чересполосных земель; законом предусматривалась и возможность отселения на хутора. Оформление в частную собственность полноценного компактного участка превращало землю в более ценный актив, который можно выгоднее продать, а главное – получить под залог земли кредит в Крестьянском банке.

«Насильственное разрушение общины», которое оппоненты ставили в вину Столыпину, проявлялось, к примеру, в довольно разумной норме указа 9 ноября, а затем «Закона 14 июня». Если община в течение 30 дней не давала согласия на выход, то выдел происходил по распоряжению земского начальника. Кроме того, действенный инструмент был предусмотрен и в другом важнейшем законе – «О землеустройстве», называвшемся «Законом 29 мая 1911 года»⁸⁵ (его принятию предшествовало издание ряда временных правил и инструкций). При выполнении землеустроительных работ для ликвидации чересполосицы не требовалось предварительного «укрепления» земли за дворохозяевами, и члены общины начинали автоматически считаться собственниками, даже если об этом не просили. Поэтому селения, в которых были проведены землеустроительные работы, объявлялись перешедшими к наследственно-подворному владению. Как отмечает П. Н. Зырянов, «Столыпин, видимо, и сам понимал, что чересполосное укрепление не создаст „крепкого собственника“», что это «лишь половина дела». Поэтому с 1908 года для стимулирования перехода к хуторам и отрубам принимались дополнительные меры в рамках землеустроительной политики, приоритетным становилось разверстание наделов сразу целых деревень («Временные правила о выделе наделной земли к одним местам», «Временные правила о землеустройстве целых сельских обществ» и др.)⁸⁶.

В комплексе с указом о свободном выходе из общины были приняты и другие важные меры, обеспечивающие земельную реформу и «устройство быта крестьян», причем ряд решений был сознательно утвержден до издания указа 9 ноября 1906 года. Так, Крестьянскому банку для дальнейшей перепродажи крестьянам была передана часть свободных удельных земель сельскохозяйственного пользования, принадлежавших императорской семье. Свободные казенные земли, пригодные для обработки, передавались землеустроительным комиссиям. Таким образом, в Европейской России создавался земельный фонд, включающий несколько миллионов десятин земли. Для переселения же крестьян в Сибирь выделялись кабинетские земли на Алтае (они находились в ведении государя).

Большое значение имела отмена (указом от 5 октября 1906 года) правовых ограничений, сохранявшихся еще для крестьян. Крестьяне уравнивались с другими сословиями в вопросах,

касающихся военной службы, поступления в учебные заведения. Вводилась свободная выдача крестьянам паспортов – с правом выбора места жительства. Отменялись ограничения, которые были связаны с упраздненной теперь подушной податью, а также с прекращением взимания выкупных платежей за землю с 1 января 1907 года (об их ликвидации было объявлено манифестом Николая II еще 3 ноября 1905 года). Зависимость крестьян от общины ослаблялась благодаря отмене таких традиционных элементов власти «мира» над отдельными крестьянами, как отдача должников «в заработки» и назначение опекунов. Устанавливалось право ухода крестьянина в город с отказом от общинной земли или с ее продажей. Крестьяне получали право без исполнения личных натуральных повинностей и официального выхода из общины поступать на гражданскую службу или в учебные заведения. Наконец, еще до издания указа о свободе выхода из общины за крестьянами было фактически признано право личной собственности на участок земли, находящийся в пользовании. Это следовало из смысла указа 19 октября 1906 года, разрешавшего Крестьянскому банку выдачу ссуд под наделные земли.

Аграрная реформа, в основе которой был закон о свободе выхода из общины, носила либеральный характер и способствовала развитию капитализма в деревне. В специфических российских условиях эти преобразования, диктуемые «сверху», напоминали скорее «прусский» образец развития, чем более прогрессивную и экономически эффективную фермерскую, «американскую» модель. Впрочем, главное – не исторические аналогии, а полученные результаты. Создать широкий и устойчивый слой мелких крестьян-собственников как социальную опору режиму «третьеиюньской монархии», отказавшись от традиционной ставки на консервацию общины, в полной мере не удалось. В период 1907–1914 годов из общин вышло около 3 млн дворов, что составляло примерно 26 % от общего числа «общинников» (по состоянию на 1914 год). Право личной собственности получили порядка 2,5 млн крестьян с «укрепленной» землей (всего около 16 млн десятин). Но выделивших землю в одном месте и образовавших действительно единоличные хозяйства на наделных землях было меньше. За 1907–1915 годы создано порядка 1,2 млн единоличных хозяйств (на их долю приходилось 12 млн десятин земли, то есть около 9 % всей наделной земли). Помимо этого, при участии Крестьянского банка возникли еще 270 тысяч единоличных хозяйств, а также 13 тысяч хозяйств на казенных землях. К началу Первой мировой войны на отруб и хутора вышли 1,5 млн крестьян – это только 10 % всех крестьянских дворов. Кстати, хутора в России так и не успели прижиться. Доля хуторов (и существовавших, и созданных в ходе реформы – в основном они приживались в северо-западных и западных губерниях) составляла лишь 2 % от общего количества крестьянских дворов⁸⁷.

Столыпин, как известно, подчеркивал необходимость, «когда мы пишем закон для всей страны, иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых». Эта прославившаяся формулировка была озвучена в Думе 5 декабря 1908 года. В ходе постатейного чтения законопроекта премьер специально поднялся на трибуну, чтобы выступить в защиту принципа единоличной крестьянской собственности (и против ее подмены семейной собственностью): «Неужели не ясно, что кабала общины, гнет семейной собственности являются для 90 миллионов населения горькой неволей. Неужели забыто, что этот путь уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу?» Говоря, что правительство, взяв на себя большую ответственность проводить закон по статье 87, «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных», Столыпин отмечал с гордостью и оптимизмом: «Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3 200 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей, в России большинство. *(Рукоплекания центра и отдельные справа.)*»⁸⁸.

Однако, как выяснилось, качественный состав крестьян, вышедших из общины и «укреплявших» землю, далеко не в полной мере отвечал ожиданиям авторов реформы. Сове-

менные исследования свидетельствуют, что в первую очередь активно оформлять землю в собственность принялись те, кто уже утратил связь с деревней и перестал работать на земле. Обосновавшиеся в городе торговцы, ремесленники, служащие, «рабочие с наделом» стремились побыстрее «укрепиться» и продать землю. Например, в 1914 году было продано 60 % площади земель, «укрепленных» в этот год. Значительную часть покидавших общину составляли бедняки, «пролетаризированные» деревенские элементы, не желающие (и не способные) оставаться в деревне и обрабатывать землю. Примечательно, что распространенное в советской историографии представление: мол, землю «укрепляли» главным образом зажиточные, многоземельные крестьяне, – неточно отражает реальную картину. Как доказал П. Н. Зырянов, многоземельные крестьяне, многие из которых «укрепляли» наделы в собственность, были совсем не обязательно зажиточными. Такие хозяйства зачастую оказывались довольно бедными – не хватало ни рабочих рук, чтобы обрабатывать наделы, ни средств на развитие хозяйственной деятельности. Поэтому среди избавлявшихся от наделов были и многоземельные хозяева, которые отнюдь не стремились становиться «сильными». А действительно богатые крестьяне, составлявшие в деревне меньшинство, во многих случаях и не спешили выходить из общины (удобнее и выгоднее было пользоваться общественными выгонами и лесами, просто арендовать у бедняков их наделы и т. д.). Интересно и то, что землю после ее «укрепления» часто покупали крестьяне, остававшиеся в общине, – и богатые, и не очень зажиточные. Поэтому в распоряжении у хозяев нередко оказывались и общественные участки, и «укрепленные», находившиеся в различных местах⁸⁹.

Власти, рассчитывая сформировать массовый слой собственников-крестьян, при этом не хотели образования крупного фермерского землевладения. В появлении новых частных собственников земли – «сильных» фермеров – усматривали нежелательных конкурентов дворянскому помещному землевладению – с точки зрения и экономического влияния, и политического (прежде всего на местном уровне, в земствах). Была и другая причина, почему правительство не желало концентрации земли в руках небольшого количества «мироедов», – это опасение серьезных социальных последствий. Разорение массы мелких землевладельцев обернется потоком бедноты, устремляющейся в города на заработки, однако промышленность может не справиться с таким наплывом рабочей силы. Оптимальным считалось появление мелких собственников с недробимыми участками в пределах 5–10 десятин. Правительство дополнительно утвердило норму, препятствующую сосредоточению у собственника в пределах одного уезда более шести высших душевых наделов, определенных в реформу 1861 года (для различных губерний получался «норматив» от 12 до 18 десятин)⁹⁰.

В разгар реформы, в 1909 году, в знаменитом интервью саратовской газете «Волга» глава правительства высказывал надежду, что постепенно сложится баланс между крупным землевладением (которое будет все-таки уменьшаться) и мелким и средним. «...Понемногу, естественным путем, без какого-либо принуждения раскинется по России сеть мелких и средних единоличных хозяйств, – предсказывал Столыпин. – Вероятно, крупные земельные собственности несколько сократятся. Вокруг нынешних помещичьих усадеб начнут возникать многочисленные средние и мелкие культурные хозяйства, столь необходимые как надежнейший оплот государственности на местах»⁹¹.

Впрочем, практика подтвердила в значительной степени и опасения, что на столь небольших наделах или хуторах сложно добиться повышения сельскохозяйственной культуры, производительности труда и доходности хозяйства. Тем более что правительству не удалось наладить эффективную систему кредитования крестьянских хозяйств (в том числе для покупки сельскохозяйственных машин) под залог «укрепленной» в собственность земли. Негативно отразились и затянувшиеся на несколько лет распри вокруг ведомственной принадлежности Крестьянского банка.

В то же время активная скупка Крестьянским банком помещичьих земель – для последующей продажи и сдачи в аренду крестьянам на льготных условиях – вызывала растущее недовольство поместного дворянства. Особенно резкие выступления прозвучали на Съезде объединенного дворянства в начале 1909 года. В докладе В. И. Гурко правительство обвинялось в проведении политики, ведущей к ликвидации крупных имений, распылению больших культурных хозяйств, что понижает экономический уровень страны, в чрезмерном расширении мелкого землевладения, которое в других странах Западной Европы не играет уже преобладающей роли. В ход шли и чисто политические аргументы: мол, правительство чуть ли не реализует «социал-революционную программу». А главное – подрывает политический режим, созданный «Законом 3 июня», поскольку ликвидирует экономическим путем именно те элементы, на которых опирается при выборах в Думу⁹².

Реформаторское «чистилище»

Правительству приходилось считаться с «оппозицией» влиятельного поместного дворянства и лоббистским давлением, призванным замедлить распад крупного дворянского землевладения. Тем не менее аграрная реформа была фактически единственным системным преобразованием, с которым крупные помещики-землевладельцы готовы были смириться. Противодействие Совета объединенного дворянства и в целом консервативных кругов (предопределявших, по сути, принимаемые Государственным советом решения) наиболее существенно отразилось на судьбе других реформ, имевших актуальное политическое и общественное значение.

То, что либеральная часть программы преобразований явно пробуксовывает и, более того, Столыпин сворачивает реформаторскую деятельность почти по всем направлениям, кроме аграрного, стало очевидно политической элите и общественности уже с весны 1909 года. Отступление правительства от декларировавшихся планов наглядно демонстрировалось корректировкой под давлением справа собственных же законопроектов, внесенных в Думу, или просто отказом от их дальнейшего продвижения. «Не только из программы исчезают „реформы“, но и те законопроекты о реформах, которые вносятся в законодательные учреждения, на протяжении одного-двух лет претерпевают радикальные изменения, отводящие их так далеко от начал Манифеста 17 октября, что едва ли и правым в Государственном совете придется много трудиться», – констатировал тенденцию А. С. Изгоев⁹³.

Политически знаковым было выступление А. И. Гучкова в Думе 22 февраля 1910 года при обсуждении сметы Министерства внутренних дел. Лидер партии октябристов – основы проправительственного большинства, совсем не случайно именованной «партией последнего правительственного распоряжения», – впервые публично и в резком тоне обращался к Столыпину с напоминанием об обещанных реформах. «Мы находим, что в стране наступило успокоение, и до известной степени успокоение прочное», – подчеркивал Гучков, отмечая отсутствие препятствий к осуществлению реформ и в Думе, и в области управления. При этом, указывая недвусмысленно на Государственный совет, заявлял о серьезных препятствиях в иных законодательных инстанциях. Резюме речи Гучкова, обращенное к правительству и лично к Столыпину, было похоже на предупреждение: «Мы, господа, ждем».

Важнейшая реформа местного управления и самоуправления, которой Столыпин придавал принципиальное значение (как второй по значимости после аграрной реформы), завершилась полным провалом. Концепция проекта местной реформы, представленная Министерством внутренних дел в конце 1906 года и одобренная в целом царем, имела весьма прогрессивный характер. Столыпин стремился перестроить всю систему местного управления – от сельского до губернского – на современных началах, с учетом реалий «обновленной России», в том числе и ожидаемых социальных изменений в деревне. Ключевой идеологический вектор, объединявший изначально основные мероприятия реформы, – отход от традиционных сословных начал организации местного управления и самоуправления. Часть законопроектов в рамках общего проекта реформы была подготовлена в 1907 году для внесения во 2-ю Думу, но в пылу противостояния дело так и не дошло до их содержательного рассмотрения. А тем временем, как оказалось, миновала благоприятная для проведения либеральных реформ конъюнктура. Правительство не только снизило активность при продвижении преобразований, но было вынуждено все больше оглядываться на оппонентов справа. Столыпин предварительно выносил проекты на обсуждение в Совет по делам местного хозяйства, созданный в 1908 году (он был задуман как совещательный орган – «Преддумье», как его стали называть). И практически все проекты местной реформы сталкивались с ожесточенным сопротивлением консер-

вативных сил, в первую очередь представителей «объединенного дворянства», – и на заседаниях этого совета, и в Государственном совете, и в придворных сферах...

Реформа уездного управления, занимавшая центральное место в концепции местной реформы, вызвала и самое энергичное противодействие. Столыпин попытался посягнуть на прерогативы уездных предводителей дворянства, которые были главными фигурами в уездных администрациях. Предводителей дворянства (по традиции, «из чести», являвшихся также главами всех уездных административных коллегий) предлагалось заменить уездными начальниками – чиновниками, которые назначаются правительством и перед ним ответственны. Компетенцию уездных предводителей планировалось ограничить, оставив за ними лишь школьное дело и местное землеустройство. При подготовке правительственного проекта учитывалось, в числе прочего, и то, что зачастую из-за оскудения дворянского землевладения было невозможно подобрать на ответственную должность предводителя дворянства какого-либо кандидата, подходящего по своим деловым качествам. Противники реформы сразу усмотрели «оскорбление» для дворянства в намерении лишить предводителя (выбираемого только дворянством и независимого от населения и администрации) гарантированной роли руководителя уездной власти. Активные деятели Совета объединенного дворянства, негодующие по поводу нововведения, пускали в ход всевозможные политические аргументы. Правительство и лично Столыпин обвинялись в попытке отнять полномочия, дарованные царями, подорвать опору «исторической власти», подготовить переход к республиканскому строю и т. п. В итоге, хотя проект реформы уездного управления и смог пройти через Совет по делам местного хозяйства (с минимальным перевесом голосов – за счет присутствовавших чиновников), Столыпин был вынужден в 1909 году отступить. Весной 1911 года Министерство внутренних дел разработало новый проект, закреплявший теперь за предводителями дворянства председательство в уездных советах. Но даже в таком виде проект не был внесен в Думу...

Столыпинский проект местной реформы предусматривал и другой принципиальный шаг – создание всесословной волости, своего рода подобия «мелкой земской единицы». Предлагая заменить старую крестьянскую волость (она была низким звеном административно-полицейской системы) на волость всесословную, правительство полагало, что на нее можно будет переложить и часть дел, которыми занимается уездное земство. Представлялось полезным, чтобы во всесословной волости – среди выборных гласных и в волостном правлении – были представлены и работали вместе с крестьянами и помещиками, и местная интеллигенция. Но и этот проект вызвал сопротивление представителей дворянства, опасавшихся, что они окажутся в меньшинстве в волостном собрании, где будут преобладать крестьяне. Особенно их беспокоило, что на дворян-землевладельцев ляжет основное бремя местных налогов (расходуемых на содержание в волости школы, больницы, полиции, почты и т. д.).

Столыпину пришлось пойти на уступки, и в 3-ю Думу был внесен скорректированный проект Положения о волостном управлении. Он предусматривал достаточно высокий имущественный ценз для участия в выборах, отсекавший интеллигенцию (а в проекте, представленном во 2-ю Думу, говорилось лишь о местном сборе в размере 2 рублей). Коллегиальное правление всесословной волости теперь заменялось единоличным – должен был избираться старшина, а крупные собственники получали возможность отдельно от остальных избирателей проводить своих кандидатов в гласные. Правительство даже категорически отказывалось включить в название законопроекта слово «земство» (на этом настаивали депутаты 3-й Думы) – чтобы не вызывать либеральные ассоциации и не раздражать еще больше реакционные дворянские круги. Более того, под давлением правых Столыпин отказался поддерживать думский проект как слишком либеральный, хотя он и повторял преимущественно правительственный вариант 1907 года. В результате проект всесословной волости, одобренный Думой в мае 1911 года и дошедший до Государственного совета, в мае 1914 года был на корню отвергнут, без попыток постатейного обсуждения⁹⁴. Оказалось похоронено и готовившееся вместе с волост-

ным проектом Положение о поселковом управлении – оно касалось самой первой ступени организации власти, по сути самоуправления. Проект, частично выхолощенный Советом по делам местного хозяйства, с марта 1911 года «завис» в Думе, а в феврале 1913 года был вообще отозван главой Министерства внутренних дел Н. А. Маклаковым⁹⁵.

Соппротивление вызывал еще один важный элемент реформы – переход от сословных курий к имущественным при выборах в уездное земство. В проекте 1907 года это предложение диктовалось не в последнюю очередь нехваткой дворян, сохранивших избирательный ценз, – подобный «дефицит» ставил под сомнение вообще работоспособность земств. Требовалось расширить круг избирателей, и логичным решением показалось объединение в одной курии всех землевладельцев, независимо от происхождения. Расчет делался на приход в земство «крепких и сильных» крестьян-собственников, появляющихся по мере триумфального шествия земельной реформы. Соответствующим образом «настраивался» избирательный ценз – он понижался вдвое и составлял в центральных губерниях 5–6 десятин. Тем не менее дворянская «оппозиция» и здесь усмотрела угрозу потерять руководящую роль. Возможность избрания «достойного» дворянского представительства в уездное земство должна была быть застрахована сохранением сословных курий⁹⁶.

Остались не реализованы планы по модернизации системы губернского, а также уездного управления. Премьер преследовал, не в последнюю очередь, вполне прагматичную задачу – укрепить правительственную «вертикаль власти» при назначении губернаторов, подразумевая, что для этого нужно вывести процесс назначения губернаторов из сферы влияния придворной камарильи и различных «темных сил». Естественно, эти замыслы, как и попытки ослабить позиции уездных предводителей дворянства, встретили резкое противодействие правых. Оппоненты из Совета объединенного дворянства заявляли, что чиновники покушаются на прерогативы верховной власти – «начальники губерний» должны и впредь назначаться царем, а не превращаться в «представителей правительства».

Основная же цель губернской реформы (так и не достигнутая), как изначально объявлял Столыпин, – воплощение в жизнь «принципа возможного объединения всех гражданских властей, всех отдельных многочисленных ныне присутствий и, главным образом, осуществление начала административного суда». «Таким путем все жалобы на постановления административных и выборных должностных лиц и учреждений будут, согласно проекту, рассматриваться смешанной административно-судной коллегией с соблюдением форм состязательного процесса», – пояснял премьер, выступая перед 2-й Думой⁹⁷. Реорганизовав систему губернской администрации, Столыпин стремился усилить влияние правительственной власти в лице губернаторов, а также, что особенно важно, повысить ее эффективность и авторитет. Добиться этого можно только вместе с укреплением законности, а для этого следует ввести совершенно новый для России институт административной юстиции. Планировалось образование специальных коллегиальных учреждений – судебно-административных присутствий губернского совета, которые обеспечивали бы законность в действиях представителей власти. Разрешение в этих присутствиях конфликтов между частными лицами, администрациями, земствами должно было приближаться по форме к гласному и состязательному судебному разбирательству⁹⁸.

Преобразования судебной системы коснулись в основном лишь местного суда. Первоначально приоритетами реформы местного суда называлось упразднение крестьянского волостного суда, лишение земских начальников судебных функций и восстановление института мировых судей, избираемых земством. Ликвидация крестьянского волостного суда рассматривалась как важнейший шаг, позволяющий избавиться от сословных ограничений и распространить на крестьян действия писаного права. Переход от норм обычного права, которым руководствовались крестьянские волостные суды, к писаному праву был призван защитить

интересы собственников – в первую очередь крестьян, выделяющихся из общины, – в случае возникновения конфликтов с общинниками. Реформаторские планы Столыпина, представленные депутатам 2-й Думы, предполагали не только отмену волостных судов, но и полную ликвидацию института земских начальников. Особо подчеркивалась задача «создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению». Но при прохождении законопроекта под давлением правых в Государственном совете Столыпину и министру юстиции И. Г. Щегловитову пришлось пойти на компромисс. Ради спасения принципов выборности мировых судей и изъятия судебных функций у земских начальников был сохранен волостной суд. Впрочем, с оговоркой, что в нем не могут рассматриваться споры о выделяемых из общины землях. Закон о реформе местного суда был утвержден Николаем II 15 июня 1912 года, но начал вводиться в действие в 1914 году, и только в 10 губерниях⁹⁹.

Не удалось осуществить ряд других принципиальных преобразований, затрагивающих судебную сферу и необходимых «в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона». Между тем правительством была подготовлена серия либеральных законопроектов, укрепляющих основы правового государства, делающих судебную систему более гуманной и демократичной. Так, законопроект «О введении состязательного начала в обряде предания суду» был одобрен Думой в мае 1909 года, но встретил возражения со стороны Государственного совета, с которыми депутаты не согласились, и спустя два года проект оказался отклонен верхней палатой. Печальная участь постигла и другой декларируемый Столыпиным либеральный законопроект – «О введении защиты на предварительном следствии». Депутаты только начали рассматривать внесенный в 3-ю Думу проект, как он оказался отозван министром юстиции для доработки и впредь больше не вносился. Специальным законопроектом предполагалось ввести институт условного осуждения – он получил одобрение Думы, но был отвергнут Государственным советом в апреле 1910 года¹⁰⁰. Фактически из всего ряда судебно-правовых законопроектов удалось добиться принятия лишь закона «Об условном досрочном освобождении». Проект был утвержден в июне 1909 года, а уже в 1910 году его применили более чем к 12 тысячам осужденных.

Примечательно, что остались неосуществленными и знаковые, с точки зрения избавления от атрибутов «полицейского государства», меры, обещанные Столыпиным. Например, упразднение административной высылки, принятие нового полицейского устава и преобразование полиции «в смысле объединения полиции жандармской и общей, причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству политических дознаний, которые будут переданы власти следственной».

В то же время столкнулись с сопротивлением и до Февральской революции 1917 года так и не были приняты законопроекты, совершенствующие систему гражданской и уголовной ответственности должностных лиц. Среди них проекты «О судопроизводстве по преступным делам по службе», о возмещении чиновником ущерба, нанесенного противоправными действиями («Об изменении порядка производства дел о взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные распоряжениями должностных лиц»), Они встретили противодействие в Государственном совете, были возвращены в Думу для нового рассмотрения и оказались похоронены¹⁰¹.

Сокрушительным провалом завершились усилия Столыпина по обновлению на либеральных принципах законодательства, затрагивающего вопросы веры, существования различных конфессий и исповеданий, прав всех верующих, взаимоотношений между государством, церквями и сектами. Силу закона не обрел ни один из восьми вероисповедных проектов, внесенных правительством во 2-ю Думу, а затем продолживших мучительное прохождение через Думы следующих созывов и Государственный совет. В обществе это поражение воспринималось особенно болезненно, учитывая давно назревшую потребность преобразований в конфес-

сиональной сфере. Крайне негативный для власти эффект усиливался тем, что Столыпин в первоначальном пакете реформ придавал действительно большое значение вероисповедным вопросам, давая надежду на осуществление весьма либеральных преобразований. После издания проекта о старообрядческих и сектантских общинах (указом 17 октября 1906 года по статье 87) складывалось впечатление, что правительство готово к существенным нововведениям. Ожидалось, в частности, принятие законов, которые обеспечат права верующих, не принадлежащих к «господствующей первенствующей Православной Церкви», расширят гарантированные возможности для деятельности других церквей. В 1906–1907 годах правительство Столыпина, казалось, было недалеко даже от признания права российских подданных на бесконфессиональное состояние и гражданский брак, не говоря уже о снятии ограничений, устанавливаемых при заключении смешанных браков. И показательно, что при рассмотрении в 3-й Думе вероисповедных законов правительство могло рассчитывать на поддержку не только «официозного» центра во главе с октябристами, но и на их альянс с кадетами, обычно остающимися в оппозиции.

Один из ключевых законопроектов предусматривал свободный переход «из одного вероисповедания в другое», при этом подчеркивалось, что никто не может препятствовать желанию переменить веру, в том числе на нехристианскую. Другой принципиальный законопроект, тоже посягавший на монополию «господствующей» Православной Церкви, – «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» – был нацелен на защиту прав нехристиан. Впервые предлагалось юридически зафиксировать различные наказания за оскорбление религиозных чувств людей, относящихся к нехристианским вероисповеданиям, за препятствия («бесчинства») при отправлении религиозных служб. Предусматривалось при этом избавить губернаторов от такой сомнительной функции, как наблюдение, чтобы «никто не был совращаем из православия в другие исповедуемые в империи религии». Важнейшее значение имел «Проект правил о старообрядческих и сектантских общинах» (развивающий положения Указа от 17 октября 1906 года). Устанавливалось право создания общин, причем для этого не должно требоваться разрешения, право строить храмы и избирать из своей среды духовных лиц, которые, как и в православной церкви, назывались «священнослужителями», право свободного проповедования веры (а не только исповедания).

Впрочем, все без исключения вероисповедные законопроекты, внесенные в Думу, встречали ожесточенное сопротивление Синода, который обвинял их авторов – правительственных чиновников – в страшном грехе «полной веротерпимости». В Государственном совете одобренные Думой проекты существенно корректировались – исключительно в «охранительно-православном» ключе, возвращались в нижнюю палату или безнадежно застредали в «согласительных процедурах» между палатами. К примеру, иначе, как «изуродованным», либеральная общественность не называла проект о старообрядческих и сектантских общинах. Из законопроекта были вычеркнуты основные права, первоначально предусмотренные для старообрядцев, а «сектантскую» часть вообще вырезали и присоединили к другому, также не утвержденному закону. Столыпин в 1909 году начал капитуляцию и по этому направлению реформ. Законопроекты отзывались из Думы и заменялись документами в более консервативных редакциях; представители правительства при рассмотрении проектов в думских комиссиях открыто выступали против своих прежних предложений. А, например, проект «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» в октябре 1909 года был просто отозван – министром внутренних дел Столыпиным! В 1912 году преемник Столыпина на посту главы Министерства внутренних дел забрал из Думы последние вероисповедные проекты. Единственный добравшийся до утверждения Николая II законопроект, отменявший ограничения прав для лиц, выходивших из духовного звания или лишенных его, в 1912 году был лично отклонен царем¹⁰².

Система социального страхования рабочих, для создания которой Столыпин предпринимал значительные усилия начиная с 1906 года, с большим трудом, но была все-таки внедрена – уже после гибели премьер-министра (ключевые законы Николай II утвердил 23 июня 1912 года). Страховые проекты, готовившиеся Министерством промышленности и торговли, бурно и долго обсуждались на межведомственных совещаниях с участием промышленников (энергично пытавшихся затормозить появление подобного законодательства), существенно перерабатывались, в том числе с учетом позиции Министерства внутренних дел, неоднократно рассматривались Советом министров и только в июне 1908 года были представлены в Думу. Прохождение законопроектов через Думу, растянувшееся почти на четыре года, напоминало саботаж (даже председатель профильной комиссии по рабочему вопросу открыто объявлял себя противником страховых законопроектов!). Осенью 1911 года премьеру В. Н. Коковцову и министру труда С. И. Тимашеву пришлось отстаивать в Думе даже ключевой принцип правительственных проектов – что медицинская помощь предоставляется за счет владельцев предприятий.

В итоге был утвержден прогрессивный и новаторский для России базовый закон «Об обеспечении рабочих на случай болезни» – он автоматически включал в систему страхования рабочих на производственных предприятиях почти всех видов. Лечение рабочих полностью обеспечивалось за счет владельцев предприятий, а денежные пособия в связи с болезнью выдавались «больничными кассами» (они создавались на предприятиях как выборные органы рабочего самоуправления). Средства касс формировались за счет взносов рабочих и служащих предприятий (1–3 % от заработка) и доплаты владельца предприятия – она устанавливалась в размере 2/3 взносов участников касс. Другой важнейший закон, входивший в пакет по социальному страхованию (всего в нем было 10 проектов), – «О страховании рабочих от несчастных случаев». Страхование становилось обязательным, рабочим гарантировалось получение пособий, компенсирующих ущерб здоровью, причиненный на рабочем месте или вследствие работы, на время лечения, а при утрате трудоспособности – пенсии. Государство оставляло за собой руководство и контроль за системой страхования: создавались Совет по делам страхования при Министерстве торговли и промышленности и Присутствия по делам страхования в губерниях и крупных городах¹⁰³.

Власть осознавала острую потребность в социальной защите работающих в промышленности, несмотря на видимость «успокоения», и в конечном счете законодательно создала механизм страхования рабочих. В то же время положения о «нормальном отдыхе» служащих в ремесленных и торговых заведениях, складах, конторах, утвержденные по статье 87 (указом от 15 ноября 1906 года), не получили дальнейшего развития. Аналогичные законопроекты, подготовленные правительством, были отправлены Государственным советом на доработку и оказались похоронены...

«Стабильность» или реакционный триумф?

Отход от первоначального курса реформ, сдача принципиальных позиций при решении актуальных проблем российской действительности происходили на фоне иллюзий о торжестве прочного «успокоения» в стране. Столыпин, растратив доверие лояльных к нему умеренных либералов-«октябристов», так и не приобретя реальной общественной поддержки, оказался «чужим» для откровенных противников преобразований – правых в Государственном совете, «объединенного дворянства», придворных кругов, различных «сфер» и «закулисных влияний». Особенно драматичным было положение премьера в последний год жизни – это была почти полная политическая изоляция и общественное отторжение.

«Смута затихала, а с успокоением ослабевало и то напряжение общественного чувства, которое давало опору Столыпину, – констатировал С. Е. Крыжановский. – Политика его создала немало врагов, а попытка затронуть особое положение дворянства в местном управлении, которую он, правда, не решался довести до конца, подняла против него и такие слои, которые имели большое влияние у престола; приближенные государя открыто его осуждали». При этом «повышенная настойчивость», которую Столыпин привык проявлять в отношениях с верховной властью, попытки оказывать давление на Николая II (это особенно проявится во время «конституционного кризиса» в марте 1911 года), не могли «не оставить осадка горечи и обиды в душе государя»¹⁰⁴.

Ухудшение личных отношений с Николаем II – важнейший фактор: падало влияние Столыпина и, соответственно, ослабевала политическая поддержка для продвижения реформ. Первоначальное «увлечение» царя Столыпиным в 1906–1907 годах постепенно проходило. Охлаждению способствовала раздражающая самостоятельность премьера, не готового быть лишь послушным исполнителем «монаршей воли». Публичная известность Столыпина, беспрецедентная для царских сановников, вызывала все более ревнивое отношение Николая II и императрицы. Бумерангом ударяли по премьеру и отдельные выступления депутатов в 3-й Думе, вызывавшие большой общественный резонанс, – ведь в глазах царя он был своего рода «гарантом» лояльности «третьеиюньской» версии народного представительства. Правоконсервативные и просто реакционные силы, улавливая изменения в настроениях царя и его ближайшего окружения, смелее устраивали против Столыпина и закулисные интриги, и открытые выступления (в Государственном совете, на съездах Совета объединенного дворянства и т. д.). Дополнительно раздувая мелкие конфликтные ситуации, выискивая «крамолу» в реформаторских законопроектах, они усиливали недоверие к премьеру в Царском Селе.

Среди «минусов», накапливавшихся у Николая II в отношении Столыпина, был, например, отказ Думы весной 1908 года выделить средства на строительство четырех современных линейных кораблей – дредноутов. Депутаты, включая правых, посчитали это невозможным до тех пор, пока не будет кардинально реформировано морское министерство, получившее меткое наименование «Цусимское ведомство». Возмущение царя еще более усилила сенсационная речь А. И. Гучкова при обсуждении сметы Военного министерства. Лидер проправительственного большинства потребовал удалить от участия в делах вооруженных сил «безответственных лиц» – всех великих князей! Годом позже лидеры правых в Государственном совете спровоцировали «министерский кризис» в связи с утверждением Думой (а затем под нажимом правительства и верхней палатой) законопроекта о штатах морского Генерального штаба. В интриге против Столыпина оппоненты представили это решение как посягательство на prerogatives верховной власти. И Николай II, солидаризировавшись с правыми, неожиданно для правительства отказался утверждать законопроект (хотя ранее не возражал против него). В ответ на реакцию Столыпина, уязвленного переменчивостью царских решений, Николай II в категоричном стиле «указал место» премьеру: «О доверии или о недоверии речи быть не может. Такова моя

воля. Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии (сенат), и поэтому я не допускаю и мысли о чьей-либо отставке... Предупреждаю, что я категорически отвергаю вперед вашу или кого-либо другого просьбу об увольнении от должности»¹⁰⁵. Крайняя «нерасположенность» премьера к Г. Е. Распутину (вплоть до указания о его выдворении из Петербурга!) тоже «омрачала» взаимоотношения с царем и особенно с императрицей Александрой Федоровной.

В свою очередь, Николай II, проявляя «властность», задевал самолюбие Столыпина по различным поводам. Например, в конце 1908 года сообщил о нежелании впредь принимать премьер-министра вечером по субботам и воскресеньям («мне вообще неудобно»). В начале 1911 года, не отказывая себе в удовольствии доставить неприятности Столыпину, царь с упреком указывал премьеру на статью его брата, А. А. Столыпина, в «Новом времени» (будто бы преувеличивающую заслуги Думы). Зная отрицательное в целом отношение Столыпина к Союзу русского народа, велел подсчитывать и составлять «ведомость» получаемых от «союзников» «верноподданных» телеграмм. Решил отправить в отставку обер-прокурора Синода С. М. Лукьянова (считавшегося относительным «либералом» на фоне своих преемников), вопреки мнению Столыпина. Премьер предупреждал, что это может быть воспринято как следствие конфликта с одиозным иеромонахом Илиодором, которого поддерживает Распутин...¹⁰⁶

Кризис влияния Столыпина усугубил острейший политический конфликт в марте 1911 года – в связи с принятием законопроекта о западном земстве. Проект введения земства в шести западных губерниях (это предполагалось в заявленной еще в 1906 году программе) носил довольно прогрессивный характер. Законопроект, одобренный Думой, казалось, не должен был вызвать возражений и у царя. Но когда и этот проект вдруг встретил противодействие у правоконсервативного большинства Государственного совета (был отвергнут принципиальный для Столыпина пункт), премьер усмотрел в этом спланированную интригу против себя лично. Особенно возмутило его то, что, как выяснилось, интрига была санкционирована Николаем II. Один из лидеров правых, В. Ф. Трепов, на аудиенции у царя, сообщив о сомнениях в отношении проекта, получил разрешение голосовать «по совести». Это было воспринято как согласие на отклонение проекта, которому премьер придавал важнейшее значение. Столыпин подал в отставку, и в течение нескольких дней считалось, что его уход – дело решенное и новым премьер-министром станет В. Н. Коковцов. Однако царь не принял отставку. Помимо нежелания создавать «парламентский» прецедент, помогло и вмешательство матери государя, императрицы Марии Федоровны, и великих князей Александра Михайловича и Николая Михайловича. Столыпин, соглашаясь взять назад отставку, добился от Николая II выполнения беспрецедентных, ультимативных требований. Законопроект о западном земстве проводится по статье 87 (для этого искусственно распускается Дума и Государственный совет на три дня, с 12 марта). Чтобы изменить «расклад» в верхней палате, по выбору Столыпина будет назначено 30 новых членов Государственного совета (с 1 января 1912 года). Кроме того, Петр Аркадьевич настоял на увольнении в отпуск до конца года лидеров правых в Государственном совете – В. Ф. Трепова и П. Н. Дурново. Все эти договоренности по просьбе Столыпина были собственноручно записаны царем («синим карандашом на большом листке блокнота»), и затем премьер демонстрировал столь уникальный документ депутатам Думы¹⁰⁷. Очевидно, что подобная «расписка» на фоне и так серьезного давления на царя могла лишь усилить у Николая II чувство унижения, окончательно предрешая скорое расставание со Столыпиным.

Последняя публичная речь Столыпина, произнесенная 27 апреля 1911 года в Думе, оказалась весьма знаковой, затрагивая более глубокие и системные политические вопросы, чем на первый взгляд могло показаться. Формально это был ответ на запрос о «незаконном применении» статьи 87. Депутаты в этом шаге усматривали демонстративное пренебрежение

законодательными правами Думы и создание опасного «антиконституционного» прецедента (даже верный политический союзник – А. И. Гучков – в знак протеста ушел в отставку с поста спикера Думы). Премьер, «разрубив» проблемную ситуацию, понимал причины беспокойства и возмущения депутатов. Тем не менее он решительно обосновывал право на такие действия именно «чрезвычайными обстоятельствами». Столыпин настаивал, что «чрезвычайность» может выражаться не только в срочности, но и в политической принципиальности вопроса, требующего решения. Недвусмысленно полемизируя с оппонентами на правом фланге, он заявлял, что правительство является «политическим фактом», а не просто «высшим административным местом». Поэтому правительство «имеет право и обязано вести определенную яркую политику» и в исключительных ситуациях «должно вступать в борьбу за свои политические идеалы», а не только «корректно и машинально вертеть правительственное колесо, изготавливая проекты, которые никогда не должны увидеть света». При этом Столыпин прямо обвинил Государственный совет, проваливающий законопроекты правительства как «слишком радикальные», в противодействии реформам: «А в конце концов в результате – царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах»¹⁰⁸.

Принципиальное значение имело признание Столыпиным провала политики реформ – как осуществления системной программы преобразований. Характерен и «программный» взгляд на роль правительства, которое должно обладать определенной политической самостоятельностью и проводить осмысленную и единую политику. Столыпин констатировал, по сути, что Совет министров не обладает должным статусом и влиянием в реалиях сложившегося режима «третьеиюньской монархии». Выступление премьера, мало напоминавшее былые эффектные речи, производило впечатление своей искренностью с нотами отчаяния. И несомненно, высказывания Столыпина отражали и психологически тяжелое состояние, в котором он пребывал в это время.

По свидетельствам политиков и чиновников, соприкасавшихся со Столыпиным в последний год, он находился в очень подавленном настроении, предчувствуя закат государственной карьеры и даже физическую обреченность. Премьер ощущал политическую изоляцию и в широких общественных кругах, и, что было особенно драматично для Столыпина-реформатора, в ближайшем окружении Николая II. По словам октябриста С. И. Шидловского, после мартовского кризиса 1911 года наблюдалось его «отчуждение от всех трех источников государственной власти в стране»: «Ни с государем, ни с Государственным советом, ни с Государственной думой он по-прежнему работать уже не мог, и весь этот эпизод надлежит считать концом его государственной деятельности. Он продолжал оставаться главой правительства, исполнять свои обязанности, но политически он являлся уже поконченным человеком, долженствующим в ближайшем будущем сойти со сцены. И с этой точки зрения особенно бессмысленным является убийство Столыпина... собственноручно совершившего над собой политическую казнь»¹⁰⁹. А. И. Гучков, незадолго до гибели встречавшийся со Столыпиным, был поражен его психологическим состоянием. «Я нашел его очень сумрачным, – вспоминал Гучков. – У меня получилось впечатление, что он все более и более убеждается в своем бессилии. Какие-то другие силы берут верх. С горечью говорил он о том, как в эпизоде борьбы Илиодора с саратовским губернатором Илиодор одержал верх и как престиж власти в губернии потерпел урон. Такие ноты были очень большой редкостью в беседах П<етра> А<ркадьевича>. Чувствовалась такая безнадежность в его тоне, что, видимо, он уже решил, что уйдет от власти»¹¹⁰.

Столыпин, похоже, чувствовал, что мартовская победа оказывается «пирровой», а его присутствие на вершине власти все более «обременительно» для царя и камарильи. Эти мысли могло усиливать и согласие на беспрецедентно длительный отпуск, полученное от Николая II. Предполагалось, что Петр Аркадьевич проведет почти все лето на отдыхе в Колноберже, а дела по Совету министров передаст В. Н. Коковцову. Сообщив об этом в конце мая Коковцову,

Столыпин просил заранее не рассказывать об этих планах министрам, чтобы не давать дополнительно поводов для слухов. Хотя в печати и так постоянно обсуждалась его скорая отставка. Премьер подвергался практически открытой травле.

Судя по записи разговора с царем 5 марта (тогда речь шла об отставке премьера), Петр Аркадьевич хорошо представлял, чем он теперь не устраивает Николая II и крайне правых деятелей («реакционеры, темные, льстивые и лживые»). Говоря о несогласии с установкой оппонентов: мол, «не надо законодательствовать, а надо только управлять», – Столыпин утверждал, что «они ведут к гибели». Кроме того, премьер отмечал: «...я почувствовал, что государь верит тому, что я его заслоняю, как бы становлюсь между ним и страной. Убедившись в этом, я решительно [заявил] об уходе, т. к. понял, что нет больше, нет опоры»¹¹¹. И премьер не ошибся в своем наблюдении. Сразу после кончины Столыпина, перед отъездом из Киева, Николай II, предложив Коковцову должность главы правительства, высказал и очень характерное пожелание: «У меня к вам еще одна просьба: пожалуйста, не следуйте примеру Петра Аркадьевича, который как-то старался все меня заслонять, все он и он, а меня из-за него не видно было». Впечатляющим и не лишеным зловещего подтекста было месяц спустя и напутствие императрицы Александры Федоровны. Коковцову она прямо посоветовала не придавать чрезмерного значения деятельности и личности Столыпина: «Верьте мне, не надо так жалеть тех, кого не стало... Я уверена, что каждый исполняет свою роль и свое значение, и если кого нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль и должен был ступешеваться, так как ему нечего было больше исполнять... Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить вам место, и что это – для блага России»¹¹².

Показательно, что в общественном мнении после гибели Столыпина сложилось устойчивое представление: правда об этом политическом убийстве, в котором столь роковую роль сыграла политическая полиция, так и осталась нераскрытой. Создавалось ощущение, что власти пытались спрятать концы в воду. Спешно, за закрытыми дверями, убийце – Дмитрию Богрову – вынесли смертный приговор, и он был тотчас повешен. Общественность с недоверием отнеслась к предлагавшейся полицейскими чинами версии. Удивляло, что революционер-анархист Богров, сотрудничавший с «охранкой», пообещав выдать двух мифических террористов, якобы готовивших покушение на Столыпина, смог обвести вокруг пальца маститых деятелей сыска, которые допустили его в театр, где находились государь и премьер, выдав и пригласительный билет, и браунинг. Вызывало сомнение, что столь наивными ротозеями могли оказаться командир Отдельного корпуса жандармов и товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант П. Г. Курлов, начальник дворцовой охраны полковник А. И. Спиридович, и. о. вице-директора департамента полиции М. Н. Веригин и начальник Киевского охранного отделения подполковник Н. Н. Кулябко.

Всех четырех полицейских деятелей предполагалось предать суду по обвинению в «преступном бездействии власти» – на основании результатов сенаторского следствия, проведенного экс-директором Департамента полиции М. И. Трусевичем. Согласно установленному порядку 1-й департамент Государственного совета испрашивал Высочайшее разрешение на привлечение к суду «охранных» руководителей. Николай II медлил с его утверждением и наконец в октябре 1912 года распорядился закрыть дело. Подобное решение «ознаменовать исцеление сына каким-нибудь добрым делом» произвело тяжелое впечатление на Коковцова, убеждавшего царя не отказываться от возможности «пролить полный свет на это темное дело». Учитывая все «странности» в поведении чинов «охраны» и последующую судьбу расследования, нельзя исключить версии, что был использован подходящий случай устранить премьера руками Богрова. Возможно, мотивы этого сводились к опасениям за дальнейшую карьеру в случае проверок «охранной» деятельности (ходили слухи, что Столыпин имел такое намерение). Но, может быть, «банда четырех» действовала исходя из неких соображений «большой

политики», улавливая желание придворной камарильи избавиться от Столыпина и понимая, что его жизнь ценится уже совсем не высоко¹¹³. Так и оказалось...

Расплата за миф

Канонические образы Столыпина не обходятся без напоминания об одном из его «культовых» высказываний: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» Сказано это было осенью 1909 года, в знаменитом интервью саратовской газете «Волга». Масштаб временного отсчета для Столыпин тогда был, наверное, не случаен. Наверное, он и на самом деле верил, что в стране наступило «успокоение», и, увлеченный аграрной реформой, которую воспринимал как краеугольный камень всей российской модернизации, был готов смириться с пробуксовыванием других – «политических» – реформ. Возможно, уже вполне осознавая, насколько серьезно сопротивление, стараясь не раздражать лишней раз реакционные круги, Столыпин превозносил аграрную реформу и представлял максимум ее последствий. Поэтому особенно подчеркивал, что главная задача этой реформы, затрагивающей «100 миллионов», – «укрепить низы», чтобы были «здоровые и крепкие корни у государства». Отвечая, по сути, на обвинения в задержке либеральных, общественно-политических реформ, премьер указывал, что в дальнейшем именно аграрная реформа будет иметь решающее влияние. «Я полагаю, что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена – гражданственность сама воцарится на Руси, – подчеркивал Столыпин. – Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот».

Спустя полтора года, в марте 1911 года, совсем в другом политико-психологическом контексте, объявив о намерении уйти в отставку, Столыпин оперировал уже более скромными временными ориентирами. «Я сказал государю, что за пять лет изучил революцию и знаю, что она теперь разбита, и моим жиром можно будет еще лет пять продержаться... А что будет дальше, зависит от этих пяти лет», – записал Петр Аркадьевич в «конспекте» своего решающего разговора с царем¹¹⁴. И, в общем, способность к историческому предвидению, подкрепленная компетентным знанием положения дел в стране и расклада сил в правящих верхах, не подвела премьера.

Последующие несколько лет – последние мирные годы Российской империи – были бездарно растрачены, с точки зрения как укрепления престижа и влияния власти, так и решения накапливающихся в обществе проблем. Непоследовательность в проведении преобразований, наблюдавшаяся при жизни Столыпина, теперь усугублялась стремлением отказаться вообще от реформ (за исключением аграрной). А в отношении власти к принципам правового государства и зарождавшимся основам гражданского общества наблюдалось движение в противоположную сторону. На фоне обманчивой иллюзии «стабильности» и усиленно реанимируемого культа «самодержавности» (апогей официозной истерии пришелся на празднование 300-летия дома Романовых в 1913 году) в ближайшем окружении Николая II всерьез обсуждались идеи лишения Думы законодательных полномочий, пересмотра основных законов и вообще отмены конституционного по своему характеру Манифеста 17 октября.

«Третьеиюньская монархия» – весьма самобытная форма государственного устройства, которая так и не позволила России превратиться в полноценную конституционную монархию западноевропейского образца. Сконструированная политическая система, идеологом которой по праву может считаться Столыпин, создавала для власти ощущение относительного комфорта, стабильности. Возникало искушение подменить решение острейших проблем существованием в оболочке успокаивающих мифов. Создание «третьеиюньской системы» Столыпин рассматривал поначалу как инструмент проведения своей реформаторской программы, позволяющий получить Думу, способную проводить правительственные законопроекты. Однако политическая система, у истоков которой лежал антиконституционный «третьеиюньский переворот» (пусть и оправдываемый, помимо прочего, желанием создать условия

для реформ), вскоре стала жить самостоятельно, оказывая разлагающее влияние на правящую элиту.

«Самоуспокоение» власти укреплялось под впечатлением предсказуемой, казалось бы, политической жизни. Дума – лояльная, пусть и не отражающая реальные настроения в стране. Государственный совет – с почтенным составом заседающих, наполовину назначаемых царем, – является оплотом консерватизма и надежным «фильтром» для любых либеральных реформ. И это влекло за собой опасные последствия. В жертву приносились дальнейшие преобразования, призванные укреплять гражданские свободы, развивать институты правового государства, создавать условия для цивилизованной политической деятельности, обеспечивать эффективную работу судебно-правовой системы, контроль и ответственность чиновников, поддерживать частую предпринимательскую активность, своевременно разрешать социальные противоречия и т. д.

И в конечном счете «третьеиюньская система» проявила свою неэффективность. Реальные проблемы – социальные, политические, экономические – загонялись вглубь. Власть ожидала появления массового слоя мелких земельных собственников. А тем временем не находили адекватного выражения интересы других социальных слоев (частного бизнеса, интеллигенции, городского среднего класса), которые в России начала XX столетия становились все более многочисленными, и главное – осознавали свои интересы и цели. Нуждаясь в самореализации, в укреплении прав и возможностей для нормальной деятельности, включая доступ к институтам власти и в среду правящей элиты, они понимали, что искусственно сдерживаются государством в своем развитии и возможностях. Было очевидно, что властная верхушка, мечтающая о восстановлении «самодержавия как встарь», стремится сохранить как можно дольше архаическую социальную структуру, сословные барьеры, ограничения гражданских и политических прав. В результате все существующие противоречия при отсутствии не только реформ, но уже и надежд на них, лишь увеличивали пропасть между властью и обществом. Более того, эти процессы протекали динамичнее, чем шло формирование «крепких и сильных» – прообраза среднего класса в деревне, будущей стабильной опоры государства.

Роковые события 1914 года втянули Россию в мировую войну и, как следствие, подтолкнули к новой революции и краху государственности. Внезапные «великие потрясения» оказались непосильным испытанием для страны с огромным «историческим наследием» проблем, которые власть так и не смогла вовремя разрешить с помощью запаздывающих и половинчатых уступок. И, к сожалению, власть упустила и последний шанс переломить эту тенденцию – не сумев полноценно и последовательно осуществить программу столыпинских реформ.

* * *

В предлагаемую книгу включены воспоминания современников о П. А. Столыпине. Очевидно, что формирование сборника мемуарных свидетельств о столь масштабной фигуре государственного деятеля, какой, несомненно, являлся П. А. Столыпин, не может быть свободно от влияния субъективных представлений и предпочтений составителя. Характер подобных изданий, посвященных видным историческим деятелям, определяется, конечно, и общим редакционным замыслом, задачами, которые преследует издательство. Например, Фонд изучения наследия П. А. Столыпина, выпуская книгу «П. А. Столыпин глазами современников» (М.: РОССПЭН, 2008), ставил целью прежде всего введение в научный оборот ранее не публиковавшихся воспоминаний, которые могут способствовать «качественному приращению» имеющихся у историков знаний. Издатели и составители другого фундаментального сборника – «П. А. Столыпин: pro et contra. Антология» (СПб.: РХГА; ЦСО, 2014) – представили не только мемуары, но и публицистические сочинения, отражающие весь политический спектр оценок

личности и деятельности П. А. Столыпина современниками, от социал-демократов до крайне правых монархистов.

Мы стремились, чтобы настоящее издание было интересно достаточно широкому кругу читателей. Поэтому при работе над составом книги предпочтение отдавалось в первую очередь воспоминаниям современников, которые непосредственно соприкасались с П. А. Столыпиным и при этом играли, как правило, значительную роль в описываемых событиях. Это государственные деятели, работавшие вместе с П. А. Столыпиным в структурах исполнительной власти, видные представители общественности и политической элиты, в том числе депутаты Государственной думы. Мы включили в сборник и фрагменты ценных воспоминаний, оставленных старшей дочерью премьер-министра. Важно, что мемуарные свидетельства, нашедшие отражение в книге, отличаются в целом высокой достоверностью и написаны современниками, которые действительно были активными участниками государственной и общественно-политической жизни России начала XX столетия. Образ П. А. Столыпина как реформатора и выдающегося государственного деятеля занимает центральное место в предлагаемой книге. В то же время воспоминания позволяют составить живое представление о яркой и многогранной личности П. А. Столыпина, особенностях его менталитета и стиля поведения.

Публикуемые фрагменты воспоминаний (многие из них являются библиографической редкостью или известны в основном только специалистам-историкам) сопровождаются довольно обстоятельными предисловиями, характеризующими авторов и исторический контекст их деятельности и взаимоотношений с П. А. Столыпиным. Комментарии к текстам содержат необходимые уточнения и дополнительные сведения о событиях и информацию об упоминаемых деятелях. Тексты воспроизводятся в соответствии с современной орфографией и пунктуацией; отточием отмечены пропуски в текстах.

Хотелось бы воспользоваться приятной возможностью и выразить искреннюю признательность за всестороннюю поддержку и помощь наиболее близким мне людям – Раисе Элизаровне Архиповой, моей маме, и супруге Елене Викторовне Царевой. Автор благодарен за неизменную профессиональную поддержку Б. Д. Гальпериной, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику РГИА, являвшейся моим научным руководителем. И конечно, я особенно признателен Я. А. Гордину, историку и писателю, соредктору журнала «Звезда», за многолетнее плодотворное сотрудничество и неизменно доброжелательное отношение, и в том числе за предложение включиться в интереснейшую работу по подготовке этой книги о П. А. Столыпине.

Примечания

1. *Столыпин П. А.* Переписка. М., 2004. С. 600, 605–606.
2. *Струве П. Б.* Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 170, 172.
3. Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 252.
4. Подробнее см.: *Степанов С. А.* Столыпин: Жизнь и смерть за Россию. М., 2009. С. 16–22; *Зырянов П. Н.* Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992. С. 5–9; *Кабытов П. С.* П. А. Столыпин: Последний реформатор Российской империи. М., 2007. С. 36–40;
5. *Кабытов П. С.* Указ. соч. С. 47–48.
6. *Бок М. П.* П. А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. 1884–1911. М., 2007. С. 16–17.
7. *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 12–14.
8. Там же. С. 14–16.
9. *Бок М. П.* Указ. соч. С. 83.
10. *Кабытов П. С.* Указ. соч. 110–111.
11. *Бок М. П.* Указ. соч. С. 93–94.
12. См. подробнее «календарь» губернаторских разъездов за некоторые периоды 1904–1905 гг., реконструированный по материалам Государственного архива Саратовской области и переписке Столыпина с женой: *Кабытов П. С.* Указ. соч. С. 114–115.
13. *Бок М. П.* Указ. соч. С. 111–13.
14. *Столыпин П. А.* Переписка. С. 597.
15. Красный архив. 1926. Т. 17. С. 86.
16. *Столыпин П. А.* Переписка. С. 581.
17. Цит. по: *Кабытов П. С.* Указ. соч. С. 128–129.
18. *Столыпин П. А.* Переписка. С. 538.
19. Красный архив. 1927. Т. 22. С. 204.
20. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг.: В 2 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 152.
21. *Гессен И. В.* В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 227.
22. *Милюков П. Н.* Год борьбы: Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907. С. 308–309.
23. *Оболенский В. А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 340.
24. *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Берлин, [1938]. С. 214.
25. *Маклаков В. А.* Вторая Государственная дума: (Воспоминания современника). London, 1991. С. 13–14.
26. *Коковцов В. Н.* Нам нужна Велика Россия!.. С. 163.
27. *Набоков В. Д.* Речи. СПб., 1907. С. 8.
28. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия! Полное собрание речей П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 2011. С. 36–37.
29. Там же. С. 40–42.
30. Государственная дума: I созыв: стенографический отчет. СПб., 1906. Т. 2. С. 1130–1132.
31. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия!.. С. 42.
32. Биржевые ведомости. 1906. 9 июня.
33. Петербургский листок. 1906. 10 июня.
34. *Маклаков В. А.* Первая Государственная дума: Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 216–220.
35. *Коковцов В. Н.* Указ. соч. С. 179.

36. *Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989. С. 115–125.
37. *Миллюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991 С. 254.
38. *Маклаков В. А.* Первая Государственная дума. С. 258.
39. *Шишов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 446.
40. Там же. С. 452–457.
41. *Коковцов В. Н.* Указ. соч. С. 181–182, 184–186.
42. *Винавер М. М.* История Выборгского воззвания: (Воспоминания). Пг., 1917. С. 5–6, 8–9, 47.
43. *Оболенский В. А.* Указ. соч. С.398.
44. XX век. 1906. 15 июля.
45. *Шишов Д. Н.* Указ. соч. С. 461, 467–470.
46. Красный архив. 1924. Т. 5. С. 103.
47. Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 46–48.
48. Там же. С. 48–49.
49. Красный архив. 1924. Т. 5. С. 102.
50. Красный архив. 1927. Т. 22. С. 193.
51. XX век. 1906. 19 июля.
52. Там же. 1906. 26 июля.
53. Там же. 1906. 29 июля.
54. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 582.
55. *Маклаков В. А.* Вторая Государственная дума. С. 28.
56. *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 562–563.
57. Цит. по: *Дякин В. С.* Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. № 12. С. 114.
58. *Столыпин П. А.* Программа реформ. М., 2003. Т. 1. С. 380–385.
59. Там же. С. 374–376.
60. Там же. С. 376–377.
61. Там же. С. 378–379, 385–389.
62. Там же. С. 102–106.
63. Там же. С. 107–123, 137–139.
64. *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 215–216.
65. *Столыпин П. А.* Программа реформ. С. 134–137.
66. Красный архив. 1924. Т. 5. С. 105–107.
67. *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 41.
68. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия!.. С. 52–66.
69. Там же. С. 67–69.
70. *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. London, 1990. С. 346.
71. *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 209–211.
72. *Толстой И. И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 87–88.
73. Красный архив. 1924. Т. 5. С. 108–111.
74. Впрочем, «террористическое» судопроизводство, неизменно вызывавшее возмущение общественности, продолжалось в рамках военно-окружных судов. По подсчетам историков, в 1906–1909 гг. численность приговоренных к казни достигла 2694 человек, в то же время от рук революционеров, по официальным данным, погибло 5946 должностных лиц. (См.: *Степанов С. А.* Столыпин... С. 48).
75. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия!.. С. 104.
76. *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. с. 114–117.
77. *Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991. С. 27–28; *Власть и реформы.* М., 2006. С. 502–503.

78. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия!.. С. 106–107.
79. Там же. С. 111.
80. *Маклаков В. А.* Вторая Государственная дума. С. 33.
81. *Изгоев А. С.* Русское общество и революция. М., 1910. С. 96–97, 100.
82. *Толстой И. И.* Указ. соч. С. 202.
83. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия!.. С. 108.
84. Там же. С. 114–115.
85. *Столыпин П. А.* Программа реформ. С. 446–476.
86. *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 57–58.
87. Власть и реформы. С. 539–541; *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 62–63; *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 88–89.
88. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия!.. С. 196–197.
89. *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 56–57; Власть и реформы. С. 540
90. *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 55–56.
91. Волга. 1909. 1 октября.
92. *Ольденбург С. С.* Царствование Николая II. М., 2003. С. 460–461.
93. *Изгоев А. С.* Указ. соч. с. 99.
94. Власть и реформы. С. 544–547; *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 100–102; *Пожигаило П. А.* Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М., 2007. С. 136–141, 145–147.
95. *Пожигаило П. А.* Указ. соч. С. 131–136.
96. Власть и реформы. С. 545.
97. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия!.. С. 58–59.
98. *Кабытов П. Н.* Указ. соч. С. 167–168; Власть и реформы. С. 547–551.
99. Власть и реформы. С. 552–553.
100. *Пожигаило П. А.* Указ. соч. С. 106–109.
101. Там же. С. 112–114.
102. Там же. С. 45–51; Власть и реформы. С. 553–554.
103. *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 100–129; *Пожигаило П. А.* Указ. соч. С. 56–67.
104. *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 213.
105. Красный архив. 1924. Т. 5. С. 120.
106. Там же. С. 119, 122–123; Красный архив. 1928. Т. 30. С. 85.
107. *Шидловский С. И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. I. С. 194–195.
108. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия!.. С. 396–399.
109. *Шидловский С. И.* Указ. соч. С. 196.
110. Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 110.
111. Цит. по: *Кабытов П. С.* Указ. соч. С. 153.
112. *Шидловский С. И.* Указ. соч. С. 198; *Коковцов В. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 8.
113. Эту версию, разделяемую, в принципе, многими историками, аргументированно развивал А. Я. Аврех. См.: *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 212–233.
114. Цит. по: *Кабытов П. С.* Указ. соч. С. 154.

П. А. Столыпин

Меня вынесла наверх волна событий – вероятно, на один миг!

Я хочу все же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей родины, которую люблю, как любили ее в старину, как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром?

Из письма П. А. Столыпина Л. Н. Толстому

23 октября 1907 г.

**М. П. фон Бок (Столыпина)
Петр Аркадьевич Столыпин.
Воспоминания о моем отце. 1884–1911
Фрагменты**

Часть первая

Глава 4

Кроме текущей предводительской работы, у папá было все время стремление создавать что-нибудь новое. За его службу в Ковне, сначала в должности уездного, а затем губернского предводителя дворянства¹, многое им было проведено в жизнь и многое начато. Любимым его детищем было Сельскохозяйственное общество, на устройство которого он положил много времени и сил и работа которого вполне оправдала его надежды. Был при нем склад сельскохозяйственных орудий, устройство которого особенно увлекало папа.

Молодой, энергичный и деятельный мой отец рьяно принялся за работу с первого же дня своей службы и до последнего дня с тем же интересом предавался ей, кладя все свои силы на то, чтобы в своей сфере создать все от него зависящее для процветания края. Кроме Сельскохозяйственного общества и склада, по его почину был построен в Ковне Народный дом, и много времени он проводил там, следя за устройством ночлежного отделения, чайной, за правильной постановкой чтения для рабочих и народа вообще, за устройством представлений и народных балов. Мои родители всегда ездили на эти представления, и помню, с каким энтузиазмом они рассказывали о первом представлении кинематографа, об этих «удивительных движущихся картинах». И моя гувернантка, и я слушали, не веря ушам, как в этом новом «волшебном фонаре» ясно видно, как дети дерутся подушками, видны их движения, виден летающий по воздуху пух, вырывающийся из лопнувшей подушки.

Но вообще вечера, когда родители уезжали из дому, были редки. Кроме посещения нескольких представлений за зиму в Народном доме, они изредка бывали в городском театре, но почти исключительно на гастролях проезжавших через Ковну знаменитостей. Ковна лежала по дороге из Петербурга в Берлин, и случалось, что ездившие в турне артисты оставались на один-два дня у нас, и тогда, конечно, маленький ковенский театр бывал битком набит публикой.

Еще реже случалось, чтобы папа и мама проводили вечера в гостях, у нас же близкие знакомые и друзья бывали часто. Приходили они поздно; сразу же после обеда мой отец всегда уделял часок нам, детям. Сначала я одна слушала сказки, о которых я уже упоминала, а потом и сестры, понемногу подраставшие, уютно усаживались вокруг папа на оттоманке в кабинете. После сказок, игр и разговоров их посылали спать, а папа садился за письменный стол: что-то писал, что-то подписывал. Приходил секретарь с бумагами и долго, стоя рядом со столом, о чем-то мне непонятном докладывал и клал перед папа бумаги для подписи. Годами помню я ту же картину по вечерам: мой отец за письменным столом, моя мать на диване с работой. Иногда кто-нибудь из друзей рядом с ней. Ведется общий разговор, в который изредка вставляет свое слово папа, повернувшись на своем стуле с круглой спинкой. Потом, когда Казимир приносит вечерний чай, папа пересаживается к остальным, и если есть гости, то разговаривают до десяти-одиннадцати. Если же мои родители одни, то читают вслух друг другу, а ровно в

одиннадцать идут спать. Так были прочтены почти все исторические романы Валишевского, так читалось «Воскресение» Толстого, когда оно печаталось в «Ниве», и многое другое из русской, французской и английской литературы.

Эти уютные вечера я помню с самого детства моего до 1902 года, когда папа был назначен гродненским губернатором и когда уклад всей нашей жизни резко изменился.

Из маленького домика на Лесной улице в 1892 году мы переехали в большой дом на соборной площади, в котором занимали сначала одну часть второго этажа, а потом, по мере рождения детей, прибавлялось по комнате, и нами постепенно был занят весь этаж.

Сразу же после обеда, до того, чтобы перейти уже на весь вечер в кабинет, мама садилась к своему письменному столу в гостиной, являлся повар и приносил счета и меню на следующий день. Счета эти составляли мучения моей матери, всегда до шепетильности аккуратной, но очень плохой математички: как-то выходило, что вечно копейки сходились верно, а рубли нет, и то и дело призывался на помощь папа, который с улыбкой садился за приходо-расходную книгу, проверял итог и, поправив все дело, уходил снова к себе.

Двери были все открыты, кроме редких случаев, если был кто-нибудь вечером у папа по делам, и я, сидя за приготовлением уроков в столовой, с интересом слушала, что-то будет завтра к завтраку и обеду, и от души смеялась, когда папа вмешивался в этот хозяйственный разговор. Стоит, например, старый повар Станислав, а мама говорит ему:

– Что ты все котлеты даешь, дай завтра курицу.

– Курицу, – глубокомысленно повторяет Станислав, – курицу купить надо.

– А ты попробуй укради, – раздаётся голос папа из кабинета.

Мама весело смеется, а Станислав, не понимая шуток, с недоумением смотрит на дверь.

Обедали в те времена в шесть часов, и лишь под самый конец ковенской жизни – в семь, так что вечера были длинные. Завтракали в половине первого. После обеда взрослые пили кофе за столом, а детям разрешалось встать. Когда мама кто-нибудь дарил конфеты, они хранились у папа в письменном столе, и мы получали после обеда по одной конфетке.

– Ну, дети, бегите в кабинет за конфетами, – говорит мой отец, а моя маленькая сестра Олечек вдруг громко с чувством восклицает:

– Папа, как я вас люблю!

– Только за конфеты и любишь? – говорит, смеясь, папа.

– Нет, тоже и за подарки, – говорит Олечек, глядя своими честными детскими глазами прямо в лицо отца.

Долго ее, бедненькую, дразнили этой фразой. Так и протекли мирно и счастливо двенадцать лет нашей жизни в Ковне. Ежегодно: пять месяцев в Ковне и семь месяцев в Колноберже, нашем имении Ковенской губернии. И эти годы мой отец всю свою жизнь вспоминал с самым теплым чувством, как и всех своих сослуживцев, подчиненных и помощников по Сельскохозяйственному обществу, одинаково как русских, так и поляков. <...>

Глава 6

Колноберже было получено дедом моим, Аркадием Дмитриевичем Столыпиным², за картонный долг. Его родственник Кушелев, проиграв ему в яхт-клубе значительную сумму денег, сказал:

– Денег у меня столько свободных нет, а есть у меня небольшое имение в Литве, где-то около Кейдан. Я сам там никогда не был. Хочешь, возьми его себе за долг?

Так и стало принадлежать нашей семье наше милое Колноберже, унаследованное потом моим отцом.

Были у моих родителей другие имения, и бóльшие по размерам, и, быть может, более красивые, нежели Колноберже. Но мы, все дети, их заглазно ненавидели, боясь, что вдруг папа

и мама заблагорассудится ехать на лето в Саратовскую, Пензенскую, Казанскую или Нижегородскую губернию, что мне и моим сестрам представлялось настоящим несчастьем. Было у нас еще имение в Ковенской же губернии, на границе Германии, куда, за отсутствием в той местности нашей железной дороги, папа ездил через Пруссию. Он всегда много рассказывал о своих впечатлениях, возвращаясь из такой поездки «за границу», восхищаясь устройством немецких хуторян и с интересом изучая все то, что считал полезным привить у нас. И многое из виденного и передуманного послужило ему основой при проведении им земельной реформы много лет спустя.

Раз в год папа объезжал и остальные наши земли. В своем казанском имении мама бывала до замужества, но из нас никто нигде там не был, и знали и любили мы только Колноберже.

Папа тоже очень любил Колноберже: он там проводил лето еще мальчиком со своими родителями, которым с первого же раза, как они туда приехали, понравилось имение. <...>

Глава 7

<...> Мой отец очень любил сельское хозяйство и, когда он бывал в Колноберже, весь уходил в заботы о посевах, покосах, посадках в лесу и работах во фруктовых садах.

Огромным удовольствием было для меня ходить с ним по полям, лугам и лесам или, когда я стала постарше, ездить с ним верхом. Такие прогулки происходили почти ежедневно, когда папа бывал в Колноберже. Иногда же ездили в экипаже, в котором мой отец любил сам объезжать лошадей.

Я, как старшая, гораздо больше других, еще маленьких, сестер, бывала в те времена с папа, и особенно прогулки эти бывали всегда приятны и интересны: и весной по канавам, между озимыми и яровыми хлебами, еще низкими, нежно-зелеными и настолько похожими друг на друга, что я и понять не могла, как это папа мог их распознавать; и летом по разноцветному ковру душистых лугов; и осенью на уборку хлеба и молотьбу. Когда я была маленькой, у нас работала еще старая конная молотилка, и я с глубоким состраданием подолгу смотрела на смиренных лошадей с завязанными глазами, без конца ходивших по одному кругу.

А потом в мои любимые дни позднего лета, особенно прекрасные в Литве дни, залитые последними лучами солнца, пронизанные запахом первых упавших листьев и сладким ароматом яблок из фруктового сада, когда дышится как-то особенно легко, поразительно далеко все видно и когда в чистом, как хрусталь, воздухе сказочно-легко носятся паутины бабьего лета... – вдруг зашумела, загудела первая в наших краях паровая молотилка. Долго я не могла привыкнуть к нарушению осенней деревенской тишины, но потом даже полюбила это монотонное гудение, особенно если оно было слышно издали.

Ходила я с папа по полям и поздней осенью. Сыро, дорога грязная. Туман или мелкий дождь, холодный и пронизывающий насквозь, застилают знакомый пейзаж. Ветер рвет платок, которым меня поверх пальто и шляпы заботливо закутала мама. Мой отец в своей непромокаемой шведской куртке, в высоких сапогах, веселый и бодрый, большими шагами ходит по мокрым скользким дорогам и тропинкам, наблюдая за пахотой, распоряжаясь, порицая или хваля управляющего, приказчика и рабочих. Подолгу мы иногда стояли под дождем, любуясь, как плуг мягко разрезает жирную, блестящую землю...

А что может быть уютнее и приятнее возвращения домой после такой прогулки! Каким теплом, согревающим и тело, и душу, охватывает тебя, лишь ты войдешь в светлую, теплую переднюю. Скорее раздеться, причесаться, вымыть руки и бежать в столовую, только бы не опоздать к обеду и не заслужить этим недовольного взгляда или, не дай бог, даже замечания от папа, не выносящего ни малейшей неточности во времени. Я думаю, что благодаря такой аккуратности, привычке быть всегда занятым и не терять ни минуты он потом и сумел так

распределять свое время, что, будучи министром, успевал исполнять, никого не задерживая, свою исполинскую работу.

После обеда в осенние месяцы мы переходили в библиотеку, а папа и мама – в кабинет. Дверь между обеими комнатами оставалась открытой. Как и в Ковне, папа сидел за письменным столом, мама на диване, и каждый занимался своим делом до чая, а после него вместе читали.

И кабинет, и библиотека были очень уютны. Библиотека уставлена книжными шкафами красного дерева, перевезенными из Средникова, а кабинет – светлого дуба, с мебелью, обтянутой вышивкой работы матери моего отца. Над диваном, где сидела с работой мама, большие портреты масляной краской родителей папа в дубовых рамах, а на другой стене, в такой же раме, очень хорошей работы картина: старуха вдевает нитку в иглу. Каждая морщина внимательного лица говорила о напряженном старании. Папа очень любил эту картину и говорил мне, что это работа молодого, крайне талантливого, но, к сожалению, рано спившегося художника. Украшали еще кабинет подставки с коллекцией старинных длинных, до полу, трубок и целый ряд экзотических и старинных седел.

Вечером уютно горели две лампы: одна – на письменном столе папа, другая – на рабочем столе мама.

Вообще все наши хорошие вещи находились в Колноберже, и когда папа был назначен губернатором и мама старалась украсить городской дом, то я протестовала изо всех сил против каждой попытки увезти что-нибудь из Колноберже в город.

Пока наши родители мирно читали и занимались после обеда в кабинете, у нас, детей, в библиотеке шло сплошное веселье. Кто-нибудь вертит ручку «аристона», этого почтенного прародителя современных граммофонов. Раздаются дребезжащие звуки «Цыганского барона», слышится топот ног, старающихся танцевать, «как большие», детей, падающих, хохочущих, а иногда и плачущих.

Нас уже пять сестер, под конец жизни в Ковне – в возрасте от полугода до двенадцати лет. Тут же две гувернантки, няня, а иногда является полюбоваться на наше веселье и кормилица, важно выступающая в своем пестром сарафане с маленькой сестричкой на руках. Она красива и очень самоуверенна: знает, что у моей матери после детей она первый человек в доме, что ей всегда припасается лучший кусок за обедом, что за ней следят и ходят, как за принцессой: лишь бы не огорчилась чем-нибудь, лишь бы не заболела! К ней подходишь с любопытством и страхом посмотреть на новорожденную, пухленькую, мягонькую, тепленькую в своих пеленочках.

Когда же маленькая плачет и не хочет заснуть, никто не справляется с ней так скоро, как папа. <...>

Часть вторая

Глава 1

В середине мая 1902 года мы весело выехали в Эльстер. Было нас десять человек, так что в Берлине, где мы проездом останавливались на два дня, пришлось в гостинице занять целую анфиладу комнат. Я была еще очень слаба, и эта остановка была сделана, чтобы дать мне отдохнуть, а папа поехал один вперед, чтобы нанять нам в Эльстере виллу.

Ни дорогой, ни в Берлине я ничем не интересовалась, все больше лежала, и тянуло меня только домой, в кровать, отдыхать, отдыхать... не слышать ни утомительного шума поезда, ни резких свистков локомотива, не видеть чужих людей и суеты кругом себя.

Но только мы приехали в Эльстер, все изменилось, как по мановению волшебного жезла.

На вокзале встретил нас мой отец, помолодевший и жизнерадостный, и сразу стал оживленно рассказывать, что нашел нам очень удобное помещение – целый этаж прекрасной виллы, и о том, как любезно встречали его везде хозяйки пансионатов и как в одном месте, желая его подкупить знанием русского языка, немка, хозяйка виллы, сказала ему, приподнимая свой фарфучек двумя пальцами и делая глубокий реверанс:

– Ми вас любик.

От вокзала до курорта приходилось в то время ехать на лошадях километра четыре.

Дивная, гладкая дорога, каких я никогда не видела, шла через поля и луга, за которыми виднелся темный, густой хвойный лес на горе. Сам Эльстер лежит довольно высоко, так что когда подъезжаешь к нему, уже в поезде чувствуется, насколько воздух становится легче, когда же после вагона садишься в коляску и вдыхаешь его полной грудью, кажется, будто новая жизнь вливается в тебя.

Любезная, предупредительная фрау Вик, хозяйка пансиона, разместила нас по нашим комнатам, где все по указаниям папа было ей удобно и уютно устроено для нас, и тут же познакомила моих сестер со своей дочкой Ганной, с которой они с первого же дня подружились. Я тоже с первого же дня стала оживать – воздух пьянил, как шампанское, а целебные ванны молодили взрослых и укрепляли детей. <...>

Папа доктор прописал грязевые ванны для его больной руки, и очень скоро стало появляться в ней, к нашей несказанной радости, подобие жизни, чего не наблюдалось уже восемнадцать лет.

Днем, в свободное от лечения время, мы часто катались, посещая с моими родителями соседние города. В одном был музей музыкальных инструментов, в другом – фабрика изделий из перламутра, которыми были переполнены магазины Эльстера, в третьем – еще какая-то достопримечательность.

Самочувствие у папа было великолепное. Надежда, хотя и слабая, на выздоровление руки его ободряла, и время протекало чудесно. <...>

Этой жизни дней через десять был неожиданно положен конец. Пришла телеграмма от министра внутренних дел Плеве, только что сменившего убитого революционерами Сипягина, вызывающая папа срочно в Петербург.

Не только мы, дети, но и наши родители настолько сроднились с Ковной, так был чужд какого-нибудь карьеризма мой отец, что все мы голову ломали над тем, что мог бы значить подобный вызов, не представляя себе, что речь шла о новом назначении. Грустно простились мы с папа и остались одни в Эльстере, теряясь в догадках и надеясь вскоре увидеть отца снова с нами. Отъезд папа был особенно грустен из-за прекращения столь удачно начавшегося лечения.

Дня через три все выяснилось получением телеграммы от папа с сообщением, что он назначен губернатором в Гродну. В той же телеграмме папа сообщал, что едет прямо в Гродну и в Эльстер больше не вернется.

Узнав все это, я горько расплакалась: не жить больше в Ковне, которую, когда я там была, я особенно не ценила и не любила, показалось мне вдруг ужасным, и я слышать ничего не хотела ни о Гродне, ни о новых учителях.

Кончив курс лечения и пробыв еще в Эльстере срок, назначенный Бехлером, мы вернулись в августе в Колноберже.

От папа из Гродны получались довольные письма. С грустью простившись со своими сослуживцами в Ковне и утешаясь мыслью, что многих он будет видеть в Колноберже во время отпусков, он бодро приступил к новой работе. Письма его дышали энергией, были полны инте-

реса к новому делу, и, к счастью, ему очень понравились его ближайшие сотрудники и подчиненные.

Предводителем дворянства был П. В. Веревкин³, друг юности папа, что ему было особенно приятно. Сошелся он во взглядах и с вице-губернатором Лишиным⁴ и был очень доволен работой своего правителя канцелярии, князя А. В. Оболенского⁵, и своими чиновниками особых поручений, между которыми особенно выделял Вейса и о котором в каждом почти письме говорил, что редко приходится встречать человека столь глубоко порядочного и с такой чистой душой.

Мама съездила в Гродну на несколько дней: распределить комнаты, дать указания для устройства дома – и вернулась в Колноберже в полном восторге от нового места жительства.

Папа приезжал провести свой отпуск, очень короткий в этот год, в Колноберже и все время, проведенное там, посвятил хозяйству.

Помню, как один из наших соседей, глядя издали с мама на моего отца, который оживленно обсуждал с Штраухманом какие-то хозяйственные вопросы, сказал:

– Петр Аркадьевич, не губернаторское это дело!

На это папа весело отозвался:

– Не губернаторское, а помещичье, – значит, важное и нужное.

Глава 2

Осенью мы все переехали в Гродну. Папа встретил нас в губернаторской форме, окруженный незнакомыми чиновниками.

Проезжая по улицам тихой Гродны, я почувствовала, что мне нравится этот город, а когда я попала в губернаторский дом и увидела окружающие его сады, мое предубеждение против Гродны совсем пропало.

И действительно, трудно представить себе что-нибудь лучше этого старого замка короля польского, Станислава Понятовского, отведенного губернатору. В одном нашем помещении шли анфиладой десять комнат, так что бывший до моего отца губернатором князь Урусов ездил по ним на велосипеде. И что за комнаты! Не очень высокие, глубокие, уютные комнаты большого старинного помещичьего дома, с массою коридорчиков, каких-то углов и закоулков. Кроме нашего помещения находились в этом дворце еще губернское присутствие, губернская типография и много квартир чиновников. В общей сложности в сад выходило шестьдесят окон в один ряд. Под той же крышей был и городской театр, устроенный в бывшей королевской конюшне и соединенный дверью с нашим помещением.

У папа, как губернатора, была там своя ложа, и Казимир приносил нам, когда мы бывали в театре, чай, который мы пили в аванложе.

Сад наш был окружен тремя другими садами: городским, князя Чарторийского и еще каким-то. Князь Чарторийский, элегантный поляк с манерами и французским языком доброго старого времени, часто бывал у нас. Часто, запросто, бывали у нас и некоторые из чиновников папа и их жены, так что, хотя не было уже семейно-патриархальных ковенских вечеров, все же это не была еще жизнь последующих лет, когда у папа почти не оставалось времени для семьи.

В этом старом замке было столько места, что у меня одной было три комнаты: спальня, очень красивая, овальная, вся голубая с белым, гостиная и классная. Последняя и частный кабинет папа составляли верх дома и были самыми его красивыми комнатами: кабинет со стенами резного дуба, обрамлявшего оригинальную серую с красным ткань, и моя классная с потолком и стенами полированного дерева. Хорошо было в ней учиться: три окна в сад, тихо, спокойно... даже нелюбимая математика и та легко укладывалась в голове, когда я занималась там. Вечером в свободные минуты я заходила к папа, но всегда ненадолго – всегда мешал кто-

нибудь из чиновников, приходивших с докладами или за распоряжениями. В деловой кабинет внизу мы уже не входили, как в Ковне, и видали папа лишь за завтраком, за которым всегда бывал и дежурный чиновник особых поручений, и за обедом.

По воскресеньям в большой белой зале с колоннами бывали танцклассы, как и раньше в Ковне. Я, как «большая», уже не училась и лишь смотрела на «детей». Эти друзья моих сестер, со страхом делая большой круг, проходили в передней мимо чучела зубра. Громадный зверь, убитый в Беловежской Пуще, был действительно страшен на вид и своими размерами, и густой черной шерстью, и угрожающе наклоненной тяжелой головой.

Беловежская Пуша, гордость Гродненской губернии, была почти единственным местом на свете, где еще водились эти звери, и охота в этом заповедном лесу бережно охранялась. Размеры пуши грандиозные – 2500 квадратных верст, и, несмотря на это, все зубры были на учете. Очень красивый дворец и вся пуша оживлялись лишь в те годы, когда государь и весь двор приезжали на охоту.

Особенностью Гродненской губернии было еще то, что губернский город в ней был меньше двух ее уездных городов: Белостока и приобретшего (так в тексте. – И. А.) в истории России столь печальную известность Брест-Литовска. Эти большие торговые центры были настолько значительных размеров, что в каждом из них было по полицмейстеру, полагавшемуся обыкновенно лишь губернскому городу.

Мой отец, самый молодой губернатор России, очень увлекся своей новой работой. Не удовлетворяла она его полностью лишь потому, что он в ней лишен был полной самостоятельности. Это происходило потому, что Гродненская губерния с Ковенской и Виленской составляли одно генерал-губернаторство, и, таким образом, губернаторы этих губерний подчинялись генерал-губернатору виленскому. Хотя в то время и был таковым крайне мягкий администратор и очень хороший человек князь Святополк-Мирский, работа моего отца под начальством которого ни одним трением не омрачилась, все же она не была совершенно самостоятельной, что претило характеру папа.

Конечно, с первых дней губернаторства моего отца стали осаждать просьбами о получении места. Даже я получала письма с просьбами о заступничестве. Мой отец терпеть не мог этих ходатайств о «протекции», и ни родные, ни знакомые не получали просимого, кроме очень редких случаев, когда были этого действительно достойны. Кажется, так до конца жизни и не простили моему отцу добрые старые тетушки того, что он, и то не сразу, дал лишь очень скромное место их протеже, одному нашему родственнику. На доводы папа, что он не мог иначе поступить, они лишь недоверчиво и неодобрительно качали головой. Мне это напоминало, как в детстве приходили к папа крестьяне просить, чтобы он освободил их сына или внука от воинской повинности, и, когда им мой отец отвечал, что не может этого сделать, что это противозаконно, повторяли:

– Не может, не может! Если пан захочет, то все может сделать.

Я той зимой кончала курс гимназии, который в 1902 году из-за болезни кончить не могла, и была так поглощена уроками, что жила совсем обособленно от семьи, проводя почти весь день за книгами или с учителями в своей классной. Из-за этого я мало знаю о деятельности моего отца и жизни семьи в это время. С папа бывала я очень мало. Хотя и сохранились частью ковенские старинные привычки, но жизнь настолько изменилась, что все принимало другой оттенок.

Ходили мы с моим отцом по-прежнему в церковь, но какой-то иной отпечаток клало на все окружающее: вытягивающиеся в струнку, козыряющие городовые, в соборе полицейский, расчищающий дорожку, почетное место, совсем спереди, перед алтарем.

Младшие сестры теперь тоже учились, но еще мало. Ведь старшей из них, Наташе, было всего одиннадцать лет, а маленькой, Аре⁶, пять.

Недолго прожили мы в милой Гродне, с которой только начали свыкаться. Не пробыв и десяти месяцев губернатором этой губернии, уже в марте 1903 года мой отец был назначен саратовским губернатором.

За этот короткий срок в Петербурге успели оценить способности молодого губернатора и решили дать ему более ответственный пост, поручая управлять Саратовской губернией, большей по размерам, не подчиненной генерал-губернатору и населенной разными народностями, являющимися собою поразительные контрасты. В ее степях жили полудикие, близкие по своему образу жизни к кочевникам киргизы, рядом с кочевниками вы попадали в Сарепту, немецкую колонию с аккуратными беленькими домиками, электричеством, водопроводом и богатую вообще всем, что давала культура тридцать лет тому назад.

Климат в этой губернии тоже разный. Зимой, пять-шесть месяцев, Саратов покрыт снегом, не нашим, ковенским, рыхлым, через день тающим, а белой снежной пеленой, снегом, сияющим на солнце и хрустящим при двадцатиградусном морозе.

В политическом отношении Саратов сильно отличался от северо-западных губерний. Существование земства клало на всю общественную жизнь совсем иной отпечаток.

Перспектива управлять такой губернией очень привлекала папа, а то, что его деятельность в Гродне была оценена, сильно его ободряло.

Что было очень приятно при отъезде, – это сознание, что на лето снова вернемся в родные края, в Колноберже. Родовые столыпинские земли находились как раз в Саратовской губернии, дворянами которой мы и являлись. Свое имение мой отец продал года за два до назначения в Саратов, чтобы никогда больше не ездить в эту даль.

Было известно, что Саратовская и Пензенская губернии самые передовые во всей России, и ко времени назначения моего отца настроение в Саратове было с явно левым уклоном. Когда там возникали беспорядки, губернские власти всегда покидали город и все переходило в руки младшего административного аппарата. <...>

Глава 4

<...> Папа в Саратове понемногу привыкал к новым условиям работы, осваивался с окружающим и очень звал нас всех скорее к себе, в новый отделанный им дом. Мы и уехали в город так рано, как этого никогда прежде не бывало, – уже в октябре.

По дороге остановка у бабушки, счастливой возможностью познакомиться со своим внуком. Теперь, когда я была уже взрослой, Москва все больше и больше покоряла меня, и мне при каждом отъезде было грустно разлучаться с красавицей Белокаменной, как с любимым человеком.

Когда мы выезжали из Ковенской губернии, была осень, с голыми деревьями, туманом, слякотью, а в Саратове, через три дня пути, не считая остановки в Москве, нас встретил жаркий летний день. Папа в белом кителе и летней фуражке, пыльные улицы, духота – все это поразило нас. Хотя уже и по дороге становилось все теплее и теплее, но такого контраста мы все же не ожидали. И не в одном этом контраст. Все, все другое, для меня чуждое, неродное. Чистая русская речь мужиков, их внешний вид, знакомый мне лишь по картинкам, виды из вагона на необъятные, без конца, без края уходящие в даль поля, церкви в каждом виднеющемся издали селе – все непривычное, все знакомое лишь по книгам.

А сам Саратов. Боже, как он мне не понравился! Кроме счастья видеть папа, все навело на меня здесь уныние и тоску: улицы, проведенные будто по линейке, маленькие, скучные домики по их сторонам, полное отсутствие зелени, кроме нескольких чахлах липок вокруг собора. Волга оказалась так далеко за городом, что туда и ходить не разрешалось: такой в тех местах проживал темный люд и так много там бывало пьяных.

Красива только старая часть города с собором, типичным гостиным двором с бойкими приказчиками. В этих местах я снова чувствовала что-то близкое и родное, но сразу свыкнуться с этим чисто русским бытом было трудно – давали о себе знать первые семнадцать лет жизни, проведенные на окраине России.

Дом наш всем нам полюбился – просторный, с красивыми большими высокими комнатами, весь новый, чистый и – о радость! – освещенный электричеством. Но мама этого новшества не признавала и завела у себя на письменном столе керосиновую лампу. Говорила, что электричество портит глаза.

Понемногу мы стали тоже свыкаться с новой жизнью и новыми знакомыми, между которыми оказались и старые друзья, и родственники, помещики Саратовской губернии, князь Гагарины, граф Д. А. Олсуфьев⁷, Катковы. Познакомились и очень сошлись мы с князьями Кропоткиными, живущими в самом городе. Начались уроки танцев. Мама посвящала по несколько часов в день всяким делам по благотворительности; маленькие сестры учились уже серьезно; я увлекалась рисованием и историей, которыми занималась с прекрасными преподавателями.

Одним словом, жизнь налаживалась. Одно, к чему трудно было привыкнуть, – это к тому, что папа так мало мог принимать участия в нашей жизни... Полчаса отдыха после обеда, во время которого он с мамой ходил взад и вперед по зале, и потом полчаса за вечерним чаем – вот и все. Все остальное время он работал. Так протекло время до Рождества.

Весело провели мы праздники. Ночью в двенадцать часов в нашей семье никогда не встречали Новый год, пока дети были маленькими. Ограничивались поздравлениями в самый день 1 января. В Ковне и Гродне придерживались старого обычая: мужчины ездили в этот день по всему городу от одной знакомой дамы к другой. И дамы, и кавалеры находили эти визиты, длящиеся большей частью лишь по несколько минут, утомительными и скучными, но в голову не могло никому прийти, что Новый год мог бы быть иначе «отпразднован». Вечером дамы с гордостью подсчитывали количество «визитеров», а последние тоже с гордостью и усталым видом рассказывали, сколько домов они объехали.

В Саратове этот обычай был заменен «взаимными поздравлениями». Это было и приятно и весело. Все желающие поздравить друг друга, и дамы, и мужчины, съезжались к известному часу в большую залу городской думы: желали друг другу счастья, пили чай и разъезжались по домам. Картина этих съездов получалась довольно пестрая и оживленная. Непривычную в провинцию ноту вносила съезжающаяся на праздники к родителям учащаяся в столицах молодежь. А мы, провинциальные девицы, с жадным интересом смотрели на голубые воротники студентов и их, по нашему мнению, поразительно элегантные сюртуки; на треуголки лицеистов и правоведов и, конечно, больше всего на юнкеров и кадетов, представляющих нам воплощением военной лихости и отваги. <...>

Первым моим балом в Саратове, да и вообще первым моим «взрослым» балом, должен был быть костюмированный вечер, устраиваемый моей матерью с благотворительной целью. Для меня из Петербурга был выписан японский костюм, и перспектива этого вечера меня и моих подруг очень радовала. Бал назначили в конце января, но перед самым днем бала стали ползти какие-то зловещие слухи, и я помню, как на балу один молодой человек, глядя на мое кимоно, спросил меня:

– Скоро вы собираетесь объявить нам войну?

А 27 января война и разразилась. Стали собираться отряды Красного Креста, один за другим исчезали наши бальные кавалеры, организовывались работы на раненых. Но театр военных действий находился так далеко, настолько непонятно было русскому солдату, почему, куда и за что его посылают драться, что настоящего подъема, как тот, что мы потом видали в 1914 году, не было.

Я, только что прочитавшая «Войну и мир» Толстого, преисполненная патриотизма, недоумевала, почему это так, и навела на эту тему разговор с папа, на что он мне ответил:

– Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях? Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом.

Но мы пережили в Саратове один вечер, наполнивший нас таким энтузиазмом, что на всю жизнь остался у меня в душе глубокий след от пережитого тогда. Это был обед-проводы отряда Красного Креста, отправляющегося на фронт под управлением графа Д. А. Олсуфьева. Во время этого обеда, очень многолюдного, на который собралось все саратовское общество, мой отец встал и сказал речь.

Что это была за речь! Я вдруг почувствовала, что что-то капает мне на руку, и тогда лишь заметила, что я плачу: смотрю вокруг себя – у всех слезы на глазах. И чем дальше, чем вдохновеннее и страстнее становятся слова моего отца, тем больше разгораются лица и глаза слушателей, тем горячее льются слезы... Многие уже громко рыдают. Забыто, что не за русскую землю дерется русский солдат, что далеки от наших домов поля, где многим суждено найти смерть и куда спешат им на помощь и поддержку те, кого мы сегодня провожаем, и лишь ярко сияет одна вечная правда о том, что каждый сын России обязан по зову своего царя встать на защиту Родины от всякого посягательства на величие и честь ее и что, забывая все на свете, обязаны спешить ему на помощь те, кто волей Божьей имеет счастье служить под Красным Крестом.

Никогда еще мне не приходилось слышать такое единодушие, такое продолжительное «ура!», как то, которое покрыло речь отца, и редко видишь столько людей разных убеждений и характеров, соединенных таким общим, могучим подъемом.

Когда мы вечером возвращались домой, мама в карете сказала моему отцу:

– Как ты великолепно говорил!

На что папа ответил:

– Правда? Мне самому кажется, что сказал я неплохо. Не понимаю, как это вышло: я ведь всегда считал себя косноязычным и не решался произносить больших речей. Слушая впоследствии ставшие знаменитыми речи папа, вспоминала я этот разговор.

Моя мать торжественно благословила Д. А. Олсуфьева иконой, проводили мы отряд на вокзал, и я, несмотря на мои горячие просьбы пустить и меня с уезжающими, осталась дома, так как мои родители не считали возможным позволить восемнадцатилетней девушке ехать в такую даль без близкого человека. <...>

Глава 6

С войной наступило для папа еще более трудное время. Его задачей стало теперь объединение административного аппарата, в рядах которого было очень далеко до единомыслия в политическом отношении. Занимающий видный пост управляющего отделением Крестьянского банка Зерен убеждал крестьян, что им нечего покупать земли у помещиков, так как все равно земля скоро будет вся принадлежать народу. Прокурор судебной палаты Макаров, явно и не стесняясь, выражал свое враждебное отношение к моему отцу.

Мой отец принял за правило ограничиваться с такими господами личными беседами, стараясь силой убеждения признать его точку зрения правильной. Насколько умна и действительна была эта простая тактика, свидетельствует тот факт, что, будучи уже премьером, папа не кому иному, как бывшему революционеру Макарову, предложил пост товарища министра и умело направил его на верный служебный путь. <...>

Глава 7

В октябре⁸ мы вернулись в Саратов. Настроение там все ухудшалось... Старались разобраться в причинах наших неудач и говорили о том, насколько была не готова наша Маньчжурская армия, подвоз пополнений для которой производился по однокорейной железной дороге, тогда как японцы имели возможность высадить в продолжение нескольких месяцев всю свою армию на материк. Говорили теперь о том, как сильны японцы, как этот маленький народ, к которому мы в начале войны относились столь свысока, усвоил все достижения нашей культуры и как мастерски он умеет пользоваться тем, что перенял.

22 декабря громом прокатилась весть о падении Порт-Артура. Этим ударом была потушена последняя искра надежды, теплящаяся в русских сердцах. Не было больше сил бороться с охватывающим всех безнадежным унынием. И в высших и в низших слоях населения впечатление было одинаково сильно, с той только разницей, что у первых печаль о происшедшем не исключала надежды на то, что можно, перенеся удар, оправиться, окрепнуть и снова, подняв голову, работать на то, чтобы Россия заняла подобающее ей в мире место. В низших же классах безотчетное разочарование часто рождало озлобление и желание на ком-нибудь выместить обиду, сорвать злость.

Становилось ясно каждому, что предсказания революционеров сбываются и приближается поражение России.

Настроение не только в самом городе, но и во всей губернии становилось все тревожнее. Этому способствовали некоторые землевладельцы совсем особого толка. Часть из них: Устинов, доктор Власов и еще некоторые – были упорными социалистами, другие, более правого толка, жертвовали все же крупные суммы на революционную пропаганду. Борьба с ними особенно затруднялась тем обстоятельством, что жандармское управление не обладало нужным количеством толковых агентов на местах.

В таком настроении Россия встретила 1905 год. <...>

Наступило тяжелое время, когда мы узнали, что значит беспокоиться день и ночь о жизни папа. Чувство это не покидало нас уже больше до его кончины. В Саратове в то время я то и дело бегала в переднюю посмотреть, висит ли там пальто папа, и только удостоверившись, что он дома, в безопасности, могла спокойно заниматься своими делами.

Саратовская губерния, особенно ее Балашовский уезд, издавна славилась левыми буйными элементами. Видно, дух Стеньки Разина не покинул привольных волжских берегов. Либеральные представители земства стали открыто выступать против мероприятий правительства. Мой отец много положил сил, чтобы не дать чувству злобы и вражды, все более овладевающему земскими деятелями и их приверженцами, разрастаться и парализовать всякую возможность совместной работы. Все силы своего ума и энергии клал он на то, чтобы не дать общественной работе ослабевать под влиянием деморализующих сил, порожденных затянувшейся несчастной войной.

И не только в политической жизни страны, но и в общественной стало проявляться раздвоение. Левые элементы стали держать себя в высшей степени вызывающе-враждебно. Помню концерт, с которого, когда вошел в залу мой отец, демонстративно, с шумом отодвигая стулья, вышли несколько левых членов земства с семьями. На общественных балах сплошь да рядом случалось, что всякие молодые люди и девицы из левых кругов, проходя мимо мама или меня, не только не сторонились, но, наоборот, с задорным видом старались задеть, толкнуть. Наряду с этими незначительными фактами стали вносить мрачную ноту в нашу жизнь и более серьезные симптомы назревавшей революции: начались забастовки – то не горит электричество, то бастуют пекари, то еще где-нибудь бросают рабочие работу.

В стремлении соединить враждебные элементы мой отец устроил этой зимой банкет человек на шестьдесят земцев. Это было весьма интересное собрание: безупречные фраки представителей высшей земельной аристократии чередовались с крестьянскими поддевками, и между ними – все разнообразие других мужских костюмов. То же разнообразие, что и во внешнем виде, царило и в умах, настроениях и политических убеждениях присутствующих. Хотя речи лились непринужденно, хотя любезно беседовали друг с другом политические противники и казалось возможным найти общий язык, сойтись на общих идеалах, но лишь только те же люди сходились на земских собраниях, всем становилось ясно, что слишком глубока рознь между людьми разных направлений и что чем дальше, тем глубже будет становиться эта рознь.

Для меня зима эта ознаменовалась тем, что я к Рождеству была сделана фрейлиной. Эта монаршая милость очень обрадовала моего отца, я же с гордостью показывала подругам присланный мне из Петербурга бриллиантовый шифр «М. А.» на голубой Андреевской ленте и мечтала о том дне, когда, надев его на левое плечо, я буду представляться императрицам.

Глава 8

В мае пришло известие о поражении нашего флота в Цусимском проливе. Не выразить словами, как были этим удручены и молодые, и старики.

Летом в Колноберже стали приходить от моего отца тревожные письма. Неудачи на фронте раздували недовольство в тылу, народ волновался все больше, а мы, живя в такой дали от папа, следя за ходом событий по его письмам и газетам, ужасно за него беспокоились.

Скоро наши предчувствия оправдались: мы узнали из письма папа, что на его жизнь было покушение.

Во время объезда губернии где-то в деревне были произведены по моему отцу два выстрела. И папа, и сопровождающие его чиновники видели убегающего преступника. Папа кинулся за ним, но был удержан своим чиновником особых поручений, князем Оболенским, силой схватившим его за руку.

Папа сам, описывая этот случай, старался успокоить мою мать, говоря, что это одиночный случай, что бояться нечего, что все гораздо спокойнее, чем описывают в газетах, и главное, что он сам скоро будет с нами.

Ненадолго приехал к нам папа. Он на этот раз не воспользовался и половиной отпуска, как снова выехал в Саратов.

Когда мы провожали папа на станцию, то встретили спешившего к нам верхом нашего лесника, который, махая фуражкой, просил остановиться. Когда мы, очень удивленные, остановились, он подъехал и с сияющим лицом доложил:

– Только что в кейданском имении граф Тотлебен собрал своих рабочих и прочел им телеграмму о том, что заключен мир.

У папа все лицо изменилось от осветившей его радости. Он снял шляпу, перекрестился и, поцеловав мама и меня, сказал:

– Какое счастье!

В Саратов, как в губернию, сильно зараженную мятежным духом, был в это время высочайше командирован генерал-адъютант Сахаров⁹ для подавления беспорядков. Он остановился по приглашению папа у нас в доме. Мы знали об ожидающемся его приезде из писем моего отца, который, хотя и не был доволен вмешательством в дела губернии чужого лица, очень хорошо отзывался о самом Сахарове. Моему отцу, всегда с таким пренебрежением отзывавшемуся о людях, боящихся ответственности, не было тяжело распорядиться делами губернии единолично.

Когда мы выезжали из Колноберже в Саратов, Сахаров был уже там. На третьи сутки, когда мы подъезжали к Саратову, неожиданно, за несколько станций до конечной остановки,

входит в наш вагон один из чиновников особых поручений моего отца и говорит, что он прислан встретить нас. Очень этим удивленная, мама просит его к себе в купе, из которого через несколько минут выходит бледная и сильно взволнованная. Оказывается, генерал Сахаров накануне убит в нашем доме, и папа послал предупредить маму, чтобы она не узнала об этой трагедии из газет и чтобы успокоить ее, сказать, что он сам цел и невредим.

Можно себе представить чувство, с которым мы въезжали в дом, откуда за два часа до того вынесли тело убитого и в комнатах которого запах ладана красноречиво напоминал о панихидах.

Подробности этого убийства были следующие. Кабинет генерала был устроен на втором этаже, в комнате по левую сторону от приемной, отделяющей его от кабинета папы. Явилась на утренний прием миловидная, скромная молодая женщина, пожелавшая видеть генерала Сахарова. В руках она держала прошение. Чиновник ввел ее в комнату. Закрывая дверь, он еще видел, как просительница положила бумагу перед Сахаровым.

Через минуту раздался выстрел, и Сахаров, обливаясь кровью, выбежал, шатаясь, в другую дверь. В дверях силы его покинули, и он свалился на пол. Бросившаяся бежать убийца была на лестнице задержана чиновником особых поручений, князем Оболенским. Поданная ею бумага – прошение – заключала в себе смертный приговор убитому генералу.

Как плохо работала в Саратове жандармская охрана, доказывает следующий факт: до убийства генерала Сахарова явились ночью к моему отцу рабочие с предупреждением, что из Пензы приехали террористы с целью убить Сахарова. Вызванный моим отцом жандармский полковник заявил:

– Позвольте нам знать лучше, чего хотят эти люди. Они хотят совсем другого, генерал же им вовсе не страшен.

А о том, до чего революционно была настроена часть общества, можно судить по тому, что присяжный поверенный Масленников¹⁰ прислал в тюрьму арестованной убийце генерала Сахарова цветы.

Глава 9

<...> Папа считал, что главной задачей является оберегание государственно-административного аппарата в его целостности, что только это может спасти Россию. Усадеб не так много, погромы их долго продолжаться не могут.

– Не в крупном землевладении сила России, – говорил отец. – Большие имения отжили свой век. Их, как бездоходные, уже сами владельцы начали продавать Крестьянскому банку. Опора России не в них, а в царе.

Папа считал, что Россию переустроить нужно, что надлежит вытравить традиции крепостного права, заменить общину единоличным крестьянским землевладением.

К тому же бунты в деревне принимали часто такие уродливые формы, что мой отец полагал, что этим самым они оттолкнут от революционеров не потерявших рассудок крестьян. Трудно было крестьянскому сердцу остаться хладнокровным при виде коров, лошадей и овец с распоротыми животами, ревущих от боли и издыхающих тут же в ужасных страданиях.

Не мог также здравый крестьянский ум не понять всего комизма таких выступлений, как выступление одного ветеринарного врача, который, ведя своих единомышленников громить усадьбу помещика, оделся в костюм времен Иоанна Грозного с бармами на плечах и шапкой Мономаха на голове!

Во многих местах крестьяне действительно очень скоро образумились и стали часто просить правых приезжать на их собрания, что, конечно, и делалось.

Глава 10

Мой отец, со своей стороны, стал все чаще и чаще предпринимать поездки по губернии, являясь самолично и почти всегда неожиданно в местах, где сильнее всего бурлило недовольство и где энергичнее всего работали вожаки левых партий. Он безоружным входил в бушующую толпу, и почти всегда одно появление его, спокойный и строгий его вид так действовали на народ, что страсти сами собой утихали, а за минуту до того галдевшая и скандалившая толпа расходилась, успокоенная, по домам. Речи его были кратки, сильны и понятны самому простому рабочему и крестьянину, и действовали они на разгоряченные умы отрезвляюще. Но что ему самому стоило все это, того не знал, должно быть, никто. Я помню, как он писал мама после одной из опасных поездок в центр смуты, Балашов: «Теперь я узнал, что значит истерический клубок в горле, сжимающий его и мешающий говорить, и понял, какая воля требуется, чтобы при этом не дать дрогнуть ни одному мускулу лица, не поднять голоса выше желательного диапазона».

Один раз папа увидел, как стоящий перед ним человек вдруг вынул из кармана револьвер и направил на него. Папа, глядя на него в упор, распахнул пальто и перед взбунтовавшейся толпой сказал:

– Стреляй!

Революционер опустил руку, и револьвер вывалился у него из рук.

В другой раз, садясь в коляску, после того как он произнес в большом революционном собрании речь, мой отец заметил на себе взгляд какого-то парня, стоящего близко к нему. Парень имел вид самый наглый и задорный, а взгляд был полон тупой, непримиримой ненависти. Папа, посмотрев на него, коротко и властно сказал:

– Подай мне пальто!

И этот человек, только что мечтавший о том, как бы побольше зла нанести ненавистному губернатору, послушно взял пальто из рук курьера и подал его папа.

У меня хранится любительский снимок, где видно, как папа въезжает верхом в толпу, за минуту до этого бушевавшую, а теперь всю, до последнего человека, стоящую на коленях. Она, эта огромная, десяти тысячная толпа, опустилась на колени при первых словах, которые папа успел произнести.

Был и такой случай, когда слушавшие папа бунтари потребовали священника и хоругви и тут же отслужили молебен.

А в одну из таких поездок папа прибыл на поезде и прямо из вагона пошел пешком в село, где его ожидал народ. Из толпы выделился какой-то парень с крайне возбужденным и далеко не доброжелательным видом и направился прямо на моего отца. Сначала он шел нерешительно, но когда увидал, что отец идет совсем один, без полиции, нагло поднял голову и, глядя прямо в лицо отца, собирался говорить, как вдруг услышал спокойный и повелительный голос отца:

– Подержи мою шинель!

И этот человек, давно мечтавший о том, как бы побольше зла нанести моему отцу, послушно взял шинель и так и простоял, держа ее на руках все время, пока мой отец говорил речь.

Папа понимал, что в это тревожное время ему надо одному приезжать к народу, который он любил и уважал. Надо говорить с ним без посредников, что тогда только народ, почувствовав инстинктом искренность его слов, поймет его и поверит ему. И крестьяне действительно внимательно и благожелательно слушали его подчас суровые, но всегда правдивые слова.

Достигал результатов отец без громких фраз, угроз и криков, а больше всего обаянием своей личности: в глазах его, во всей его фигуре ярко выражалась глубокая вера в правоту своей точки зрения, идеалов и идеи, которой он служил.

Красной нитью в его речах проходила мысль: «Не в погромах дело, а в царе, без царя вы все будете нищими, а мы все будем бесправны!»

К самому концу 1905 года папа все же решился силой прекратить разгул погромщиков и этим окончательно водворить порядок. Он запретил собрание левых в театре, и когда они все же хотели настоять на своем, то встретились с войсками, перед которыми должны были отступить, хотя войска и не стреляли.

Даже частную жизнь моего отца стали отравлять его политические враги.

Получались анонимные письма с угрозами, что если не будет исполнено такое-то требование революционеров, то мой маленький брат будет отравлен. Понятно, что, как ни были мы уверены во всей прислуге, у моих родителей все же каждый раз, когда приносили для маленького его кашу или котлету, являлось тяжелое чувство подозрения и недоверия, заставлявшее их принимать всевозможные меры предосторожности.

Этой зимой моим кумиром стал почему-то Витте. Я преклонялась перед его умом и восхищалась, как можно лишь восхищаться в двадцать лет, всеми его мероприятиями, проектами, его словами... Раз, когда я сказала папа целую тираду в этом духе, он мне ответил:

– Да, человек он очень умный и достаточно сильный, чтобы спасти Россию, которую, думаю, можно еще удержать на краю пропасти. Но боюсь, что он этого не сделает, так как, насколько я его понял, это человек, думающий больше всего о себе, а потом уже о Родине. Родина же требует себе служения настолько жертвенно-чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует всю работу.

А. А. Столыпин

Средниково: из семейной хроники

<...> Этот сад за дремлющим прудом, этот старинный барский дом, увенчанный бельведером, соединенный подковообразной колоннадой с четырьмя каменными флигелями, это стройное и простое в своей классической красоте произведение Растрелли¹ дорого созвучием своего имени нашей родной поэзии: несколько лучших своих стихотворений Лермонтов поместил словом «Средниково».

В это родовое столыпинское гнездо переселилась из Пензенской губернии бабушка Лермонтова – Арсеньева (рожденная Столыпина), когда для воспитания молодого поэта явилась необходимость в близости большого города. Имение это принадлежало моему отцу, Аркадию Дмитриевичу Столыпину, рано осиротевшему, и управлялось опекунами. Впоследствии (в начале 70-х гг.) отец мой продал Средниково богатому купцу Фирсанову², дочери которого Вере Ивановне оно сейчас принадлежит.

Для меня лично Средниково вдвое дороже по воспоминаниям раннего детства.

Едва ли не одно из самых первых воспоминаний моих – это колонна, прислонившись к которой я горько плакал: какой-то старик дразнил меня «Александрой Аркадьевной», потому что по моде того времени совсем маленьких детей одевали девочками. В пору нашего детства мы жили в Средниково и лето и зиму. Были снежки, катанья на салазках, а в дурную погоду беготня и игры по всему дому. Однажды играли в войну. Старший брат Михаил поставил мою сестру³ на часы и дал ей охотничью двустволку, которую она держала наперевес, стоя в темноте коридора. Брат мой Петр с разбега наткнулся носом на дуло ружья и, весь окровавленный, упал в обморок. Можно себе представить волнение нашей матери, пока в трескучий мороз за тридцать верст привезли из Москвы доктора. Горбинка на носу Петра осталась навсегда следом этого происшествия.

Отец мой был года на четыре моложе Лермонтова⁴, что в детстве составляет громадную разницу. Поэтому настоящими товарищами Лермонтова и его ближайшими друзьями были двоюродные братья отца – Алексей и Дмитрий Аркадьевичи. В особенности первый – известный по прозвищу Монго, ровесник Лермонтова и товарищ по кавалерийскому училищу. Монго умер рано, и я его не знал. Дмитрия Аркадьевича хорошо помню из современников и родных Лермонтова, рассказывавших мне о нем. Я знал еще старшую сестру отца старушку Игнатьеву и Эмилию Шан-Гирей, рожденную Верзилину, прозванную «розой Кавказа». Про нее ходила легенда, что она была косвенной причиной смерти поэта, но она это отрицала. В глубокой старости она сохранила следы замечательной красоты.

Часто я допытывался у отца, был ли Лермонтов отгадан в раннем детстве, признавали ли в нем будущего великого поэта, русскую славу? По-видимому, этого не было. В то время все не только писали стихи, но стихотворное искусство входило в образование юноши как обязательный предмет, наравне с музыкой и рисованием. Теперь стихотворное творчество мальчика было бы отмечено как исключительное призвание, но тогда это было общим правилом. Мой отец мне рассказывал: «Настолько не могли предвидеть развития Лермонтова, что в университетском пансионе Мюральда и дома говорили, что Лермонтов пишет стихи лучше меня, но зато я лучше рисую...» <...>

Из писем П. А. Столыпина к супруге О. Б. Столыпиной

19 августа 1899 г., Чулпановка¹

Дутенька моя родная и драгоценная. Пишу Тебе с Алешей, который едет завтра рано утром. В среду с почтой получил Твою телеграмму, и полегчало на душе – вечно этот телеграф запоздает. В воскресенье 22-го надеюсь получить первые Твои письма, а ведь я выехал 10-го. А ведь сердце так к вам и рвется – легко ли 12 дней оставаться без известий? Храни вас Господь. Я уповаю на то, что ничего с вами не случится, но тревожусь о всяких мелочах. Как разрешился вопрос с Аннушкой и Линою? Я знаю, как эти неприятности могут извести, и жалею Тебя, мою добрую касаточку, любимую мою.

Пожалуй, это письмо придет раньше первого моего письма из Чулпановки, посланного по почте. Мы ежедневно продолжали с Алешей объезд имения и пришли к соглашению по всем пунктам. До 1 января все доходы будут делиться пополам, а с Нового года, даже можно сказать с нового столетия, и отчетность, и управление будут совершенно отдельные. Мы несколько раз делали с Алешей подсчет, и оказывается, что до января обе половины дадут совершенно равный доход. Это стоило большого труда, и главное, трудно было все зерно и произведенную работу переложить на деньги. Насколько я теперь ознакомливаюсь с Твоим имением, мне сдается, что Ты со временем будешь богатою женщиною, особенно если проведут железную дорогу, о чем я в воскресенье поеду разузнавать у Шульца в Мамыкове. Теперь совершенно за бесценок идет лес, но, вероятно, со временем это изменится. Кроме леса можно увеличить доход расчисткой лугов. Завтра, после отъезда Алеши, начну подробный объезд Твоей части. Кроме подробного контроля каждого участка и каждой доходной статьи мне нужно решить еще важный вопрос о постройке на Твоей части хутора. Вероятно, выберу место на Елауровском поле, где и будет центр Твоего имения. Я очень рад, что Алеша разделяет мое мнение о Цинке: это умный, опытный администратор, прекрасно знающий имение и готовый на всякие нововведения. К несчастью, он стар и нужно дать ему помощника, чтобы на случай его смерти был бы готовый заместитель. Тоска сидеть тут одному – я надеюсь кончить все до пятницы 27 августа. Следовательно, 28-го я буду в Казани, а 29-го в воскресенье в Акшине². Я полагаю, что все успею там осмотреть в 2 дня – 30 и 31-го – и 1 сентября выеду в Москву. 2-го сентября буду от поезда до поезда в Денежникове³, а 3-го приеду в Москву, где пробуду 4-го для окончания всех поручений, а 5-го в воскресенье выеду в Колноберже, где расцелую Тебя в понедельник 6-го. Это, конечно, самое скорое, и расчет может оказаться неверным на 1, 2 дня. Как я буду безмерно счастлив опять в кабинете с Тобою вечерком. Какая счастливая наша жизнь. Душа моя! Тут, кроме вечной езды, визита муллы, посещение мечети, мельничихи... вот и все. Писать нечего. Напиши Алеше поблагодарить его за труды – он добросовестно и с любовью старался безобидно на пользу обеих вас одинаково. Из него вышел очень хороший и сердечный человек. Иначе и быть не может, раз он брат той, которая лучше всех на свете и которую я душу в своих объятиях.

20 августа 1899 г., Чулпановка

Вчера писал Тебе с Алешей, но так как завтра отправляется почта, то не могу снова не взяться за перо, чтобы поцеловать мою дудушку. Эта почта должна привезти письма от Тебя, и я жду их с лихорадочным нетерпением. Ведь это просто ужасно – быть отрезанным от Тебя таким расстоянием без почт и телеграфа. С трепетом думаю о вас и молюсь о сохранении моих сокровищ. Алешу проводил сегодня утром. Щипа ему нажарил на дорогу всякой всячины. Без него мне тут скучновато: у него нрав веселый, и для хозяйства он золотой советчик. Сегодня ездил в 6 часов утра до обеда с Цинком осматривать Киремет, в 2 часа пообедали, потом

заялись камеральными работами, пришел сын мельничихи, а в 4 часа снова с Цинком поехали на Елаур. Только что вернулись, теперь 7 ½ ч<асов>, сел писать Тебе, в 8 ½ ч<асов> поужинаю, еще позанимаюсь – запишу все результаты сегодняшних трудов, – а в 10 часов спать опять до 6 ч<асов> утра. Вот и день мой, даже взятые в Москве у Саши книжки некогда почитать. После 3 дней дождя погода опять хороша. Слава Богу, ходить сухо. Чем больше я знакомлюсь с Чулпановкою, тем более я убеждаюсь, что с капиталом, и особенно при условии проведения железной дороги, тут можно было бы добиться прекрасных результатов. Чтобы получить что-либо в будущем, и нам придется кое-что затратить. Мой план – увеличить луга, а именно: где лес растет по болотам, там его вырубить и расчистить место под луг. Болотный лес всегда дрянной, а на мокром месте луг может быть хорош. Между тем лес дает с десятины в год доход меньше 75 копеек в общем, а луга – по 5 рублей с десятины. Расчет простой. Кроме того, Алеша советует брать лыко в лесу, и я думаю, что это тоже даст хороший доход, но на все это нужно время. Вообще Алеша мне был очень полезен. Я здешнего хозяйства ведь совершенно не знаю, настолько оно не похоже на наше, а Алеша на нем собаку съел. Сегодня же я наметил место для хутора на Елауре, на берегу Темерлика <?>, в живописной местности. Это будет со временем центр нашей части имения. Наметил также целый ряд мелких преобразований. Вообще личный надзор необходим, и я думаю, что приезд мой принесет пользу, и этим утешаюсь в своем одиночестве. Как было бы приятно лет через 5 удвоить Твой доход.

Душка, мне так хотелось бы знать, что-то в эту минуту в уютном Твоем уголке? Верно, сидишь и читаешь моей Матульке. А Наташа и Еленочка уже раздеваются, Олёчек в рубашонке моет руки, а Арий⁵ тихо себе спит. Всех милых, дорогих осыпаю поцелуями, и Тебя, милую, давшую мне благословенную мою семейку, крепче и больше всех. В воскресенье после обедни отслужу в церкви молебен о вас всех и о Твоих. Надо дать заработать здешнему священнику, который очень мне понравился и, говорят, хорош. После обедни съезжу к Шульцу в Мамыково; сегодня написал ему с кучером, отвезшим Алешу, чтобы узнать, будет ли он дома. Алеша советовал прибавить Цинку жалованье, но я думаю на первый год для поощрения дать ему 50 р<ублей> награды. Прибавить всегда успеем. Целую Тебя, Христос с Тобою, хорошая моя, добрая, Оля, милая.

13 августа 1903 г., Саратов⁴

Дорогая, милая, я так счастлив – сегодня телеграмма, что все здоровы, и письмо, что Адинька⁶ улыбай<ется> и сходил хорошо. Меня по правде смущала Твоя боль в паху – ох, когда Ты будешь со мною, так буду покоен, это просто будет рай, и мне этот новый чистенький дом кажется будущим эльдорадо.

Пусть не гнетут Тебя мрачные мысли и предчувствия. Есть Бог, и обращение к Нему рассеивает все туманы. Надо жить хорошо, и все будет хорошо.

С радостью, мой ангел, приеду за Тобой в Москву. Стремлюсь к Тебе всеми силами души. Единственный тормоз во всем – это деньги. Я боюсь тратить лишнее. Тут все так дорого, или я не умел. Вчера обедало 2 человека, и счет поваришки 9 р<ублей> 65 к<опеек>. А обед из 4 блюд и пирожное, компот из яблок с черносливом.

В дом решил не ходить до среды, т. к., бывая ежедневно, нельзя судить об успешности. Теперь я задаю работы – лестницу через 3 дня и т. п. – и проверяю. В детских начали оклеивать обоями.

Что мне Тебе писать про себя? Кроме службы, ничего. Открыли театр, но я не был. Скучно все пробирать. Приходится очищать полицию и всех подтягивать. Завтра воскресенье – еду дня на два в уезд тоже пробирать полицию. 20-го числа созываю съезд исправников для разрешения разных вопросов по введению новой стражи. Потом у меня после 20-го еще срочная работа по губернской реформе, а в конце месяца думаю проехаться по Саратовскому уезду,

в котором еще не был. Это займет с неделю. В это время перенесут всё в новый дом, а потом ждем Тебя, свет моей жизни, радость моей души, и пойдут ласковые, чарующие теплые для сердца дни с Тобою, моею горячо любимую, и детками нашими. Любовь и труд – вот залог счастья в жизни.

Твой.

Откуда все узнают? Полицеймейстер меня сегодня удивил, спрашивая: ведь это комната Марьи Петровны?

12 октября <1903 г.>, Саратов

Дутик, я теряю голову – стук, гам, рабочие, все еще красится, подмазывается, заканчивается, и просвета не видно.

В одной из детских (в которой часть отобрана под лестницу и кот<орую> Ты думаешь отдать M-elle Sandy⁷) хотят еще перекрашивать пол, но я не хочу позволить, т. к. боюсь, что не высохнет и будет запах.

Завтра жду прислугу – купил 4 кровати и очистил для них комнату. Комната Казимира⁸ и Вацлава еще не готовы, завтра ее только оклеивают. В столовой снимут леса и начнут оклеивать во вторник. Мебель из Москвы выслана только 11-го, и не знаю, когда придет. Вещи из Колноберже, пеленальник и вообще вся вторая партия еще не пришла. Тебе придется жить на бивуаках.

Все пишу неутешительные вещи, но постараюсь что могу уладить и недоконченное наше гнездышко согреть любовью своею, чтобы Ты не заметила дефектов, которых масса.

Я посылаю тебе телеграмму про часы, так как в классную я повесил часы из старого дома, а столовая и лестница так красивы, что туда надо хорошие часы.

Я часто думаю про штейна и до тех пор не напишу его фамилии с большой буквы, пока не получу утешит<ельных> известий. Я шучу, а мне бесконечно больно, когда я думаю, что у всех деток может быть нужда в операции. Сегодня воскресенье, сидел у своего друга Гермогена. Я еще недели 2 после Твоего приезда думаю по утрам ходить принимать доклады и просителей в канцелярию, пока у нас все еще не устроено, но меня даже днем в воскресенье ловят между сундуками. Принял ли Алеша Седлец? Я его крепко люблю и желал бы для него русскую губернию, но пока не советую отказываться. Люблю, Твой.

Целую ручки Маме и обнимаю Сашу.

17 октября 1903 г., Саратов

Ангел, сегодня от Тебя нет письма, и я начинаю беспокоиться – может быть, я не так понял телеграмму и у Тебя не аферы, а какая-нибудь болезнь. Сегодня 17-е, день Твоего предполагавшегося приезда, и мне грустно, что я один. Если это аферы, то это, конечно, лучше, так как тут, в неустроенном доме, Ты бы хуже натрудилась бы. Ах, ангел, только бы я Тебя увидел здоровую.

Тут я все сержусь – мне все кажется, что ничего не подвигается и ничего не будет к Твоему приезду готово. Маляры кончают завтра сени, паркетчики кончены, но еще по комнатам проводят звонки, еще не кончены перила у винтовой лестницы.

Тоже и электричество еще не везде кончено. Боюсь, что от запаха краски голова у Тебя и у детей заболит, я уже привык, не чувствую.

Вообще я так боюсь, что не понравится Тебе, и столько я вложил в этот дом труда и хлопот, что он опротивел мне. Ничего я не умею делать без Тебя, все у меня вкривь и вкось. Меня напугал полицеймейстер, что зимою страшно дороги коренья и овощи, и я велел закупить всего, но, конечно, не поваришке, а каптенармусу полиции. Теперь весь погреб полон, и будут завтра еще шинковать капусту – я купил машинку.

Сегодня пришла корова – все для нее было куплено: горшки, ведро, цедилка. Ее доит Елизавета.

Повар требует каких-то сковород и еще чего-то. Я помню, что губернёр в прошлом году удивлялся, что я так много покупаю, а теперь не хватает. Он говорит, что очень много увезено в Колнобереже и там оставлено.

Кроме того, он требует посуду для людей и ножи и вилки для них. Куплю эмалированные, а ножи, вилки черные. Я тут присмотрел одного городского из солдат – тихий, покорный, непьющий и приличного вида. Не лучше ли такого подучить, чем брать балованного и испорченного? Ты решишь, а то буфетчика нет. Сегодня устал – похороны и молебен (17 окт<ября>). На похороны приехала Ольга Веселкина, племянница покойного. Вчера в театре играли великолепно «Развод Леонтьева», но для княжон пьеса скабрёзна.

Целую, душка, чем ближе свиданье, тем тяжелее разлука. Тоскую по Тебе. Но лучше посиди еще день в Москве, а не надрывайся. Люблю. Целую ручки Мама.

20 мая 1904 г., Саратов

Дутя, радость моя, хотя 12 ½ ч<асов> ночи, но я пишу два слова, чтобы не оставить Тебя без известий. Сейчас вернулся из Аткарского уезда и все благополучно кончил.

Вместо одного места пришлось поехать в два, т. к. накануне моего приезда крестьяне по соседству разобрали самовольно весь хлеб из хлебозапасного магазина.

Везде удалось выяснить зачинщиков и восстановить порядок: я просто потерял голос от внушений сходам. Мои молодцы казачки сразу внушают известный трепет. Слава Богу, удалось обойтись арестами, без порки. Теперь, надеюсь, все успокоится. Я так привык к вагону, что странно спать в кровати. Тут холода 6° и дожди – это для урожая великолепно. Письма от Тебя не нашел – всего было за все время 1 открытое из Колнобереже в день моего отъезда: вот даль!

Чегодаева водворена, отлично справляется, и, кажется, все остаются, даже не прочь остаться и Мыльников, но хочет, чтобы ее просили, одна Кокуева угрожает отставкою.

В столовой⁹ до 65 обедов в день, и все хвалят.

Прощай, ненаглядная, что-то в уютном Твоем уголке?

Как я люблю Тебя.

Деток и Тебя крепко целую.

Твой, люблю!

Миклашевского приговорили на 6 лет каторги.

2 июля 1904 г., Саратов

Дутик мой Олинъка, сегодня вернулся из Кузнецка и нашел три вкуснейших Твоих письма. Приехал я на несколько часов раньше, чем думал, так как в Кузнецке неожиданно мне было приказано сесть в царский поезд, так как государю угодно меня принять. Эффект на станции был полный, а Бреверн и Казимир, которых я взял с собою, были в упоении. Казимир всю ночь бродил по поезду, а Бреверн похудел от счастья. C'est une amabilité, de Котя Оболенский¹⁰, qui a arrangé cette affaire avec l'Empereur. L'Empereur lui a dit, qu' il etait très content de me voir et de me revoir³.

Он меня принял одного в своем кабинете, и я никогда не видел его таким разговорчивым. Он меня обворожил своею ласкою. Расспрашивал про крестьян, про земельный вопрос, про трудность управления. Обращался ко мне, например, так: «Ответьте мне, Столыпин, совершенно откровенно». Поездкою своею он очень доволен и сказал: «Когда видишь народ и эту мощь, то чувствуешь силу России». Но всего в письме и не напишешь. В заключение государь

³ Было очень любезно со стороны Коти Оболенского устроить дело с императором. Император сказал ему, что был бы очень рад подвезти меня и вновь увидеться со мною (франц.).

мне сказал: «Вы помните, когда я вас отправлял в Саратовскую губернию, то сказал вам, что даю вам эту губернию „поправить“, а теперь говорю: продолжайте действовать так же твердо, разумно и спокойно, как до сего времени». Затем совершенно серьезно он обещал мне приехать в Саратовскую губернию и в Балашовский уезд (!!). Он отлично помнил, что старшина сказал ему: «Не тужи, царь-батюшка».

Вообще эта аудиенция мне будет настолько же памятна, насколько была неожиданна. На всех станциях, где были встречные эшелоны, идущие на войну, государь даже поздно вечером выходил и говорил с солдатами.

В Кузнецке настолько же ко мне теплы, насколько холодны в Саратове.

Я должен был сняться с дамами Красного Креста, а предводительша поднесла мне маленький золотой жетон в память памятных дней. Был для меня и букет, но когда узнали, что я еду с царем, то просили отдать царю. Я через гр<афа> Гейдена водворил букет в салон царя и послал об этом телеграмму в Кузнецк. Я уверен, что телеграмма эта будет в рамке. Вечером пил чай с Гейденом и Котькою. Неприятно только разговор Коти про Сашу. У него, видимо, нелады с Ухтомским¹¹, да и Плеве, кажется, потребовал его ухода. Кажется, он накануне отставки и будто бы хочет перейти в «Новое время». Все это грустно, впрочем, скоро его увижу. Сюда приехал со мною Стремоухов (нач<альник> Главного тюр<емного> управления). Завтра он обедает у меня сам-три. Тут 21 поздравит<ельная> телеграмма к 29-му и милое письмо от моей милой девочки Мати. Прощай, сладкая моя прелесть, люблю Тебя и хочу к Тебе.

Сегодня приехал Нессельроде, просит ночевать у него в Царевщине во время ревизии.

Дутя, подробности аудиенции только для Тебя.

18 июля 1904 года. Пароход

<...> Вчера, чтобы быть чистым перед Тобою, я взял Кнолля¹² и поехал к Хрисанфу и в богадельню осмотреть ремонт. Мне кажется, Ты будешь довольна – дешево и хорошо. Я только приказал у Хрисанфа еще панели выкрасить масляною краскою, а в богадельне – крышу, которая иначе сгниет. Это все обойдется еще рублей в 75. Бедные Корбутовские, говорят, совсем разорены. Аносов (муж belle Hélène⁴) подал на них ко взысканию 25 т<ысяч> руб., и все кредиторы на них обрушиваются и описывают имение.

Вчера я как умел угостил отряд. Были пироги, холодная осетрина, телятина и компот. Выпили оставшиеся 2 бутылки шампанского. А санитаров накормил в комнате у Казимира. Кажется, все довольны. Вчера вечером получил телеграмму от кн<язя> Васильчикова (главноуполном<оченный> Кр<асного> Креста), что он внезапно ночью посетил наш госпиталь и все нашел в образцовом порядке, хотя масса раненых. Олсуфьева он назначил главным над всеми отрядами в Евгеньевке, а д<окто>ра Терновского – уполномоченным на место Олсуфьева. Храни всех вас Господь, драгоценные мои, милые. Целую, люблю.

4 марта 1905 г., С.-Петербург

Ангел, любовь моя. Как я чувствую Твое отсутствие – приходится решать такие капитальные вопросы, касающиеся всей семьи, одному. Теперь 6 ч<асов>, и перед тем как ехать обедать к Саше, наскоро пишу Тебе, так как вечером не успею. Сначала Москва: Саша производит все то же грустное впечатление, жалуется на Семена, что тот не дает ему сразу денег, вообще жалок. Он очень, кажется, тронут был Твоим подарком, хотя уверял, что напрасно. Я старался обласкать его, повез обедать в «Прагу» и накормил хорошим обедом. Семен будто бы дважды писал Тебе и даст мне с собою золоченый табурет. Саша проводил меня на вокзал, и уехал я из Москвы под грустным впечатлением, проехав мимо места убийства великого

⁴ Прекрасная Елена (франц.).

князя¹³. Приехал в Петербург – яркое солнце, движение на улицах, как будто бы и не нависла гроза над Россией.

Пока мылся, пришел Кнолль. Уверяет, что в Петербурге много говорят о моей деятельности, что он повсюду слышит разговоры обо мне. Послал его к Гунет!

Пошел постригся, встретил нашего П. Давыдова, который со слов Львова спел мне на улице похвальный дифирамб и придет ко мне вечером. Завтракал у Саши, который от Лопухина знал о сделанном мне предложении¹³ и написал длинное письмо в Саратов с уговорами принять. У Саши Муничка, собирающийся в Рим. Все они тоже говорят, что будто про саратовского губернатора много в Петербурге говора. На меня все это наводит грусть! Саша страшно уговаривает принять банк. Туда будто бы хотел Ватаци¹⁴, раньше чем попасть в тов<арищи> министра, просятся туда будто бы масса сановников. Он говорит, что надо теперь быть в Петербурге, чтоб оценили и проч. Муничка отговаривает: «Pour l'histoire Vous devez refuser, Vous appartenez à l'histoire»⁵. Идиот.

Ольга нашла немку и швейцарку, англичанки пока нет, но поедет еще к пастору.

В 2 ½ ч<аса> поехал к Пушкину и сидели до 4 ч<асов>. Он ужасно рекламирует свое место, повторил все, что мне уже писал, и удивляется моим колебаниям. Коковцов сказал ему, что он сам чиновник и поэтому хотел бы во главе банка не чиновника, а человека независимого, известного, с именем и положением, и поэтому остановился на мне.

Пушкин сказал, что министр очень меня ждет, и в телефон спросил, когда меня примет Коковцов, на что получил ответ, что сегодня в 5 часов. Квартира в банке хороша, но, конечно, тесна сравнительно с нашей, хотя, как сказал мне Коковцов, куда лучше квартиры министра финансов. Пушкин сегодня вечером пришлет мне подробный план. Очень красивая мраморная лестница и площадка наверху (подъезд особый). Зала белая со вделанными зеркалами, как у нас, но вдвое меньше нашей, аркою она отделяется от столовой. Маленькая угловая гостиная, два кабинета и приемная, соединяющая квартиру с банком. Потом коридор и по коридору, кажется, 10 комнат помимо, но светлых, т. к. выходят на широкий двор. Людских, он говорит, можно прибавить сколько угодно. На дворе сараи, конюшни, ледники, коровники. Для Петербурга, конечно, квартира рай, но после нашей покажется тесенька. В пять поехал к Коковцову.

Вот существо его и моей речей: я остановился на вас, сказал он, так как слышал о вашей деятельности и энергии, доложил государю, назвав 2 имени, и государь сказал, что выбор вас будет самый лучший, так как у вас твердо определенные взгляды и богатая энергия. Булыгин отпускает вас неохотно и сказал, что решение вопроса зависит исключительно от вас, решайте. Я ответил, что был удивлен предложением, хотел бы знать, что он от меня ждет, что я человек идеи, что служить делу, которому не верю, я не пойду, что я желаю знать, узко ли кредитное учреждение Крестьянский банк или государственно-землеустроительное, и затем, что я хочу выяснить еще у министра внутр<енних> дел вопрос, насколько удобен уход мой в тяжелый для губернии момент.

На это он мне сказал, что он смотрит на Крестьянский банк довольно широко, хотя не увлекается мыслью, что банк может разрешить вопрос о землепользовании крестьян во всем объеме, тем более что теперь война и нет денег, но что если он наметил меня, то оттого, что желает подойти к разрешению этого вопроса. Если бы было иначе, я взял бы одного из жаждущих этого места: Авраама ради Исаака, Исаака ради Иакова и т. д., ничего нет легче. В смысле самостоятельности на мой вопрос, не обращаюсь ли я в подмастерье, он мне ответил, что я буду хозяином дела, самая легкая и отдаленная подчиненность мне, министру, доклад раз в неделю, я, дескать, начальнического тона никогда не принимаю, о всех спорных вопросах всегда столкуемся и т. д.

⁵ Во имя истории вы должны отказаться, вы принадлежите истории (*франц.*).

На мое сомнение, что, уйдя из своего министерства, я сжигаю корабли и если мне тут не понравится, то опять труден будет переход в губернаторы, он ответил: вас с такою неохотою отпускают, что всегда радостно примут обратно. Наконец он сказал, что если заручится моим согласием, то согласен даже дать мне самых тяжелых 2–3 месяца еще погубернаторствовать в Саратове.

Ответ я должен дать ему в воскресенье. Вечером сегодня в 9 ¼ ч<асов> ждет меня Ватаца. У Саши будет Алеша Лопухин, который уходит губернатором в Ревель, а позже, после исповеди, придет туда Алеша Оболенский.

Кончаю, пора ехать.

Бедный-то Олсуфьев в плену у японцев, прочти заметку о нем Саши.

В заключение хочу вызвать Твою улыбку. Муничка говорит: теперь за границею стыдно быть русским, но за француза меня не примут, за англичанина трудно себя выдать, и я решил, переехав границу, притвориться... жидом, авось поверят.

Люблю, обожаю, целую.

Твой.

Напиши, принимать ли?

30 июня 1905 г., Саратов

Мое сокровище, я вернулся из Биклея сегодня утром и вот только теперь, в 9 ч<асов> вечера, улучил минутку Тебе написать.

Очень был рад тому, что Харизоменова нашла учительницу при помощи Ульрих: золотая медаль, скромная и из хорошей семьи – отец был военный врач. Завтра она приезжает. Я был у Харизоменовой и дал 30 р<ублей> на дорогу. Когда я приехал, то нашел на столе громадный именинный крендель, украшенный цветами, от Харизоменовой и массу телеграмм, между прочим, от матушки Елены и Булгак из Крестноготока (значит, она приближается к Колноб<ер-же>) и от Бартельсена по дороге на войну.

Про уезд лучше не писать Тебе: две усадьбы сожжены и разграблены, так что пахать можно. Это у барона Ховена и Киндяковых. Крестьяне хотят идти жечь и грабить дальше, но посланные мною драгуны остановили движение своим появлением. На мои вопросы – «знать не знаем и ведать не ведаем».

Соседние деревни террориз<иро>ваны, т. к. и их хотят жечь, если они не примкнут к движению. Помещики в панике отправляли в город имущество, жен и детей. В других уездах тоже вспыхивает то тут, то там. Еле успеваешь посылать войска, которых мало, и долго ли еще можно рассчитывать на войска после «Потемкина»¹⁵?

А господа земцы готовят сюрпризы: врачи Балашовского уезда решили, что недовольны тем, что я не исполнил их требования, и все с 15 июля выходят в отставку – бросают больницы, амбулатории, уходят и все 40 фельдшеров. К ним присоединяются 3 уезда, а затем, вероятно, вся губерния.

Я не теряю самообладания и надеюсь на Бога. В этом деле я прав и думаю, что большинство благоразумн<ых> людей осудит врачей и они провалятся. Само селение, я думаю, обернется против них, и им не удастся сыграть в руку революции. Я прошу еще полк казаков в губернию и не теряю надежды поддержать порядок.

Твои письма – моя утеха и услада. Целую моего сына за поздравление.

Гаврюша с женою делают прощальные визиты, он со мною очень любезен et fait bonne mine à mauvais jeu⁶. Харизоменова мне сказала, что учительница просит 35 р<ублей> и Ты согласна, а я-то послал телеграмму, ну да я из ответа узнал, что все вы, дорогие, здоровы. Что это за сибирки на лошадях? Алеша пишет длинные письма из Анненкова. Дутя, я в день

⁶ И делает хорошую мину при плохой игре (*франц.*).

своих именин обедал в 8 ч<асов> вечера после целого дня езды кофеем и яйцами всмятку. Вот так фунт. Сейчас идет последнее ликвидац<ионное> собрание санитарного общества, на котор<ом> ожидаю скандалов и ругани против меня.

Твой.

3 июля 1905 г., Саратов

Моя ненаглядная, сегодня выспался до 8 1/2 ч<асов>., т. к. воскресенье, вчера отдохнул немного в театре на «Джентльмене» и сегодня чувствую себя бодро и хорошо, тем более что свежо и все последние дни идут хорошие дожди.

Сам «Джентльмен» играли оч<ень> хорошо, и я вспомнил, что Ты любила эту пьесу. В ложе были Кнолли, Арбнев, и потом пришел Корбутовский. В антракте пили чай. Сегодня был у меня Букарь, очень Тебя любит и кланяется.

В губернии крупного за последние дни ничего не было, кроме забастовок в имениях и угроз, но мне посылают еще казаков. Теперь острый вопрос с докторами – эта докторская драма должна разрешиться до 15 июля. Я послал весьма умеренный ответ, в котором отмечаю, что различаю два течения – прогрессивное и разрушительное – и борюсь только против последнего и не верю, что врачи хотят подать руку элементам разрушения и насилия, и, несмотря на какие бы то ни было угрозы, я свой долг исполню и сохраняю порядок и спокойствие, которых властно требует общество для проведения реформ. Вместе с тем я готовлю туда врачей (нашел уже четверых), надеюсь, что несколько человек получу из Петербурга и пошлю их в уезды с сестрами милосердия.

Бог поможет мне, надеюсь, выйти и из этого затруднения.

Были сегодня в Галкинском приюте, смотрели забор, который хорош, дети здоровы, Лейкиной я приказал до возвращения ее отца с войны не переводить в православие. Она очень на вид истощенная – кажется, у нее английская болезнь.

Мне так жаль, что я не вижу, как развивается мой сыночек. Так тянет к Тебе, солнцу моей жизни.

Что наши лошадки?

Целую Тебя, цветик Ты мой, когда-то расцелую Тебя «всурьез», как говорят мужики?

Люблю.

Кто пишет адреса? Я сначала пренебрежительно смотрел на эти конверты и открытки и открывал их последними. Сегодня нет письма – такая обида.

12 <июля> 1905 г. Петровск<ая> станция

Дорогая моя, сегодня день Твоего рождения. Нежно, нежно целую и грущу о разлуке.

2 последних дня делал по 100 верст, и не было времени и возможности писать. Третьего дня ночевал у Дубенского. Тебе кланяются его сумасшедшая сестра Саня и старушка Богдановская.

Вчера обедал у Кропотова и затем ездил с ним два дня. Ночевал у Ознобишина – красивый старинный дом.

Меня огорчает поведение здешнего земства – собрали крестьян на экономический совет и говорили против губернатора, земских начальников, священников, решили, что надо всю землю землевладельцев поделить и уничтожить войско. Это постановление они отпечатали и рассылают по уезду.

Я по телеграфу выписал Микулина и Паперацева сюда и потребовал начатия дела, хотя бы пришлось арестовать всю управу. Будет всероссийский скандал. А 15 июля губернское собрание и, вероятно, новые скандалы.

Тут мужики террориз<иро>ваны шайками мужиков, жгущих, безобразничающих и грозящих всем. Пришел полк казаков – без них не сохранили бы порядка.

У помещиков паника, но крестьяне в общем еще царелюбивы.

Платья себе и Мате у Херзе закажи непременно – *c'est une chance de l'avoir si près*⁷. В Саратове – перевод деньгам. Иметь хоть по 2 платья, но приличные. 600 руб. дешево.

Целую, люблю бесконечно.

Телеграмма

22. VII. 1905 г. Из Балашова

Сегодня [в] Балашове погромчески настроенная толпа [напала] на врачей, которых мне всех удалось спасти, несколько врачей избито, два дома разгромлены. Защищая врачей, и я получил незначительный ушиб пальца. Совершенно здоров.

16 октября 1905 г. Между Нижним [Новгородом] и Казанью

Безо всякой надежды, чтобы письмо пришло, по крайней мере в скором времени, пишу Тебе, дорогое мое сокровище, ангел мой. Видимо, придется нам перетерпеть многое – Господь Бог послал мне утешение перед длиною, видимо, разлукою наглядеться на вас, дорогие, бесценные мои, провести с вами три чудные недели. Я почерпнул в этом крепость и силу и молю Бога, чтоб он оградил меня от пролития крови. Да ниспошлет Он мне разум, стойкость и бодрость духа, чтобы в той части родины, которая вверена мне в этот исторический момент, кризис удалось провести безболезненно.

Долго мы теперь не увидимся, в Нижнем говорят, что до января едва ли восстановится правильное движение. А ты-то все вещи отправила в Саратов, и теплого-то у Тебя и детей нет ничего. Самое больное то, что сегодня в Нижнем уже отказались принять телеграмму в Кейданы, так как провод на Москву перерезан. Я телеграфировал Саше, чтобы он, если можно, из Петербурга телеграфировал Тебе, а потом я поехал к Фредериксу (Унтербергера нет), чтобы он просил начальника телеграфа телеграмму Тебе отправить по возможности через Петербург. Ужасно будет, если совершенно между нами перервутся сообщения. Надеюсь на Бога. Я знаю Тебя в эти моменты! Знаю, какую Ты приносишь жертву детям, оставаясь далеко от меня в эти минуты. Но мы оба исполняем свой долг, и Господь Бог спасет нас.

В Нижнем сравнительно спокойно, и если бы не забастовка железных дорог, то по внешнему виду города трудно было бы думать, что происходит нечто грозное. Фредерикс рассказывал, что недавно бросили бомбу в патруль, но больших скандалов нет.

Бедный Кноль телеграфирует нехорошие вещи. Он разогнал несколько митингов, требовавших вооруженного нападения на правит<ельственные> учреждения, казначейство, оружейные магазины и проч<ее>.

Я воспользовался у Фредерикса министерским шифром и телеграфировал Булыгину, прося, пока не кончилась навигация, прислать из Астрахани еще войск. Косичу же телеграфировал, чтобы он мне прислал на пароход уполномоченное лицо: во время стоянки в Казани надеюсь убедить его выслать мне еще войск.

В Самаре повидаю Засядко: там была грандиозная демонстрация с красными флагами.

Передо мною все веселенькая рожица Адули: раз, два, три, четыре, пять. Когда-то я всех любимых своих расцелую.

Я еду на прекрасном пароходе, пассажиров почти нет, но обдумывать будущее почти не могу, мысли мои все в недавнем прошлом, которое мне кажется волшеббно-счастливым покоем, каким-то чудным перерывом в тревожной действительности. Люблю.

Твой.

Телеграмма

⁷ Это такая удача, что он находится поблизости (*франц.*).

23 октября 1905 г. Из Саратова

Здоров, [в] городе спокойно. Крупные беспорядки [в] уездах.

Целую, писать некогда.

<28 октября 1905 г.>

Милая, душка моя, хотя я изнурен работою с 8 утра без отдыха до 1 ч<аса> ночи (а еще папки с бумагами не тронуты), но хочу поцеловать Тебя.

Дела идут плохо. Сплошной мятеж в пяти уездах. Почти ни одной уцелевшей усадьбы. Поезда переполнены бегущими, почти раздетыми помещиками. На такое громадное пространство губернии войск мало, и они прибывают медленно. Пугачевщина! В городе все спокойно, я теперь безопаснее, чем когда-либо, т. к. чувствую, что на мне все держится и что, если меня тронут, возобновится удвоенный погром.

В уезд выеду, конечно, только с войсками – теперь иначе нет смысла.

До чего мы дошли. Убытки – десятки миллионов. Сгорели Зубриловка, Хованщина и масса исторических усадеб.

Шайки вполне организованы.

Целую, обожаю Тебя, ангел.

Деток целую.

29 октября 1905 г., Саратов

Два слова моей душке. Теперь 2 ½ ч<аса> ночи, и я с 8 утра за письм<енным> столом. Напрягаю все силы моей памяти и разума, чтобы все сделать для удержания мятежа, охватившего всю почти губернию. Все жгут, грабят, помещики посажены, некот<орые> в арестантские, мятежниками, стреляют, бросают какие-то бомбы. Крестьяне кое-где сами возмущаются и сегодня в одном селе перерезали 40 агитаторов.

Приходится солдатам стрелять, хотя редко, но я должен это делать, чтобы остановить течение. Войск совсем мало. Господи, помоги!

В уезд не могу ехать, т. к. все нити в моих руках и выпустить их не могу. У Кнолля нарыв в ухе, но он завтра поедет.

Движение восстанавливается, и скоро пришлю вагон.

Люблю. Твой.

Не верь газетной утке, что мне предложили пост министра внутр<енних> дел. Слава Богу, ничего не предлагали, и я думаю о том, как бы с честью уйти, потушив с Божьею помощью пожар.

От Тебя три дня ничего – меня это мучает.

30 октября 1905 г., Саратов

Драгоценная, целую Тебя перед сном. Теперь час ночи – работаю с 8 час<ов> утра!

В приемной временная канцелярия, писцы работают на ремингтонах. Околоточные дежурят и ночью. И вся работа бесплодна. Пугачевщина растет – всё жгут, уничтожают, а теперь уже и убивают. Во главе шаек лица, переодетые в мундиры с орденами. Войск совсем мало, и я их так мучаю, что они скоро все слягут. Всю ночь говорим по аппарату телеграфному с разными станциями и рассылаем пулеметы. Сегодня послал в Ртищево 2 пушки. Слава Богу, охраняем еще железнодорож<оружный> путь. Приезжает от государя ген<ерал>-ад<ъютант> Сахаров¹⁶. Но чем он нам поможет, когда нужны войска, – до их прихода, если придут, все будет уничтожено. Вчера в селе Малиновке осквернен был храм, в котором зарезали корову и испражнялись на Николая Чудотворца. Другие деревни возмутились и вырезали 40 человек. Малочисленные казаки зарубают крестьян, но это не отрезвляет.

Я, к сожалению, не могу выехать из города, так как все нити в моих руках. Город совсем спокоен, вид обычный. Ежедневно гуляю. Не бойся, меня охраняют, хотя никогда еще я не был так безопасен. Революционеры знают, что если хоть один волос падет с моей головы, народ их всех пережрет.

Лишь бы пережить это время и уйти в отставку, довольно я послужил, больше требовать с одного человека нельзя, а сознать, что, что бы ни сделал, свора, завладевшая общественным мнением, оплоет. Уже подлая здешняя пресса меня, спасшего город (говорю это сознательно), обвиняет в организации черной сотни.

Я совершенно спокоен, уповаю на Бога, который нас никогда не оставлял. Я думаю, что проливаемая кровь не падет на меня, и Ты, мой обожаемый ангел, не падай духом. Быть может, это местное явление – всё сожгут и пройдет. Я обожду, если пройдет острый кризис, вышлю вагон; пока у вас безопаснее. Если дело ухудшится, вышлю заграничный паспорт, отправлю вас в Берлин.

31 октября 1905 г., Саратов

Олинька моя, кажется, ужасы нашей революции превзойдут ужасы французской. Вчера в Петровском уезде во время погрома имения Аплечеева казаки (50 человек) разогнали тысячную толпу, 20 убитых, много раненых. У Васильчикова 3 убитых. Еще в разных местах 4. А в Малиновке крестьяне по приговору перед церковью забили насмерть 42 человека за осквернение святыни. Глава шайки был в мундире, отнятом у полковника, местного помещика. Его тоже казнили, а трех интеллигентов держат под караулом до прибытия высшей власти. Местные крестьяне двух партий воюют друг с другом. Жизнь уже не считается ни во что. Я рад приезду Сахарова – все это кровопролитие не будет на моей ответственности.

А еще много прольется крови.

В городе завтра хоронят убитого рабочего и готовится опять манифестация – весь гарнизон на ногах.

Дай Бог пережить все это.

Целую Тебя много, нежно, и деток.

Как только уляжется, вышлю вагон.

Сахарова приглашу жить у нас.

В. И. Гурко **Черты и силуэты прошлого**

Первое министерство И. Л. Горемыкина и Государственная дума первого созыва (23 апреля – 9 июня 1906 г.)

Кратковременное, продолжавшееся всего два с половиною месяца министерство Горемыкина¹, решившее роспуск Первой Государственной думы и одновременно с нею сошедшее со сцены, по своему личному составу отличалось прежде всего пестротой и раздвоенностью. Не заключая в себе, в сущности, за исключением Извольского², ни одного искреннего сторонника конституционного образа правления, оно имело, однако, в своей среде лиц, примирившихся с произведенной реформой, признавших ее не могущим быть измененным фактом и потому желавших, при возможно меньшем числе уступок народному представительству, в особенности в области присвоенной им власти, установить с ним сносный *modus vivendi*⁸, так или иначе с ним сговориться. Но были и такие члены нового кабинета, которые не хотели отречься от основного положения – царь самодержавный – и потому стремившиеся, в сущности, не к совместной работе с Государственной думой, а к углублению того антагонизма, который ясно проявлялся с первого же дня заседаний Государственной думы между народными представителями и короной, с тем чтобы в результате покончить с конституционной идеей и вернуться к прежнему порядку неограниченного произвола.

Странное положение занял при этом председатель Совета министров Горемыкин. Враг всяких решительных мер, склонный предоставлять ход событий их естественному развитию, бессознательный поклонник формулы *laissez faire, laissez aller*⁹, Горемыкин отнюдь не стремился к фактическому упразднению Манифеста 17 октября и его естественных последствий. Напору общественности он хотел противопоставить не активную, действенную силу, а спокойное, но упрямое пассивное сопротивление. Что касается до способа правления государством и требуемых реформ, то первый он полагал сохранить в полной неприкосновенности, а вторые осуществить сколь можно в меньшем количестве и притом сколь можно менее вносящих в народную жизнь какие-либо существенные изменения. Государственную думу он хотел ограничить рамками, определенными законом: рассматривай новые законопроекты: «Не примешь – останемся при старых».

В лице своих сотрудников-министров он желал иметь лиц, себе послушных, более или менее знающих порученную им область управления, разумеется, не склонных к либерализму, а тем более к осуществлению радикальных реформ, и прежде всего боялся людей с инициативой и пылом, причем мало интересовался их отношением к состоявшемуся изменению образа государственного правления. Сам он с места решил как бы игнорировать существование Государственной думы и, во всяком случае, ни в какие сношения ни с ее председателями, ни с отдельными ее членами не входить. «Пусть выкричатся», – говорил он. Идея сговора правительства с Государственной думой ему была абсолютно чужда. Он с места решил, что такой сговор неосуществим и потому полагал, что всякие попытки в этом отношении бесплодны, а пожалуй, даже и вредны, ибо будут знаменовать некоторую капитуляцию власти, а последнего он совершенно не допускал, будучи уверен, что малейшая капитуляция приведет в конечном результате к ее гибели.

⁸ Способ сосуществования (*лат.*).

⁹ Предоставлять свободу действия (*франц.*).

Интересуясь с давних пор вопросами иностранной политики (его мечтой, по-видимому, было занятие поста посланника в одном из главных европейских центров), он на них в особенности хотел сосредоточить свое внимание, не допуская в этой области никакого вторжения народного представительства. Политику гр. Ламздорфа³ Горемыкин почитал за в корне неверную, и поэтому первой заботой его было подыскание такого министра иностранных дел, который проводил бы те взгляды, которые он бы ему внушал.

Природный лентяй, он не хотел взять никакого портфеля, а ограничиться проведением своих мыслей. Доклады ненавидел.

Зная или, вернее, предполагая, что государь в особенности дорожит именно гр. Ламздорфом, он решил, что может от него избавиться, лишь выставив перед государем необходимость предстать перед Государственной думой с абсолютно новым составом кабинета, за исключением тех министров, назначение которых должно происходить вне всякого влияния на их выбор председателя Совета министров, а именно военного, морского и императорского двора, и всецело исходить от самого престола. Таким образом, должен был с самого начала утвердиться принцип зависимости всех министров, за исключением помянутых трех, от главы правительства. Велико было удивление Горемыкина, которое он мне сам высказал, изложив тут же причину, побудившую его набрать новый состав всего кабинета, когда государь на его предложение заменить Ламздорфа новым лицом не оказал ни малейшего сопротивления. Тут, однако, выразилась одна из типичных черт Николая II – полнейшее странное равнодушие к самым личностям своих главных сотрудников. Некоторых из них он со временем не возлюбил, так было с Витте, а затем со Столыпиным, причем произошло это главным образом вследствие того чувства их умственного и волевого превосходства над ним, которое он испытывал, но любить, испытывать чувство душевной привязанности к окружающим его лицам он не был способен и расставался с ними без всякого сожаления. Так это было не только с министрами, с преобладающим большинством которых он имел лишь строго официальные отношения и вне докладов совсем не видел, но и с лицами его ближайшего окружения, введенных по роду их служебных обязанностей в интимную жизнь царской семьи. С получением нового назначения, удаляющего их от непосредственной близости к царской семье, они сразу исключались из интимности и о самом их существовании как бы забывалось.

<...> Но если Горемыкину удалось легко сменить старых министров, то это вовсе не означает, что выбор новых министров зависел всецело от него. Так, прежде всего выбор министра внутренних дел был сделан самим государем, причем царь счел нужным лишь считаться в этом вопросе с мнением председателя Совета.

Вернувшись с первого по назначению доклада у государя, Горемыкин вызвал меня к себе и, рассказав о предположении царя назначить Столыпина министром внутренних дел, спросил меня, что я могу про него сказать. Сам Горемыкин его вовсе не знал. С своей стороны я сказал, что Столыпина я знаю весьма мало, имел с ним дело лишь однажды, когда он приезжал в Петербург с проектом переселения крестьян селений, входивших в состав Беловежской Пуши, на другие земли в видах прекращения бесконечных претензий этих крестьян на будто бы производившиеся зубрами Пуши в их полях опустошения. Произвел он на меня тогда впечатление человека неглупого, но вместе с тем и не выдающегося, не умеющего даже плавно излагать факты и соображения, что касается его личной репутации, то она безупречна.

Прошло, однако, лишь два дня, и Горемыкин меня вновь вызвал и сказал, что государь останавливается ныне на другом кандидате на пост министра внутренних дел, а именно на смоленском губернаторе Н. А. Звегинцове⁴. «Мне, – сказал Горемыкин, – предстоит ныне сделать выбор между Столыпиным и Звегинцовым. Что вы скажете?» На это я ответил, что между этими двумя лицами выбирать не приходится. Звегинцов, по общим отзывам, весьма неглупый и ловкий человек, но в денежном отношении пользуется весьма плохой репутацией. Будучи

предводителем одного из уездов Воронежской губернии, он растратил суммы губернской дворянской [опеки], а ныне по должности смоленского губернатора слывет за взяточника.

В результате тут же Горемыкиным была послана телеграмма, вызывавшая в Петербург Столыпина, которого я увидел тотчас по его приезде. Объяснив ему цель его вызова и что он должен на следующий же день представиться государю, я воспользовался этим случаем, чтобы постараться убедить его, что без упразднения общины Россия дольше мирно развиваться не может и что чрезвычайно важно ему тотчас заручиться согласием государя на эту меру. Но, увы, тут же я убедился, что Столыпин совершенно не в курсе этого вопроса и даже плохо понимает, что такое земельная община. Он мне стал говорить о каких-то стародушных и младодушных, и я сразу убедился, что у него пока что весьма узкий провинциальный кругозор.

Тем не менее, вернувшись на другой день от государя, Столыпин мне сказал, что он высказал государю мысль о необходимости перевода крестьянского землевладения на право личной собственности и возражений не встретил. Одновременно Столыпин сказал, что он сначала отказывался от предлагаемого ему поста, когда же государь сказал, что это его непереносимое желание, то он, высказав, что для него как верноподданного желание царя священо, поцеловал у него руку. В это время обаяние царя и царской власти вдали от столицы в дворянских кругах было еще живо и крепко.

Что сказать про Столыпина, сыгравшего, несомненно, значительную роль за те несколько лет, что он был у власти?

Как это ни странно, но Столыпин, избранный из среды губернской администрации и имевший довольно продолжительный административный опыт, был гораздо ближе к политическому деятелю, нежели к администратору. У него прежде всего совершенно отсутствовало умение разбираться между людьми и, следовательно, подбора сотрудников.

Сотрудники, выбранные им из среды саратовских сослуживцев, отличались и умственной ограниченностью (например, взятый им в товарищи, впоследствии заменивший его на посту министра внутренних дел А. А. Макаров⁵), и двуличным подхалимством (как назначенный им управляющим его канцелярией И. И. Кнолль), и просто бездарностью (как переведенный им из Саратова чиновник особых поручений Голованов и посаженный им в директора департамента полиции Белецкий – самарский вице-губернатор). Не более счастлив был он и в выборе лиц из среды петербургской бюрократии – как, например, А. И. Лыкошин – ничтожная козявка, лишенная самостоятельности мысли и воли, ровно как П. Г. Курлов⁶ – умный, ловкий, но совершенно беспринципный пройдоха, незаметно для самого Столыпина не только его обошедший, но сумевший его развенчать в представлении Николая II.

Однако и в качестве политического деятеля у Столыпина был серьезный пробел, а именно полнейшее отсутствие какой-либо собственной, строго продуманной, сколько-нибудь целостной программы.

Прибыв в Петербург, у него было только весьма туманное в смысле способа его осуществления стремление примирить общественность с государственной властью. Политику примирения он стремился проводить и в своих отношениях с земскими деятелями в Саратовской губернии и успел там завоевать их симпатии. С этой провинциальной меркой он и появился в Петербурге и, несомненно, мечтал в первое время идти тем же путем и в отношении Государственной думы, с которой с места стремился установить некоторые личные связи через посредство знакомых ему членов Думы от Саратовской губернии, в особенности Н. Н. Львова⁷. У Столыпина был нюх – познаний не было.

С удивительной быстротой разобрался Столыпин в петербургской придворной и бюрократической сложной обстановке и сумел быстро завязать связи с теми кругами и лицами, которые были наиболее влиятельны, в чем ему помогло его обширное родство, причем делал

он это не ради укрепления своего личного положения, а в целях успешного осуществления своих политических предположений.

Дело в том, что поскольку под конец своей государственной деятельности Столыпин, отравленный длительным пребыванием у власти, цеплялся за эту власть и готов был многим поступиться ради ее сохранения, постольку в течение довольно продолжительного периода он не обнаруживал никакой склонности идти на уступки в целях сохранения министерского поста. Не проявлял он и сомнений, что у него впоследствии развилось.

Если Столыпин вполне постигал значение общественной психологии и зависимость от того или иного ее отношения к правительству прочности государственного строя и даже земского мира, то народные нужды и те органические реформы, которые были необходимы для успешного развития страны, ему были совершенно неведомы, и он едва ли даже задумывался над ними. Во всяком случае собственных определенных мнений и предначертаний он не имел, а ограничивался тем, что прислушивался к чужим мнениям и выбирал из них те, которые казались ему наиболее отвечающими в данное время общественным чаяниям наиболее государственно настроенных элементов, причем и здесь для него решающее значение имели не самые реформы и их фактические последствия, а то, поскольку они встретят общественное сочувствие и тем укрепят положение власти, ибо центральной его заботой за все время его нахождения у власти было именно укрепление власти.

Невзирая на такое одностороннее направление его мыслей, Столыпин был тем не менее выдающимся государственным деятелем. Он принадлежал к тем редким, избранным натурам, которые одарены какой-то непостижимой по ее происхождению внутренней интуицией. Решения, к которым он приходил, не были основаны на глубоком анализе существующего положения, не были они и результатом какой-либо государственной доктрины, с которыми он к тому же не был вовсе ознакомлен. Естественник по образованию, его познания в области политических и тем более экономических теорий были более чем скудны, чтобы не сказать, что они совершенно отсутствовали. Но внутренняя интуиция у него была чрезвычайно развита. Каким-то особым чутьем он угадывал среди многочисленных, разноречивых и даже противоположных, со всех сторон к нему притекавших предположений встречающие наибольшее общественное сочувствие тех элементов, на которых государственная власть могла утвердить свое существование, смело и решительно их себе присваивал и энергично их проводил. Наиболее ярким примером в этом отношении явилось проведение им реформы земельного уклада русского крестьянства, что я рассчитываю рассказать в дальнейшем изложении. Его постепенный переход от сближения с правым крылом кадетизма к решительной поддержке октябристов, а затем и националистов также был обусловлен его внутренним чутьем, подсказавшим ему, что культурные, патриотически настроенные элементы страны по мере укрепления деятельности Государственной думы все более склонялись к умеренно прогрессивной эволюции, определенно окрашенной национальным духом.

Кроме врожденной интуиции – этого высшего качества истинно государственных деятелей – Столыпин обладал и другим свойством – способностью вселять в своих слушателей и вообще в лиц, с которыми он имел дело, уверенность в искренности высказываемых им суждений. Какими-то невидимыми флюидами он привлекал к себе людей и внушал к себе доверие и даже привязанность. В сущности, Столыпин был рожден для роли лидера крупной политической партии, и, родись он в стране с упрочившимся парламентарным строем, он, несомненно, таковым и был бы. Здесь ему не помешало бы даже его неумение разбираться в людях и выбирать способных сотрудников: таких сотрудников выдвинула бы сама партия, которою он бы руководил, и он их, волею или неволею, привлек бы к сотрудничеству, как стоя у власти, так и находясь в оппозиции. Этот коренной недостаток Столыпина – неумение выбирать сотрудников – в стране, не утратившей еще многие черты абсолютной монархии, был главной причиной того, что Столыпину удалось лишь укрепить в России положение власти, поднять ее

ореол и значение, но было весьма мало осуществлено коренных преобразований в области местного управления, суда, а тем более в экономической области. В стране со строго парламентским режимом этот недостаток был бы совершенно парализован работой общественности и тем естественным подбором, который происходит между людьми, открыто выступающими и борющимися с противоположными им политическими течениями на общественной арене. Оратором он был пылким, но речи его составлялись другими лицами.

Само собою разумеется, что все основные свойства Столыпина выяснились не сразу. В министерстве Горемыкина Столыпин как-то, едва ли не сознательно, ступшевался. В заседаниях Совета министров он хранил упорное молчание, быть может, сознавая свою неопытность в государственных делах широкого масштаба. Действительно, в этот период самый язык Столыпина, приводимые им аргументы и примеры отличались определенным провинциализмом. Сказывалось это в особенности во время докладов его ближайших сотрудников по Министерству внутренних дел. Тут с его уст нередко слетали слова «у нас в Саратове» или «у нас в Гродно» (где он был губернатором до перевода в Саратов), «дела решались так-то и так-то», и общегосударственный масштаб подведомственных ему дел далеко не сразу уложился в его сознании. Но зато он сразу обнаружил, как я уже упомянул, умение разбираться в перекрещивающихся в то бурное время влияниях как на престол, так и на общественное мнение и едва ли не с первого же месяца назначения министром наметил себе задачей превращение во главу всего правительства. Эту линию он сумел провести и тонко, и умно, причем сумел даже перехитрить хитроумного Улисса – Горемыкина. Однако, по моему глубокому убеждению, толкало его на занятие поста председателя Совета министров не честолюбие, а отрицательное отношение к Горемыкину, бездеятельность которого ему стала сразу ясна, и убеждение, что, только став у центрального кормила власти, возможно проводить ту внутреннюю политику, которая формально возложена на одного министра внутренних дел, а фактически зависит от совокупной, согласованной деятельности всех министров. Его толкали на это его родство и члены Думы. Еще раз скажу, в начале своей государственной деятельности Столыпин лично для себя не дорожил своим положением и ставил условием своего участия в правительственном составе возможность проводить те положения, которые он считал правильными и спасительными. Так, поначалу мне неоднократно случалось от него слышать заявление такого рода, что-де не он стремился к власти, что его вызвали из провинции без всякого его участия в этом деле, что он, наоборот, отказывался у царя от предлагавшегося ему поста и что он безо всякого сожаления уйдет, если его образ действий будет признан неправильным. Министром он был плохим и развалил министерство как аппарат – департаменты делали что хотели. <...>

Министерство Столыпина. Вторая и Третья Государственные думы (9 июня 1906 г. – 11 сентября 1911 г.)

За то шестилетие⁸, в течение которого во главе правительства находился П. А. Столыпин, политика, им проводимая, испытала значительные метаморфозы. Становясь у кормила государственного корабля, Столыпин мечтал привлечь в свой кабинет видных представителей того перводумского большинства, с которым при наличности Государственной думы ему сговориться не удалось, а именно некоторых из главарей кадетской партии. Поездка этих главарей после роспуска Государственной думы в Выборг и выпуск ими там известного Выборгского воззвания, призывавшего население к неплатежу податей и налогов и к уклонению от исполнения воинской повинности, привели к тому, что всякий сговор с ними оказался недопустимым. Привлекать к власти людей, которые открыто призывали население к борьбе с существующим правительством, очевидно, не отвечало достоинству государственной власти. Пришлось взять шаг вправо и обратиться к непосредственно стоящим вправо от кадет лидерам оппозиции, а именно к главарям весьма немногочисленной партии демократических реформ, отличавшейся

от кадет не столько по программе отстаиваемых ею государственных преобразований, сколько по способу их осуществления: кадеты не отрицали революционного метода их осуществления и в соответствии с тем находились в тесном контакте с партиями социалистическими, которые должны были для них таскать каштаны из огня.

Члены партии демократических реформ революционные методы начисто отрицали, с террором примириться не могли, а потому никакого дела с главарями партий, действующих из подполья, иметь не желали. Не чужды они были и мысли вступить в соглашение с правительством и даже войти в его состав при условии, если представители короны обяжутся осуществить наиболее важные пункты их программы. В соответствии с этим призванные Столыпиным мирнообновленцы гр. Гейден⁹ и Н. Н. Львов поначалу охотно пошли на переговоры с Столыпиным, тем более что один из них – Н. Н. Львов – саратовский землевладелец – был близок к Столыпину еще по Саратову, причем был даже ему обязан тем, что Столыпин его спас в Балашове, куда он лично с этой целью поехал, от ярости толпы, настроенной какими-то удивительными путями весьма право, чтобы не сказать черносотенно.

Однако начавшиеся весьма благополучно переговоры между Столыпиным и упомянутыми двумя мирнообновленцами весьма скоро осложнились. В курсе этих переговоров я не был и посему сказать про них ничего не могу. Знаю лишь, что Столыпин шел на значительные уступки. Вновь возникла кандидатура А. Ф. Кони¹⁰ на пост министра юстиции. Кроме двух министерских вакансий, получившихся от увольнения Ширинского и Стишинского, которые Столыпин предполагал заместить общественными деятелями в течение этих переговоров, Столыпин готов был еще предоставить общественности и пост государственного контролера. Был момент, когда соглашение с общественными деятелями Столыпиным почиталось за окончательно состоявшееся – и внезапно все разрушилось; почему – не знаю. Произошло это, во всяком случае, со дня на день. Сужу об этом по следующему сохранившемуся в моей памяти довольно мелкому обстоятельству. Однажды, приблизительно через неделю после назначения Столыпина, ко мне зашел П. Х. Шванебах¹¹ и объяснил мне, что ему только что Столыпин сказал, что по состоявшемуся у него соглашению с некоторыми общественными деятелями он согласился на предоставление между прочим поста государственного секретаря Д. Н. Шипову¹² (а может быть, гр. Гейдену – точно не помню) и что посему ему, Шванебаху, придется покинуть этот пост. На другой день уезжал из Петербурга за границу И. Л. Горемыкин, и проводить его приехали многие министры, входившие в состав его кабинета, а среди них и Шванебах, подошедший ко мне, тоже бывшему на этих проводах, с сияющим лицом и со словами: «Mori et resuscite dans les heures»¹⁰. Оказалось, что его вновь вызвал к себе Столыпин и сказал, что соглашение с общественными деятелями окончательно разрушилось и что ему, Шванебаху, нет надобности оставлять занимаемую должность.

Если мне неизвестны подробности переговоров Столыпина с упомянутыми общественными деятелями, то для меня совершенно ясна основная причина их неудачи. Заключалась она в том, что мысль о привлечении общественных деятелей возникла на почве смягчения впечатления в стране от роспуска Государственной думы. В основе лежал все тот же страх, который побуждал Д. Ф. Трепова¹³ идти на соглашение с кадетами и противиться роспуску народных представителей. Последствий роспуска Государственной думы опасались, в сущности, все, но в то время, как Горемыкин и его единомышленники среди правительственного синклита почитали дальнейшее продолжение принявшей открыто революционный характер деятельности Государственной думы еще более опасным, нежели ее роспуск, отдавая себе вполне отчет в том, что в конечном счете с Думой сговориться все равно нельзя, что ее все равно рано ли, поздно ли придется распустить, противники роспуска предпочитали не задумываться

¹⁰ Умерший и воскресший на другой день (франц.).

о будущем и в страхе, закрыв глаза на будущее, отступали от непосредственной опасности. Опасение тяжелых последствий роспуска Государственной думы ближайшее окружение Николая II сумело внушить и ему, и неисполнение Горемыкиным приказа об отмене принятого решения о роспуске нижней палаты вызвало в первую минуту весьма определенное неудовольствие государя. К Горемыкину был прислан офицер фельдъегерского корпуса для точного выяснения времени вручения председателю Совета министров записки государя, отменяющей упомянутое решение. Одновременно предложено было принятие всех мер, способных примирить общественность с этим государственным актом. Среди них намечено было и привлечение общественных деятелей, на что государь согласился весьма неохотно.

Однако по мере того как проходили день за днем и спокойствие в стране, уже уставшей от революционной смуты, ничем не нарушалось, правительство и сам государь убеждались, что никакой опасности стране не угрожает, что роспуск Государственной думы не вызвал никаких волнений, что в правительстве вновь воскресла вера в возможность править, не считаясь вовсе ни с революционными, ни даже с реформационными требованиями различных слоев населения, самое желание включить в состав правительства *outsider'ов*¹¹, не принадлежащих к бюрократическому, вполне подчиненному государственной власти слою, понемногу исчезало.

Изменение взгляда государя на состоявшийся роспуск Государственной думы сказалось очень скоро. Выразилось оно, между прочим, в том, что Д. Ф. Трепов утратил всякое влияние на царя, а наоборот, милостивое отношение к Горемыкину не только возобновилось, но даже усилилось. Горемыкин был вызван в Петергоф, где к нему вышла во время приема государем и императрица, и здесь ему была высказана горячая благодарность за его службу. Привели к Горемыкину и малолетнего наследника, причем государыня просила Горемыкина благословить его.

Помогли изменению настроения при дворе в особенности сами лидеры Первой Государственной думы. Воззвание, выпущенное ими из Выборга, где они собрались после «разгона», как они выражались, Государственной думы, имевшее вполне определенную цель поставить правительство в безвыходное положение, не получило никакого отклика в стране, и это обстоятельство сразу обнаружило всю незначительность их влияния на те народные элементы, на которые мечтали опереться выборгские трибуны. Ведь недаром же при Дурново было сослано 48 тысяч агитаторов. Не проявили поначалу никакой деятельности и террористы, решившиеся прекратить на время думской сессии всякие террористические акты, а потому не имевшие возможности сразу вновь их возобновить, так как каждый такой акт требует довольно продолжительной предварительной подготовки.

При таких условиях в последнюю минуту придрались к каким-то дополнительным мелким условиям, которые предъявили общественные деятели для вступления в состав правительства, чтобы сразу прекратить с ними всякие разговоры.

Шаг назад был, однако, сделан не столько Столыпиным, сколько самим государем, вообще весьма неохотно соглашавшимся на всякие уступки общественности. Я хочу, однако, подчеркнуть, что руководствовался здесь государь не желанием сохранить в своих руках неограниченную власть (это желание было весьма резко выражено у императрицы, но отнюдь не у государя), а глубоким убеждением, что Россия не доросла до самоуправления, что передача в руки общественности государственной власти была бы губительна для страны. Нет сомнения, что с годами у государя вкоренилась привычка к неограниченному самовластию и что тем не менее по природе своей он не дорожил им. Та легкость, с которой он отрекся от престола в 1917 г., и весь его образ жизни и поведения после отречения это в полной мере свидетельствуют.

¹¹ Outsider (*англ.*) – посторонний.

Государь очень скоро вернулся к прежнему образу мыслей, причем в это время, с упразднением влияния Д. Ф. Трепова, к тому же вскоре скоропостижно скончавшегося, при дворе усилилось влияние лиц относительно правого, чтобы не сказать реакционного, направления. Среди них были и лица, по умственному их развитию совершенно лишённые политического понимания и воспитания, как кн. М. С. Путятин¹⁴, занимавший должность помощника гофмаршала двора, гр. Бенкендорфа¹⁵. Человек этот, инспирируемый бывшим обер-прокурором Синода А. А. Шихматовым, неизменно стремившимся и умевшим создать себе связи среди царской челяди, сумел проникнуть в эту пору к государыне, и едва ли не он первый втянул ее в участие в государственных делах, о чем ярко свидетельствуют ее опубликованные письма к государю. Однако с наступлением смутного времени, когда царь и царица убедились, что не только положение страны, но и положение самой династии подвергается опасности, они естественно и неизбежно должны были задуматься над общеполитическими вопросами и искать людей вполне верных, которые могли бы осветить истинное положение вещей. Такими верными людьми она, разумеется, почитала ближайшее окружение царской семьи. Вот в эту-то минуту подвернулся Путятин, с которым она и вела довольно продолжительные беседы. Именно с этого момента началось сначала малозаметное, нерешительное, слабое вторжение государыни в государственные дела, с годами, однако, все усиливавшееся и приведшее, как известно, в конечном результате к тому, что важнейшие государственные решения, равно как и выбор высших должностных лиц, всецело исходили и зависели от нее.

<...> Если государь, как все слабовольные люди, мечтал лишь об одном – свести дарованные им народу права по возможности к нулю, то иначе смотрел на дело Столыпин. Он с места задался целью примирить общественность с властью, причем продолжал думать, что даже у наиболее злобных представителей общественности мотивом к оппозиции является возмущение некоторыми наиболее, по условиям времени, яркими пережитками прошлого. Он искренно был убежден, что достаточно государственной власти осуществить определенные реформы, отменить вызывающие наибольшее раздражение передовой общественности правила, доказать тем самым, что правительство вполне искренно желает считаться с общественным мнением, чтобы обезоружить оппозицию и завоевать общественные симпатии. В частности, он считал, что и в области земельного вопроса необходимо сделать довольно существенные уступки требованиям, провозглашенным распущенной Государственной думой.

Первые слова, сказанные им мне после своего назначения главою правительства, были: «Перед нами до собрания следующей Государственной думы сто восемьдесят дней. Мы должны их использовать всю, дабы предстать перед этой Думой с рядом уже осуществленных преобразований, свидетельствующих об искреннем желании правительства сделать все от него зависящее для устранения из существующего порядка всего не соответствующего духу времени».

Эту фразу он повторял мне впоследствии неоднократно, и я уверен, что он ее говорил и всем членам своего кабинета и другим своим сотрудникам по Министерству внутренних дел.

Однако надо сказать, что главная цель, которую он преследовал, была не улучшение условий народной жизни, не усовершенствование порядка управления страной, а укрепление государственной власти, поднятие ее престижа и примирение с нею культурной общественности. Эту цель он стойко и последовательно преследовал за все время нахождения у власти и, несомненно, много в этом отношении достиг.

В соответствии с этим осуществляемые реформы интересовали его не столько сами по себе, а в отношении того влияния, которое они окажут на развитие страны, а преимущественно поскольку они будут приветствованы определенной частью общественности и тем самым могут содействовать подъему ореола власти, а следовательно, ее крепости и силы.

При этом он почти с места совершенно правильно разделил русские общественные круги на две резко различные части, а именно на те, которых никакими произведенными реформами

не удовлетворишь, ибо цель их единственная и всепоглощающая – достигнуть власти, и те, которым дороги судьбы России, [которые] искренно болеют о разъедающих ее язвах и, следовательно, способны оценить усилия правительства, направленные к исцелению этих язв. К первым он причислял, в особенности после Выборгского воззвания, лидеров кадетизма, ко вторым – русские либеральные общественные круги, кристаллизовавшиеся в политическом отношении в партии октябристов. Правда, вначале ему не чужда была надежда привлечь симпатии многих членов и в кадетских кругах, чем, между прочим, и была вызвана первая серьезная проведенная им мера, а именно передача Крестьянскому банку всех казенных и удельных и части кабинетских годных для обработки земель для продажи крестьянам¹⁶. Мере этой Столыпин придавал исключительное значение, полагая, что она произведет благоприятное впечатление в крестьянской среде и вырвет у кадет один из боевых и прельщающих сельское население пунктов их программы. Я был обратного мнения. По существу, мера эта не имела значения, так как земли эти и без того почти целиком находились в крестьянском пользовании (они сдавались им на льготных условиях в аренду), а принятие ее могло лишь усилить надежды крестьян на получение всех частновладельческих земель: добились, мол, частичного исполнения кадетской программы, добьемся, следовательно, и полного ее осуществления.

Всего труднее Столыпину было получить согласие царской семьи на отчуждение удельных земель. Государь, справедливо признавая, что удельные земли составляют собственность всего русского императорского дома, не хотел решить этого вопроса единолично. По этому поводу Столыпин мне рассказывал, что он ездил специально с этою целью к великому князю Владимиру Александровичу¹⁷ и его супруге Марии Павловне¹⁸, и сколь неохотно они выразили свое согласие. Меня Столыпин почитал, не без основания, столь враждебно настроенным против этой меры, что даже скрыл предпринимаемые по этому поводу шаги, пока они не привели к благоприятному (по его мнению) результату.

Вообще на тему о принудительном отчуждении земли Столыпин со мною не беседовал, и я лишь случайно узнал, что намерения его шли в этом направлении значительно дальше. Узнал я об этом от гр. А. А. Бобринского¹⁹, которому Столыпин как раз в первое время своего премьерства сказал: «А вам, граф, с частью ваших земель придется расстаться».

<...> Абсолютный невежда в экономических вопросах, Столыпин не понимал совершенно, что упразднение частного землевладения в России равносильно ее экономическому краху, при котором крестьянство пострадает едва ли не в первую голову.

Впрочем, повторяю, Столыпин мало заботился о тех конкретных последствиях, которые будут иметь проводимые им меры. Учитывал он почти исключительно их психологическое значение, то влияние, которое принятие их может оказать на укрепление престижа власти, на степень симпатии к правительству как политических вожаков, так и широких слоев населения.

С своей стороны я решительно не мог смотреть на те или другие принимаемые государством меры только как способы *captatio benevolentiae*¹², хотя, разумеется, не мог и не признать психологического значения того или иного занятого правительством положения.

Вообще ни характером, ни складом мышления мы со Столыпиным не сходились. У Столыпина премировали во всех его предположениях теоретические соображения, и здесь он был, несомненно, мастером. Верхним чутьем он инстинктивно постигал ту политическую линию, которой надо придерживаться для овладения популярностью, причем спешу сказать, что популярности этой он искал не для себя лично, а для всего представляемого и возглавляемого им государственного строя. Кроме того, в начале своей государственной деятельности он выказывал большую личную скромность, вполне сознавая, что он недостаточно подготовлен по мно-

¹² Снискание расположения (*лат.*).

гим основным вопросам государственного бытия. Со временем это радикально изменилось – но об этом дальше.

Следом за высочайшим указом о передаче крестьянам казенных и удельных земель, мерой, поскольку мне известно, в Совете министров вовсе не обсуждавшейся (по крайней мере при мне в Совете министров она не обсуждалась), приступил Столыпин к попытке осуществления крупных реформ по другим ведомствам. Одной из крупных значительного масштаба реформ, обсуждавшихся в Совете министров, был проект Министерства народного просвещения о введении в России обязательного всеобщего обучения. Обсуждался этот проект вечером 11 августа на даче министра внутренних дел на Аптекарском острове, т. е. накануне произведенного на ней покушения, унесшего множество жертв.

Докладывал этот проект и защищал его положения не сам министр Кауфман, по-видимому даже довольно слабо с ним ознакомившийся, а его товарищ Герасимов. Столыпин, как всегда, ограничивался тем, что предоставлял по очереди голос записавшимся и сам не только не руководил прениями, но вообще не высказывался вовсе. Председатель он был вообще слабый и притом совершенно лишенный дара резюмировать происходящие прения и высказываемые суждения. Случалось, что он вдруг с жаром скажет несколько слов по поводу высказанного кем-либо мнения, но при этом было именно больше жара, чем доводов, опровергающих оспариваемое им мнение по существу. Вообще первое движение Столыпина было неизменно подсказано ему врожденным благородством чувств и намерений, что не мешало, однако, тому, чтобы впоследствии брали у него верх другие соображения, более утилитарного свойства, неоднократно заставлявшие его принимать решения, далекие от отвлеченной справедливости.

Проект, внесенный Министерством народного просвещения, был чисто детский по своей утопичности. Недостаточно было провозгласить принцип всеобщего обязательного обучения (его в свое время скоропалительно провозгласили и большевики), надо было еще иметь возможность его практически осуществить. Враг всякого bluff'a¹³ и широковещательных, не покоящихся ни на каких реальных основаниях предположений и обещаний, я в этом смысле и высказался в Совете министров, указав, что раньше чем провозглашать обязательность всеобщего обучения, надо подготовить достаточный учительский персонал и что Министерство народного просвещения лучше бы сделало, если бы проектировало учреждение толково подготовленных инструкторов преподавателей как для низших, так, кстати сказать, и для средних учебных заведений. Решительно возражал против проекта, по обыкновению с точки зрения предположенных для его осуществления денежных ассигнований казны, и Коковцов. Столыпин безмолвствовал, и заседание кончилось, как всегда, не отклонением проекта, а предложением министерству его переработать, что, в существе, сводилось к тому же самому²⁰.

На этом члены Совета разъехались, совершенно не подозревая, что только что избежали большой опасности. Как впоследствии выяснилось, террористы, произведшие покушение на дачу министра на другой день, проезжали в этот вечер мимо нее, имея с собою взрывчатые снаряды и думая их бросить в выдававшееся на улицу широкое окно (вернее, стеклянный выступ) той комнаты, где заседал Совет министров, но так как между дачей и улицей был небольшой палисадник, то в последнюю минуту они отказались от этой мысли, полагая, что брошенная ими бомба не достигнет цели. Впрочем, я не ручаюсь за достоверность этого, ибо рассказ об этом никогда не поинтересовался проверить.

На другой день, часа в три, находясь в министерстве, мне понадобилось переговорить о чем-то со Столыпиным по телефону, и я попросил секретаря соединить меня с ним. Не прошло и нескольких минут, как секретарь, взволнованный и бледный, влетел ко мне в кабинет и сказал, что с дачи Столыпина, с которой он соединился, дежурный чиновник просил его дать

¹³ Bluff (франц.) – блеф.

немедленный отбой, так как ему необходимо снестись тотчас с каким-либо доктором. На даче пожар и есть жертвы.

Тотчас, разумеется, я поехал туда и приехал одним из первых. До меня прибыл лишь градоначальник Лауниц²¹. На даче застал я ужасную картину: у подъезда стояло наемное ландо, лошади которого лежали убитые. Сама дача представляла развалины. Вся ее передняя часть была разрушена. Передняя стена обвалилась, и видны были обширная передняя и соседняя с нею маленькая приемная с обрушившимися потолками, увлекшими за собою меблировку соответствующих комнат верхнего этажа, где жили дети Столыпиных. Тут же лежали, чем-то прикрытые, тела убитых: их было несколько, а именно все находившиеся в момент взрыва в передней. Изувеченная дочь Столыпина – у нее были перебиты ноги – была перенесена в другое здание. Малолетний сын Столыпина, тоже провалившийся вместе с потолком в нижний этаж, был найден среди всевозможных обломков совершенно невредимым.

Столыпин был, несомненно, смелый, мужественный человек: он сам извлек своего сына из обломков и, невзирая на испытанное им потрясение, сохранил полное спокойствие. Силой взрыва он сам, находившийся за две комнаты от его центра, равно как бывшие у него в это время в кабинете симбирский губернский предводитель дворянства Поливанов и председатель губернской управы Беляков были отброшены на пол, причем свалившаяся со стола чернильница своим содержанием облила затылок и шею Столыпина. Тотчас следом за мною приехал Коковцов. Как сейчас вижу следовавшую за этим небольшую сценку. В крошечной уборной, выходящей в сад, стоит Столыпин и, скинув верхнее платье, старается отмыть облившие его чернила. По одну его сторону стоит Коковцов, по другую – я. Мокрый, со струящейся с него водой, Столыпин, несколько возбужденный, с жаром говорит: «Это не должно изменить нашей политики; мы должны продолжать осуществлять реформы; в них спасение России». И это не была поза. Столыпин в эту пору, в первом пылу государственного творчества, был действительно всецело предан мысли о реформах России и думал лишь о них.

Через несколько дней после этого трагического события состоялось заседание Совета министров в доме министра внутренних дел, что на Фонтанке, куда после взрыва на даче, ставшей совершенно необитаемой, переехал Столыпин. Заседание происходило в церковной аванзале, окна которой давали во двор. После взрыва на даче передние комнаты с окнами на улицу почитались небезопасными. Установлены были и некоторые формальности для лиц, входивших в дом, занимаемый Столыпиным. На заседании этом обсуждался проект земельного устройства крестьян в Закавказье. Докладывал проект Петерсон, начальник канцелярии наместника на Кавказе. Присутствовал представитель наместника на Кавказе в Петербурге барон Нольде. В самый разгар прений в залу вошел курьер и передал Столыпину какой-то конверт, с содержанием которого он тотчас ознакомился и немедленно вслед за сим сказал, что он имеет доложить Совету одно очень спешное дело, а потому вынужден перенести рассмотрение обсуждаемого проекта на другой день. Попросив засим присутствовавших чиновников канцелярии Совета министров удалиться, Столыпин прочел полученный документ. Оказалось, что это была собственноручная записка государя, довольно длинная, дословное содержание которой я, конечно, не помню, но началась она со слов: «Я желаю, чтобы немедленно были учреждены военно-полевые суды для суждения по законам военного времени». Дальше говорилось о тех политических преступлениях (террористических актах, вооруженных выступлениях и т. п.), которые должны быть подведомственны этим судам.

Впечатление, произведенное этой запиской, было огромное. Мера эта в ту минуту, очевидно, не совпадала с намерениями Столыпина, все еще мечтавшего справиться с революцией мерами конституционными. Насколько помнится, не сочувствовал этой мере и министр юстиции Щегловитов²², столь решительно впоследствии вторгавшийся своим личным произволом в дела правосудия.

На другой день после этого заседания я вынужден был выехать за границу к моей матери, о тяжелой болезни которой получил известие. Вернувшись примерно недели через две в Петербург, я уже на границе прочел утвержденные правила об учреждении военно-полевых судов, которые и начали немедленно действовать. Узнал я при этом, что за мое отсутствие обсуждался и другой способ борьбы с подпольным террором, на мой взгляд, наиболее действительный, а именно введение института заложничества: смертная казнь над осужденными к ней не приводится в исполнение, и они сохраняются в виде заложников и подвергаются ей в случае совершения нового террористического акта. Институт этот был почти с места введен большевиками, и среди принятых ими мер эта мера, поскольку она касалась лиц, уличенных в контрреволюции, наименее незаконная. Революционеры в 1906 г. вели открытую борьбу с государственной властью, и последняя, на мой взгляд, не только имела право, но обязана была принять все меры для охранения государства от крушения и для обеспечения нормального порядка управления страной. Ложная сентиментальность и фальшивый либерализм, проявляемый в отношении к врагам государства, отражались на всем ходе государственного управления и, следовательно, нарушали интересы миллионов людей.

Иначе смотрел на это Столыпин. Он с ужасом отмахнулся от предлагаемого способа борьбы, причем одновременно твердо стоял на мысли о проявлении правительством широкой государственной деятельности. Верил он, вероятно, при этом в свою счастливую звезду. Счастье ему действительно в это время улыбалось. Взрыв на даче Аптекарского острова, правда ценой страданий его искалеченной дочери (впоследствии, однако, вполне поправившейся), сделал больше для его популярности, для привлечения к нему симпатий всех, не окончательно захваченных революционным психозом, чем все проведенные им либеральные меры. Вообще скажу кстати, что Столыпин был одним из редких сотрудников Николая II, которому можно было придать титул *felix*¹⁴, почитавшийся римлянами за наивысший. В общем, наоборот, как сам покойный государь, так и большинство его сотрудников родились под несчастной звездой; злой рок их тщательно преследовал, а через них и всю Россию. Счастье не покинуло Столыпина до самого конца его жизни: он умер на своем посту, накануне увольнения от должности и, что больше, незадолго до поджидавшей его уже смерти: при вскрытии его тела выяснилось, что наиболее жизненные его органы были настолько истрепаны, что, по свидетельству врачей, жить ему оставалось очень недолго.

Как бы то ни было, застал я в конце августа 1906 г. правительство в творческой реформаторской лихорадке. Я, конечно, не преминул этим воспользоваться, чтобы попытаться осуществить давнюю мою мечту, а именно предоставить крестьянам право свободного выхода из общины. Была образована под моим председательством междуведомственная комиссия, которая обсуждала и пересмотрела уже дважды внесенный в высшие учреждения – сначала в Государственный совет в марте 1906 г., а затем в Совет министров в мае 1906 г. – проект правил о выходе из общины. Составлено было затем соответствующее представление в Совет министров, и я принес его к подписи Столыпину, однако в последнюю минуту Столыпин не решился его подписать и просил меня это сделать «за министра внутренних дел», сказав, что он недостаточно знаком со сложным вопросом крестьянского землепользования и что посему, если в Совете министров будут предъявлены серьезные возражения по некоторым частностям выработанных правил, то ему легче будет согласиться на соответствующие изменения, если под проектом не будет значиться его подпись.

Наступил наконец и день рассмотрения выработанного проекта в Совете министров. Мне нечего говорить, с каким волнением я его ожидал. Целых четыре года напрягал я все усилия к тому, чтобы высвободить русское крестьянство из-под общинного ига, прибегая для этого ко всевозможным ухищрениям, и до тех пор все тщетно.

¹⁴ Счастливый (*лат.*).

Придя на заседание Совета, я, к величайшему своему ужасу, увидел среди присутствующих престарелого члена Государственного совета участника крестьянской реформы 1861 г. П. П. Семенова-Тянь-Шанского, ярого защитника общины. «Неужели, – подумал я, – Столыпин пригласил его на обсуждение правил о выходе из общины? Ведь это значило бы, что он сам им не сочувствует». Но в это время ко мне подошел Столыпин и сказал: «Не говорите ничего о вашем проекте, пока здесь Семенов; он нам мешает; он здесь по делу Алексеевского комитета».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.